ПИОНЕР 9 1987

ISSN 0130—8009

Марсово поле. Кронштадт...

Теперь — парк Лесотехнической академии в Ленинграде. Третий раз дороги революции приводят нас к местам, где покоится прах погибших «от каторг и от пуль». Поднимаюсь на холм по гранитным ступенькам маршевой лестницы. На его вершине — обелиск из серого гранита, украшенный медальоном с серпом и молотом. На цоколе надпись: «Вечная память героям Октябрьской революции». Здесь же мемориальная доска с именами героически погибших красногвардейцев Выборгской стороны. Большой скорбный список.

Как вы помните, уже в первые дни Февральской революции рабочие начали создавать свою милицию. Она принимала участие в подавлении сопротивления защитников старого строя, поддерживала общественный порядок в городе. Милицейскую службу несли поочередно, в рабочее время. А на предприятиях за красногвардейцами сохранялся средний заработок. Однако уже через месяц хозяева заводов платить отказались. Дескать, есть же городская милиция при Думе. Но эта милиция состояла из гимназистов и студентов и, разумеется, служила главным образом интересам буржуазии. Тогда большевики пошли на хитрость. Предложили организовать заводскую милицию. Предприятия-то надо охранять! Аргумент для заводчиков и фабрикантов, безусловно, весомый. По сути же, под видом заводской милиции действовали красногвардейские отряды.

Не удалось Временному правительству и в июльские дни разгромить Красную гвардию. Она ушла в подполье, надежно схоронив в тайниках оружие и боеприпасы. В дни корниловского мятежа рабочие отряды вновь продемонстрировали свою силу.

«Красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров». Так оценивал их служение революции Владимир Ильич.

Фотография В. ТЕРЕШКИНА.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИТЕ ШАГ

...Жаркое лето сменилось дождливым осенним сумраком, но атмосфера по-прежнему оставалась накаленной. Сентябрь, как и все предыдущие месяцы 17-го года, спокойствия не обещал. В конце августа провалился контрреволюционный корниловский мятеж. Сорвав попытку задушить революцию военным путем, набирает силу рабочий класс. Но и буржуазия не намерена сдавать позиции без боя. Закрываются заводы, фабрики... Революцию хотят задушить «костлявой рукой голода».

Бурлят заводы. Требуют полного контроля над всеми отраслями промышленности...

Бурлит деревня. Протестует против новых призывов крестьянских парней на чуждую и ненавистную им войну, захватывает помещичьи земли...

Бурлит национальная окраина. Поднимают восстание дехкане в Семиречье[1] и Тургайской области. Бастуют Бессарабия, Белоруссия, Украина, Прибалтика. Требует национальной независимости Финляндия...

Что же предпринимает в сложившейся ситуации пятый по счету кабинет Временного правительства? Нет, о выполнении требований народа оно не помышляет. Зато 1 сентября правительство объявляет Россию республикой. Для управления страной создается Директория. («Совет пяти» во главе с Керенским.)

Пытаются ослабить нарастающий революционный подъем и эсеро-меньшевистские лидеры, заседающие во ВЦИКе. В сентябре они созывают Всероссийское демократическое совещание, которое выделяет из своего состава Временный совет республики — предпарламент. В народе он получает меткое наименование «предбанник».

Большевики раскрыли суть нового закулисного сговора меньшевиков и эсеров с буржуазией. Они объявляют бойкот предпарламенту, требуют созыва 2-го Всероссийского съезда Советов. На очередь дня встает вопрос о взятии власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством.

Все больше и больше Советов переходит на сторону большевиков. Балтийские моряки через свой выборный орган — Центробалт — в сентябре открыто заявляют, что они не признают власть Временного правительства и никаких его приказов исполнять не будут. После сдачи немцам Риги и разгрома корниловского мятежа были переизбраны многие солдатские комитеты. Многие из них становятся большевистскими. На стороне большевиков и большая часть армейских частей Петрограда.

У всех на устах одно требование: «Пора брать власть в свои руки». Нет колебаний, нет сомнений... Есть решимость. Твердая, сосредоточенная, как перед атакой.

А в Зимнем и Мариинском дворцах, в последних своих убежищах, лихорадочно пытается удержать в руках власть Временное правительство. Министры-капиталисты приказывают разоружить революционно настроенные части. Устраивают смотры «ударников» с нашитыми на рукава шинелей эмблемами в виде черепа со скрещенными костями. Принимают на «верность» присягу у остриженных наголо девиц — «ударниц» женских батальонов. Ставят на особо привилегированное денежное, вещевое, хлебное довольствие батальоны георгиевских кавалеров. Постоянно навещают юнкерские училища, заигрывают с казачьими частями...

А вот заигрывание с рабочими уже не выходит. Заводы и фабрики становятся в сентябре грозными бастионами революции. Они ощетинились штыками, клацают винтовочными затворами. Здесь обучаются военному делу красногвардейцы. В две, а то и в три смены. Пока одни занимаются, другие работают в цехах. Потом меняются. Четко выполняются ружейные приемы, выкрикиваются зычные команды: «По врагам революции — огонь!» Пока это учебный «огонь». Слышится лишь сухой спуск курков. Но все знают: эта наука скоро пригодится.

...Готовятся резервы революции. Перешедшие на сторону большевиков Советы решительно берутся за формирование и вооружение новых красногвардейских отрядов. Принимаются только добровольцы. По рекомендации заводских коллективов, партийных организаций. Всем составом решает вступить в Красную гвардию Петроградский социалистический союз рабочей молодежи.

Позже историки подсчитают: две трети красногвардейцев Петрограда были люди в возрасте до 30 и более 40 процентов — до 22 лет. По уставу Красной гвардии в ее ряды принимались лишь те, кто достиг 18. Но, конечно же, трудно было отказать и заводским ребятам помладше. Тем более что они уже успели зарекомендовать себя быстрыми на ногу связными, юркими разведчиками, добросовестными подносчиками патронов, еды...

М. И. Калинин вспоминал: «Уже в период подготовки вооруженного восстания рабочая и крестьянская молодежь вполне зарекомендовала себя как надежная сила в борьбе за установление диктатуры пролетариата».

Владимир Ильич Ленин тоже не мог не оценить по достоинству эту силу и при разработке плана вооруженного восстания придавал ей особенное значение. Он относил рабочую молодежь к категории самых решительных революционных элементов и требовал объединить ее вместе с «ударниками» и лучшими матросами в небольшие отряды для занятия важнейших стратегических пунктов и для осуществления самых ответственных операций.

...До осуществления этих «ответственных операций» оставалось немногим более трех недель...

Владимир ЛУЦКИЙ.

---

[1] Юго-восточная часть нынешней КазССР.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

ГОД 1917-ЫЙ

Мы:

«...Дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, УЖЕ миновали».

(Из статьи В. И. Ленина «О компромиссах». 1 сентября 1917 г.)

Они:

«...Усилились большевистские организации, делающие попытки образовать явочным порядком комитеты спасения революции и агитирующие за необходимость ареста всех высших начальников».

(Из донесения начальника штаба Северного фронта в Ставку. 3 сентября 1917 г.)

«...Надвигается волна большевизма...»

(Из донесения комиссара Юго-Западного фронта верховному главнокомандующему А. Ф. Керенскому. 8 сентября 1917 г.)

Мы:

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и ДОЛЖНЫ взять государственную власть в свои руки».

(Из письма В. И. Ленина Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам большевиков. 12—14 сентября 1917 г.)

Они:

«Мы, члены партии социал-революционеров, работавшие на заводе «Русский Рено», выносим порицание вождям партии за их тактику соглашательства с буржуазией...

Вступаем в ряды истинной защитницы наших интересов РСДРП (большевиков). Призываем последовать нашему примеру всех других товарищей рабочих.

Группа бывших членов партии эсеров В. Вдовин, А. Яковлев, П. Шугаев».
(Из газеты «Рабочий путь». 13 сентября 1917 г.)

Мы:

«...Открыл заседание Чхеидзе... Чтобы добиться большинства, соглашатели связали голосование за резолюцию (по текущему моменту. — Ред.) с выражением доверия президиуму. Они были уверены, что только большевики выразят недоверие президиуму... Чхеидзе держит в дрожащих руках бумагу с результатами голосования. Не поднимая глаз, он загробным голосом сообщает: «За недоверие президиуму Исполкома голосовало больше на 107 депутатов. Итак, президиум складывает с себя полномочия».

(Из воспоминаний члена РСДРП (б) С. С. Гончарской о заседании Петроградского совета. 9 сентября 1917 г.)

Они:

«...Со всех сторон фронта отмечается та жажда мира, которая обуяла широкие солдатские массы. В 9-й армии был многозначительный случай ареста солдатами офицера за одну только высказанную им мысль о том, что мир будет не скоро».

(Из донесения дежурного генерала штаба Румынского фронта И. П. Сытина в Ставку. 10 сентября 1917 г.)

Мы:

«...Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски... мы..., не теряя ни минуты, должны организовать ШТАБ повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить НАШ штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.».

(Из письма В. И. Ленина в ЦК РСДРП(б). 13—14 сентября 1917 г.)

СЕНТЯБРЬ

Они:

Министр-председатель А. Ф. Керенский:

«Временное правительство ежедневно... получает телеграммы... о все более и более разрастающейся и раздеряющей страну анархии».

Член Центрального Комитета партии меньшевиков Б. О. Богданов:

«Единственный выход — это тот, что власть должна быть не коалиционная, а власть должна перейти в руки организованной демократии. Но, товарищи, не к Совету рабочих и солдатских депутатов, а в руки той демократии, которая сегодня здесь достаточно полно представлена».

(Из выступлений на Демократическом совещании. 14 сентября 1917 г.)

Мы:

«В огне борьбы оживают умершие было Советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы. ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ — таков лозунг нового движения».

(Из газеты «Рабочий путь». 17 сентября 1917 г.)

Они:

«В пятом часу дня (24 сентября) в Малахитовом зале Зимнего дворца собрался полный состав правительства... Задачи... самые элементарные: поднятие боеспособности армии, устранение экономического распада и борьба с анархией. В своей деятельности правительство руководилось только программами, выработанными в его собственной среде...»

(Из воспоминаний вождя партии кадетов П. Н. Милюкова.)

Мы:

«Владимир Ильич назвал работу совещания болтовней и сказал, что надо бы взять солдат, окружить Александринку и арестовать целиком это гиблое болото — достаточно уже наболтали. И спрашивает, хитро усмехаясь: нельзя ли это как-нибудь нечаянно сделать?»

(Из воспоминаний Г. С. Ровио, члена РСДРП(б) с 1905 г., на квартире у которого в августе—сентябре нелегально жил В. И. Ленин.)

Мы:

«Мы, страдальцы фронта, защищая вас, тыловых грызунов и обирателей, приходим к тому заключению, что вы там грызетесь и боретесь за власть, как боролся Николай со своей сворой, а нам от этого не легче. Нам обещали землю, но теперь видно, что дать ее не хотят...»

(Из письма солдат X армии министру земледелия С. Л. Маслову. 26 сентября 1917 г.)

«Эх, товарищи-министры,
В чехарду играть вы быстры!
Сегодня этот,— завтра тот!
Не правительство — компот...»

(Из «Газеты-копейки». 27 сентября 1917 г.)

«Весь целиком, без остатка жил Ленин этот последний месяц мыслью о восстании, только об этом и думал, заражал товарищей своим настроением, своей убежденностью».

(Из воспоминаний Н. К. Крупской.)

Они:

«Саратове состоялся губернский съезд крестьянских депутатов. Впечатление сильного сдвига влево почве неудовлетворенности области земельного продовольственного вопросов. Резолюциях съезд настаивает:

1. Изъятии законодательном порядке всех земель товарооборота, передаче их распоряжение земельных комитетов для временного, еще до особого распределения, уравнительного пользования трудового народа...»

(Из телеграммы саратовского губернского комиссара Д. А. Топуридзе министру внутренних дел А. М. Никитину. 17 сентября 1917 г.)

Анатолий МАРКУША

УРОК МУЖЕСТВА

РАССКАЗ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Уже третий день Костя злился и, чем дальше, тем больше путался в словах, и так и этак подкатываясь, приставал к деду.

— Ну я же обещал... не понимаешь? Да? А Валентина... ну-у, Валентина Андреевна и объявила! Все знают... и ребята ждут.

— Ждут! Очень интересно получается: люди меня ждут, может, оркестр музыки заказали?! А меня-то ты спросил? Я-то согласен?

— Так я же знаю, деда, ты можешь! И потом: урок мужества — воспитание патриотизма. А чья же это обязанность...

— Чего-чего? Обязанность? Красиво живем, Коська. Ты меня воспитателем назначаешь, может, еще и объяснишь с ходу, чего надо в классе рассказывать, на что, значит, нажимать особенно, а про какие военные моменты — полегче?

— Ты на войне был, деда? Был! Летал? Летал! Вот и расскажи ребятам, сколько боевых вылетов сделал, сколько самолетов сбил, каких... Как тебя тоже сбивали... Да сколько орденов заработал, сколько медалей.

— Не пойму я, Коська: ты что меня на урок арифметики зовешь? Все сколько да сколько?.. У войны другой счет был, одним сложением не обойтись...

— Вот видишь, деда, ты же все понимаешь, вот и расскажи по-правильному, как на самом деле было.

— Деда, деда... Сперва спросить надо было, а потом ребятам обещать, перед учительницей выхваляться. Или ты думаешь, мне большая радость снова про те времена вспоминать? Эх, Костя, Костя, если бы ты понять мог, чего там осталось, каких людей не вернуть...— И дед махнул рукой, показывая: разговор окончен.

В назначенное время Михаил Сергеевич Галахов, гвардии капитан запаса, вошел в четвертый «А». Он был в штатском темно-синем костюме, в тонком белом свитере. Высокий, сухой, подтянутый. Справа, под лацканом, краснел рубиновой эмалью знак «Гвардия».

Пока Валентина Андреевна объясняла классу, какой замечательный и выдающийся человек пришел к ним в гости — летчик-истребитель, участник Великой Отечественной войны, много повидавший и переживший за свои солидные годы,— Галахов молча разглядывал ребят, и выражение лица было у него скорее растерянное, чем плакатно-мужественное, профессионально, так сказать, героическое.

Наконец учительница объявила:

— А теперь, дети, давайте дружно похлопаем Михаилу Сергеевичу и будем внимательно слушать его беседу.

Ребята похлопали.

Неожиданно Галахов спросил:

— А мел у вас найдется?

Почему-то мела на месте не оказалось. И Сима Антипова — она была дежурной — побежала за мелом в учительскую, не очень-то понимая, для чего бы он понадобился летчику.

А Галахов говорил ребятам:

— Хлопали вы, пожалуй, зря. Преждевременно хлопали, ребята. Я еще не спел, не сплясал, фокусов не показывал, словом, не заслужил...

Тут вернулась Антипова с мелом. И Галахов принялся рисовать на доске самолет-истребитель. Вид сбоку. Это у него получалось очень ловко. Самолет прямо-таки летел! Галахов провел еще какие-то дополнительные линии и отметил аккуратными крестиками какие-то точки.

— Что мы тут видим? — спросил Михаил Сергеевич и сам ответил: — Мы видим схема-

— Ты на войне был, деда? Был!
Летал? Летал! Вот и расскажи ребятам! —
просил Костя Михаила Сергеевича.

тически изображенный самолет-истребитель «Як-7д». Понятно?

И хотя никто не понял, для чего дедушке Кости Галахова понадобилось рисовать эту картинку, все дружно отозвались:

— Ясно, понятно, как дважды два!..

— Раз понятно, очень хорошо. И тогда вопрос: а что это за отрезок? — Галахов провел указательным пальцем от носка крыла к его задней кромке.

— Это сах! — громко и как-то даже радостно выкрикнул Гена Мастерков.— Средняя аэродинамическая хорда это.— Гена ходил в авиамодельный кружок Дворца пионеров и в делах авиационных разбирался.

— Верно,— удивился Галахов,— может, вы и с этой точкой знакомы? — Палец его уперся в крестик, расположенный чуть повыше хорды крыла, приблизительно в конце ее первой трети, если считать от передней кромки.

— Знакомы! — с удовольствием выкрикнул Гена.— Центр тяжести. Если он как сей-

час располагается, самолет будет нормально летать, если отодвинется назад, ну-у, к хвосту, тогда центровка станет задней... И это плохо!

— Совершенно верно — плохо! Но почему? — спросил Галахов, обращаясь к Мастеркову.

— Самолет с задней центровкой легко входит в штопор и плохо из него выходит, а может... может и совсем не выйти.

Галахов посмотрел на ребят с нескрываемым интересом:

— Орлы... Раз вам все понятно, о чем шла речь, думаю, и остальное дойдет.

И он рассказал, как двадцать третьего августа сорок четвертого года его, капитана Галахова, вызвал командир их гвардейского авиационного корпуса, как подвел к разложенной на столе оперативной карте, исчерченной красными и синими значками, как, наставив палец на крошечную бухточку, лежавшую по ту сторону линии фронта, сказал:

— Вот здесь, Галахов... очень подозрительная точка...— Комкор устало выругался: — Дорог нет, один камень, а прикрывают точку и днем, и ночью. Зенитки, истребители; с моря — торпедные катера. Почему?..— И он посмотрел на Галахова уставшими, покрасневшими от бессонницы и простуды глазами с тревогой и недоумением.— Почему?..

— Не могу знать, товарищ генерал.

— Не можешь, говоришь. Должен узнать, Галахов... Должен. Мы две «пешки» из отдельной разведывательной эскадрильи потеряли... Не пробились мужики... На тебя надеюсь, вот позвал посоветоваться... тут хитрость, ход неожиданный нужны. Ставка мне с этой точкой покоя не дает.— Комкор снова выругался.— Запрашивают по три раза в день: что там да что там?..

— Ну, а пробьется, положим, кто, пролетит,— сказал Галахов,— что узнает... небось маскировка, камуфляж, в землю ушли. А бухта, так она и есть бухта — вода да камень...

— Правильно мыслишь — от визуальной разведки толку не будет, аэрофотосъемка нужна. «Пешки» и пытались снять, не вышло... Что порекомендуешь, Галахов?

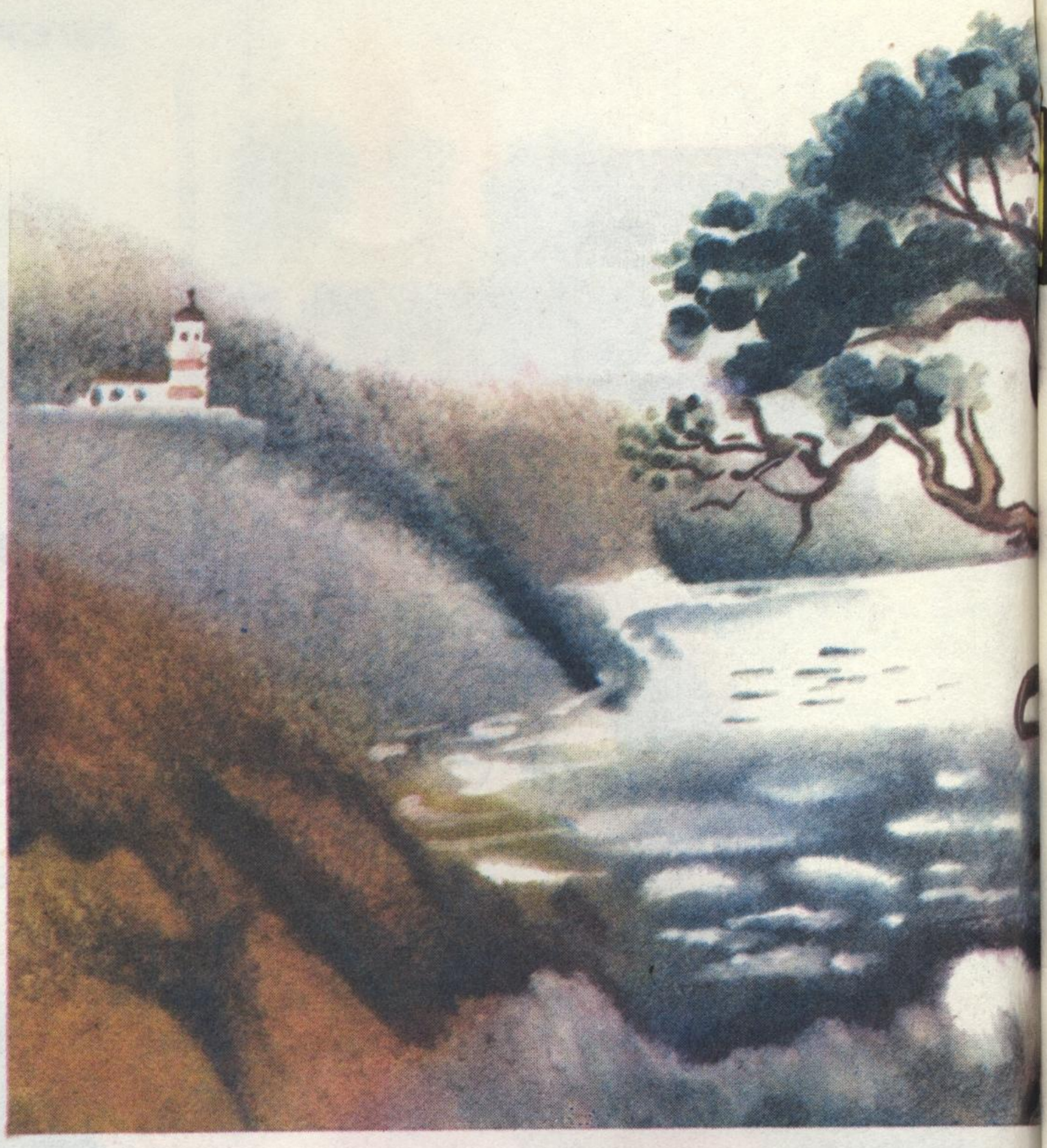
— Думаю, товарищ генерал.

— Ладно тебе: генерал, генерал... Мы не в строю, Миша, ты понимаешь, мне же труба, если я Ставке в ближайшие сутки, ну, двое суток, не отвечу. Я почему тебя позвал? Помню, как в училище тебя Эдисоном прозвали, знаю: ты на выдумки мастер. Напрягись, Мишка, очень надо.

— А если методом Коккинаки их достать? — спросил Галахов.— Может, пройдет номер.

— Не улавливаю — какой метод, что за номер?

— До войны еще Коккинаки ободрал, как липку, серийный «И-15»: бронеспинку снял, вооружение снял, лишние приборы тоже,

даже чашку сиденья заменил ремнем и вылез на облегченной таким макаром машине на четырнадцать тысяч пятьсот семьдесят пять метров — мировой рекорд высоты поставил.

— Так-так-так! Интересно размышляешь, Галахов! Что-то тут, кажется, есть.

— Надо прикинуть, но я думаю, товарищ генерал, что, если мой «Ячек» хорошенько общипать, он вместо десяти с половиной тысяч тринадцать наскребет. Там его истребителям не догнать, зенитчикам не достать...

— А центровка, Миша?

— Центровка, конечно, уйдет назад.

— Рискованно. Здорово рискованно, тем более там,— и комкор показал пальцем в потолок,— на высоте.

— Так война ведь, товарищ генерал.

— Стали мы машину готовить,— рассказывал Галахов притихшему четвертому классу «А».— Сняли пушку, два пулемета сняли, боекомплект сняли, бронеспинку сняли, радиостанцию — тоже долой, половину приборов выкинули; парашют я решил не надевать — тоже вес... Полетел. Все время помнил — центровка задняя, скорость терять нельзя, осторожно надо рулями действовать. Вылез на одиннадцать тысяч метров еще над своей территорией, развернулся на запад и пошел с набором высоты к цели. Лететь до места по расчету выходило семнадцать минут. Это много, ребята.

Галахов прошелся по классу, взглянул в окно. Там виднелась крона старой липы. Темно-зеленые листочки чуть подрагивали и жирно блестели, видно, на дворе было ветрено и сыпал мелкий осенний дождик.

— А погодка мне досталась на тот полет голубая и прозрачная-прозрачная, как слеза. Ориентиры на земле я еще до полета по карте выбрал, на память знал, где включать, где выключать фотоаппаратуру, где разворачиваться.

Сперва я «мессеров» не заметил, потом вижу — плывут ниже и ни туда, ни сюда — уходить не уходят, а до меня дотянуться не могут. Потом отвалили, а подо мной стали круглые аккуратные облачка набухать — это зенитные разрывы пошли... Красиво.

Сделал я три захода над бухтой. И каждый раз боевой курс, как по ниточке, тянул, старался, иначе совместимости кадров на пленке не получишь. Отснял все, кошусь на кислородный баллон: хватит ли? На такой высоте без кислорода не попрыгаешь — раз, два и сознание потеряешь. А еще забота — как слезать с «потолка», чтобы не подловили «мессеры», не сбили зенитчики. Я ведь, можно сказать, голый — ни оружия, ни брони, ни даже пистолета у меня не было...

Перетянул линию фронта и, как в район вышел, где меня наши истребители прикрытия ожидали, с[illegible]ил обороты, нос — к земле, а сам думаю: [illegible] высоте терять скорость боялся, а тут как бы максимально допустимую не проскочить. «Як» мой, конечно, сильная машина, но и она развалиться от перегрузки может. Земля в глаза набегает, а я ору во всю глотку: «А-а-о-о-о-у-у-у!!!» — это чтобы уши не закладывало...

Ну, сел, зарулил. Тишина кругом.

Только зубы у меня щелкают и рот трясется. Все-таки я здорового страха в том полете натерпелся, так что нервное напряжение не сразу отпускало.

Вылез из кабины. Вижу: командующий по стоянке идет. Специально приехал — встретить.

Прикрикнул я на себя (мысленно, понятно): «А ну, прекрати!» — и докладываю:

— Товарищ гвардии генерал-лейтенант, ваше задание по фотографированию прибрежного объекта противника выполнил. Докладывает гвардии капитан Галахов.

А он как взовьется:

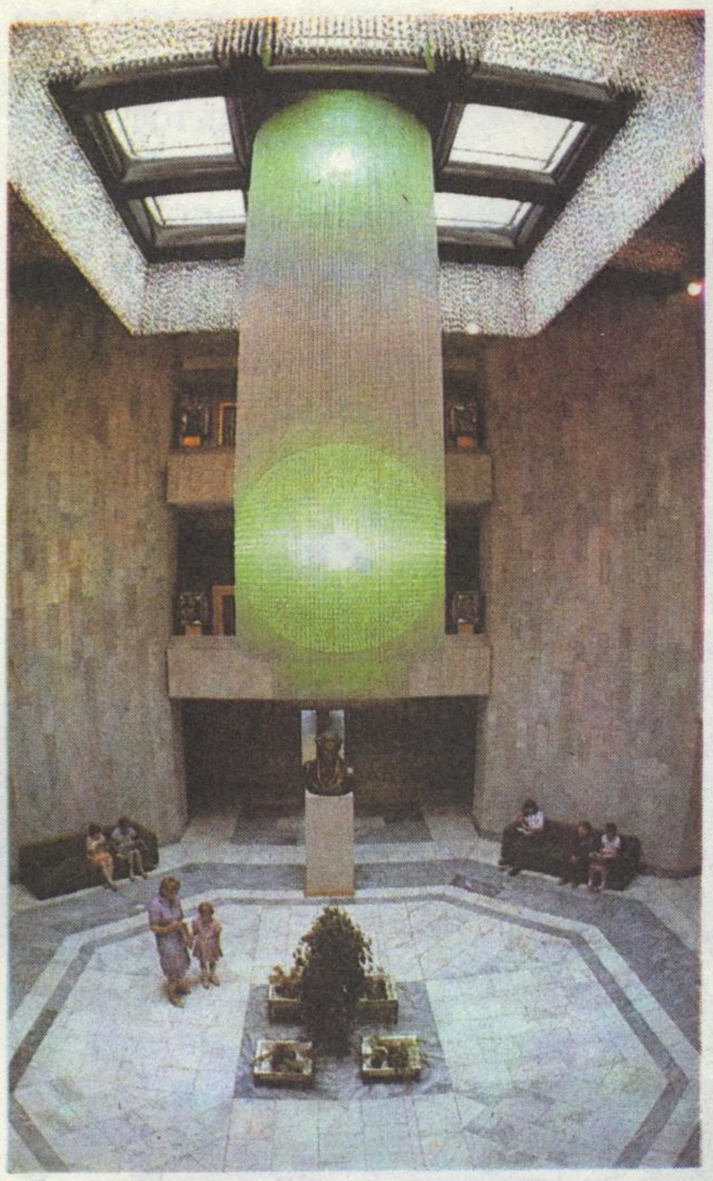
— Почему без парашюта, Галахов?! Что за самодеятельность? Кто разрешил?! Вы только поглядите на этого красавчика...

Он кричит, а я радуюсь: значит, переживает комкор, за меня переживает... Мы с ним одно училище кончали, да вот по службе он меня далеко обскакал...

Такая, собственно, военная история.

Тут Галахов внимательно поглядел на Валентину Андреевну, на Костю, на Гену и других ребят, улыбнулся своим мыслям и сказал:

— Не того ждали, ребята, да? Но я ведь все вам по чистой правде рассказал. Делать дело надо, остальное чешуя, братцы.

Ищу друзей. Библиотека.

«С 1 сентября буду хорошо учиться,— решил ты в конце каникул.— Прочитаю учебники от корки до корки, надпишу аккуратно тетрадки на год вперед, не забуду ручку и ластик, выглажу физкультурную форму — и готово,— можно стать отличником».

Что ж, если так, ты почти готов вступить в новый учебный год. Но подумай, может быть, не хватает главного — желания узнать побольше, а не просто нахватать хороших отметок? Не забыл ли ты подумать о тех книгах, которые дополнят учебник: они-то и помогут стать знающим человеком, а не зубрилкой?

Словом, я хочу спросить: записался ли ты в библиотеку? Если нет, то я уверена, что ***Главный библиограф Государственной республиканской детской библиотеки Галина Семеновна ВАСИЛЬЕВА*** *убедит тебя: это необходимо.*

— По-моему, заниматься в библиотеке очень удобно и даже приятно. Обстановка читального зала помогает сосредоточиться самому рассеянному и непоседливому человеку. Под рукой справочная литература, словари, библиографические указатели, то есть книжки о книжках. Наша библиотека подготовила целую серию таких пособий «За страницами вашего учебника» (хорошо бы они стояли в каждой детской библиотеке). Сиди, читай, выбирай — авторы не просто перечислили названия, но и кратко рассказали, о чем каждая книга.

Но в библиотеке можно не только подготовиться к уроку, здесь можно прочитать... ну, буквально все. Вот смотрите. Мы составили «архив справок» — вопросов, которые ребята чаще всего задают дежурному библиотекарю. О том, сбываются ли предсказания писателей-фантастов, о человеческих отношениях, о профессии актера, о биогеоценозе, о хомяках, о медузах, о современной эстраде, о переходе Суворова через Альпы — о чем только не просят прочитать ребята! И это я взяла наугад лишь несколько карточек, а их сотни. Иногда просьба кажется чудаковатой, даже смешной (дайте книгу об утюге, например), но мы все равно, найдя нужную литературу, заносим заявку на карточку — а вдруг она повторится? Найдется еще один «чудак»?

— Но это картотека для любознательных... А если кто-то пришел от нечего делать и сам не знает, чего он хочет? Дайте, мол, что-нибудь интересное.

— Я лично отношусь к такому читателю хорошо. Я очень рада, что он все-таки пришел! Попробую поговорить, узнать, что он любит, чем его мысли заняты. Хоть что-нибудь да выберет! Если не про верблюдов, так про компьютеры, если не о человеческих отношениях, так о капитанах. В сущности, у нас здесь, в этих карточках весь мир ребячьих интересов. Кстати, «архив справок» можно создать в любой библиотеке, даже в самой маленькой.

— А вдруг читатель хочет взять книгу, а имя автора забыл?

— У читателя есть в библиотеке скромный и надежный помощник — каталог. Многие думают, что каталог — это просто данные о книжках, переписанные на отдельные карточки и расставленные по алфавиту. Александров, Борисов, Виноградов. Нет, не только. Есть каталог и по названиям. Рассказал вам приятель про увлекательную книжку «Лезвие бритвы». А автора, как часто бывает, забыл. Подойдите к каталогу, откройте ящик на букву «Л» и через пару минут, выписав фамилию автора — И. Ефремов — и шифр книги, вы сможете сообщить ваш заказ библиотекарю. Или вдруг вам захотелось прочитать книгу с иллюстрациями Бисти, Диодорова, Мавриной — так вам понравились книги с их рисунками! Вам снова поможет каталог...

— Но умение обращаться с каталогом предполагает все-таки самостоятельный поиск, работу. А юные читатели представляют себе «идеальную библиотеку» порой совершенно по-другому. Перед тем, как идти к вам, я попросила ребят из литературного кружка Московского Дворца пионеров написать сочинение на тему «Библиотека будущего». Хотите прочитать?

— Конечно.

«Библиотека должна менять форму по желанию читателя. Вот я читаю книгу о Робинзоне Крузо, а библиотека — корабль — плывет на неведомый остров. И действие происходит уже со мной, и я переживаю всю жизнь Робинзона. Читаю «Маленького принца» Экзюпери, а библиотека несет меня на Астероид, к той единственной розе... Конечно, скажете, а воображение, фантазия на что? Да, все равно очень хочется самой везде побывать!!!

Света КРИВОВА, 6-й класс».

«В библиотеку будущего можно не ходить, а просто звонить. Можно, сидя в кресле перед телевизором, набрать номер, заказать стихотворение или рассказ, и на экране он появляется. Устал — посмотри интересный фильм.

Митя ЛИВАНОВ, 6-й класс».

«Город будущего — это стекло, металл, бешеный ритм улиц. Хорошо бы библиотека в этом

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

городе размещалась в деревянной избе. На деревянных лавках сидели бы читатели, а на столе стоял самовар с сушками... Читатели, погрузившись в мир далекого прошлого, размышляли бы о космосе, синхрофазотронах... Библиотека соединяла бы прошлое с будущим и настоящим.

Олег ГОЛОВАНОВ, 7-й класс».

— Получается, что ребята в своих сочинениях на первый план выдвигают комфорт, удобство. Но, по-моему, написаны эти сочинения с улыбкой, не надо к ним относиться чересчур серьезно. К тому же, как ни странно, я во многом согласна с ребятами. Они не хотят видеть библиотеку такой, какой она была в прошлом. И это правильно. Библиотека должна меняться, становиться другой. Какой? Заходите в нашу библиотеку на Октябрьской площади — и вы многое поймете. Нет, в ней нет аппаратов, превращающих читальный зал в космический корабль. Но есть нечто другое, на мой взгляд, более важное: любой читатель найдет в ней занятие по душе, а не просто возьмет книгу и уйдет. Хочешь отдохнуть от задач по физике — зайди в фонотеку, послушай музыку, посмотри диафильм, со временем появятся и видеомагнитофоны. Если ты еще не разлюбил играть в куклы — не стесняйся, заходи в игровой зал. Мы уверены, что в библиотеке должна быть мастерская для тех, кто лепит и строгает, вышивает и рисует. И даже спортивный зал — тяжело ведь часами сидеть за столом над книгой, надо и побегать. Обязательно должен быть компьютерный клуб... Как видите, библиотекари тоже любят мечтать. И, представьте, за двадцать лет работы в библиотеке многие мои мечты сбылись.

— Галина Семеновна, давайте вернемся из будущего в день сегодняшний. Иной читатель, придя в свою обычную библиотеку, нужной книги часто не находит...

— Да, так бывает. Особенно в маленьких сельских библиотеках. Но я хочу обрадовать читателей: сейчас в районных и областных библиотеках создается так называемый «подвижной» книжный фонд, которым по очереди будут пользоваться детские библиотеки. Самые популярные, самые читаемые книжки будут путешествовать из одной маленькой библиотеки в другую. Впрочем, для тех, кто твердо знает, какая книга ему нужна, есть другой выход: заказать ее по Межбиблиотечному абонементу. Библиотекарь закажет ее специально для вас из областного, республиканского центра.

Ну, а насчет того, что мы с ребятами унеслись в своих фантазиях слишком далеко,— я думаю, это не совсем так. Организовать архив справок (подобрать книжки по самым популярным темам), игровую комнату, просмотр диафильмов, выставку рисунков может каждая библиотека, если есть у нее хорошие друзья среди ребят. Кстати, будет очень здорово, если вы, ребята, создадите совет друзей библиотеки, который всем этим займется. Тогда, я уверена, в библиотеку придут и те, кто раньше обходил ее стороной.

Беседу вела А. ДРУЯНОВА.

Лев РАЗГОН

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ...

Окончание. Начало в № 8.

Слет открылся!

Слет открылся 18 августа во второй половине дня.

Огромная чаша стадиона «Динамо», в те годы самого большого стадиона не только в нашей стране, но и во всей Европе, была заполнена. Кроме делегатов, на слет пришли представители всех московских отрядов юных пионеров. Пока многотысячная масса детей рассаживалась, над стадионом, над всей округой трещали барабаны, гудели горны, звучали пионерские песни.

Слет открыли руководители Советского правительства, потом выступали старейшие большевики, делегаты, над стадионом гремел голос Маяковского, читавшего свои стихи... И хотя не было тогда таких декораций и украшений, которые мы видим сейчас на больших празднествах в Лужниках, но, ей-ей, получилось не хуже! И в ночном небе вспыхнул, взорвался, развернулся фейерверк, никем не виданный доныне.

Из всего интересного, что было на открытии слета, особенно мне запомнилась небольшая церемония. Слет решил обратиться с письмом к юным пионерам, какие будут у нас в стране через полвека. Полвека... Тогда даже странно было представить, что пройдет столько лет, все изменится, а юные пионеры все равно будут, и они прочтут наше обращение из далекого-далекого прошлого... Письмо к будущим пионерам было вложено в металлическую капсулу. Небольшая группа, избранная от всех делегатов слета, подошла к нише, сделанной в бетонной стене стадиона. Прожектора освещали этот кусок стены, и затихший стадион смотрел, как закладывают в нишу капсулу с письмом, закрывают ее мраморной плитой, тщательно — на целых полвека! — замуровывают письмо к тем, кто еще родится через десятилетия...

1-я Всесоюзная конференция юных пионеров

Где в нашей стране происходят самые главные съезды? В Кремле. И пионерской организации Центральный Комитет партии, Советское правительство предоставили для конференции тот самый Андреевский зал Большого Кремлевского дворца, где проходили съезды партии, конгрессы Коммунистического интернационала, зал, где столько раз выступал Владимир Ильич. И не только этот кремлевский зал, но и весь Кремль. А Кремль в те годы не был таким открытым, как в наше время. В Кремле не только находились самые главные правительственные учреждения, но и жили руководители партии и правительства. В Кремль можно было пройти по пропускам, которые выдавались строгой комендатурой.

Но в эти августовские дни, когда шла конференция, хозяевами Кремля стали пионеры. Центральный штаб слета сам решал, кого пустить в Кремль. И временным комендантом Кремля был назначен московский вожатый Лева Подвойский. Он выдавал пропуска делегатам и гостям, бегал к кремлевским воротам и давал указания кремлевским часовым. И те выслушивали приказы «коменданта» с красным галстуком и отдавали ему честь... В перерывах конференции делегаты, участники слета, московские пионеры бродили по Кремлю, рассматривали то, о чем только читали или слышали: громады соборов, царь-пушку и царь-колокол, площадь, где на субботнике работал Ленин.

В Андреевском зале собралось 600 ребят, избранных на конференцию от всех делегаций страны. Конечно, делегаты 1-й Всесоюзной пионерской конференции ведут себя менее серьезно, нежели участники других форумов, проходивших в этом зале. Ребята бегают по всему дворцу, забираются на царский трон, сбиваются в кучки и поют песни... Но все успокаиваются, когда начинается заседание. Потому что конференция эта — настоящая, и обсуждаются на ней очень важные вопросы.

Их два: «Состояние и задача пионерского движения в СССР» и «Пятилетний план социалистического строительства и дети». С докладом выступает Надежда Константиновна Крупская.

Пока с трибуны говорят докладчики, вожатые и пионеры, в разных уголках дворца работают секции конференции. Их много — 12. Невозможно рассказать о работе каждой. Могу только назвать некоторые: «Что мы можем дать в пятилетку?», «На защиту экономического положения детей», «Участие пионеров в коллективизации», «Как работать пионерам кочевых народов?»

Мне довелось работать в первой секции — «Что мы можем дать в пятилетку?». Каким образом дети могут участвовать в грандиозной перестройке — вот главный вопрос, который мы обсуждали. Дети не могут строить домны и тракторные заводы, не могут добывать руду, уголь, валить лес... Но они могут сажать новые деревья, оберегать поля от вредителей-насекомых. За один год, предшествующий слету, дети развесили в садах и лесах более миллиона скворечен, посадили почти два миллиона деревьев. В те годы поля — и колхозные, и единоличные — безмерно страдали от нашествия грызунов. Пионеры изготовили и установили более миллиона мышеловок. В наше время, когда для защиты растений имеются разнообразные химические средства, странным и даже смешным кажется установка мышеловок... Но речь шла о сбережении хлеба, а это уже совсем не смешно — хлеба было мало, его не хватало. На огромных полях юга России и Украины пионеры уничтожили 500 тысяч сусликов, а значит, сохранили 400 вагонов зерна.

Очень напряженно работала секция «На защиту экономического положения детей». Кто были те дети, которых надо было защищать? Маленькие батраки, их нанимали кулаки, платили мало, а работать заставляли целый день. Это были дети, работавшие у кустарей — в сапожных, слесарных, кожевенных мастерских. Они назывались учениками, и поэтому им или совсем не платили, или же платили гроши. А в городах, на перекрестках сидели маленькие чистильщики сапог и громко зазывали клиентов. По улицам бегали маленькие газетчики и выкрикивали не только названия газет, но и содержание главных материалов. Это были дети 10—12 лет, а нередко и 7—8... Тяжела работа газетчика: в пять утра нужно быть в газетной экспедиции, зимой приходить туда в полной темноте. Чтобы заработать в день 2 рубля, надо продать 200 экземпляров. Конечно, не от хорошей жизни занимались этой нелегкой работой дети. Большая часть газетчиков не ходила в школу, была неграмотна.

Конференция обратилась к Советскому правительству с просьбой запретить в сельском хозяйстве и кустарной промышленности труд детей, не достигших 14 лет. А с маленькими газетчиками дело было сложнее. Казалось, проще всего запретить детям продавать газеты. Но делегаты конференции хорошо знали, как необходим для этих детей их заработок... Пионеры Красной Пресни Москвы рассказали, что они организовали для маленьких газетчиков клуб. В этом клубе газетчики отдыхали, их учили грамоте. Они становились пионерами и уже не чувствовали себя одинокими и беззащитными.

Да, 1-я Всесоюзная конференция юных пионеров была не парадной, а деловой. На ее заседаниях и на заседаниях секций выступило 195 пионеров. Все их выступления записывались, и потом решения конференции составили порядочную тетрадку. Решение разослали во многие правительственные учреждения, во все области и края страны.

Гости из разных стран

Первый Всемирный конгресс юных пионеров открылся во Дворце труда. На конгрессе присутствовало 200 делегатов. Шестьдесят ребят были из капиталистических стран. Много это или мало? На конгрессе стало известно, сколько же в капиталистических странах юных пионеров и как называются их организации.

В Англии — «Союз юных товарищей», и в нем 600 мальчиков и девочек.

В Австрии — «Красные юные пионеры», их 250.

В Аргентине «Детские коммунистические группы» насчитывают 700 человек.

Зато в Германии «Союз юных

спартаковцев» объединяет 10 тысяч ребят.

А в Китае пионеров 40 тысяч!

В некоторых странах пионеров было довольно много.

В Польше, в «Союзе юных пионеров», — 3 тысячи.

В Финляндии, в «Союзе организованных рабочих детей»,— 3500.

В США, в «Союзе юных пионеров»,— 4000.

А в некоторых странах пионеров было мало.

В Швейцарии, в «Союзе рабочих детских групп»,— всего 500 ребят, а в Австралии — всего-навсего 50 пионеров.

Ну, а в Советском Союзе, в пионерской организации имени В. И. Ленина, насчитывалось целых два миллиона детей!

На конгрессе делегаты рассказывали, как трудно работать пионерам в капиталистических странах. Их преследуют, избивают ребята из буржуазных детских организаций, полувоенных отрядов при крупных буржуазных партиях. Пионерам запрещают носить в школе красный галстук, да и немало смелости надо набраться, чтобы выйти в галстуке на улицу. Большинство пионеров — дети коммунистов, дети рабочих. На пионерские сборы они собираются внезапно, в заранее условленных местах, сообщая друг другу пароль. И это вовсе не игра.

Пионеры не боялись преследований, они знали, на что идут. На конгрессе выступил знаменитый немецкий коммунист Макс Гельц. В 1921 году он был руководителем восстания рабочих, после подавления восстания арестован и много лет провел в тюрьме. С трибуны конгресса он рассказывал: «Когда я и некоторые другие товарищи сидели в Бреславльской тюрьме, как-то раз... под окнами тюрьмы проходил пионерский отряд, пионеры пели наши революционные боевые песни... Мы плакали от радости, что растет новая смена, что наше дело не погибло, что, если мы упадем, есть кому нести наше знамя...»

Выступала на конгрессе и Надежда Константиновна Крупская, а от Коммунистического интернационала — известный венгерский коммунист Бела Кун.

Пионерской слет был радостной работой для фотокорреспондентов. Они снимали делегатов на стадионе, в рабочих семьях, в Кремле... Только на Международном конгрессе фотокорреспондентов просили не делать снимков... Многие делегаты из капиталистических стран приехали на слет нелегально или полулегально. О том, что они едут в Советскую страну на пионерский слет, на международный конгресс, не должны были знать полицейские, школьные наставники, скаутмастера.

На слет приехали пионеры из разных стран. На этой фотографии — группа американских и германских гостей слета.

И, предоставляя слово некоторым делегатам, председатель называл только их имена или вымышленные фамилии...

Спартакиады, смотры, выставки...

Просматривая в старых газетах и журналах отчеты о слете, вспоминая эти дни, не перестаю удивляться: откуда у детей брались силы и время?! Один день 4 тысячи делегатов провели в Октябрьском летнем лагере Красной Армии. Юные пионеры приняли участие в войсковых учениях, вместе с красноармейцами обедали, в красноармейских палатках провели «мертвый час». Вечером организовали концерт самодеятельности и к ночи возвратились в Москву, полные новых впечатлений.

На стадионе «Динамо» прошла 1-я Всесоюзная пионерская спартакиада. В ней участвовали 1118 пионеров. В жюри, кроме опытнейших спортсменов страны, входили Секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе и заместитель наркома обороны И. С. Уншлихт. Командные соревнования велись по легкой атлетике, стрельбе и волейболу. Первое место на спартакиаде заняла команда Украины.

А в Зеленом театре Парка культуры проходил смотр художественной пионерской самодеятельности. Делегаты показывали «живые газеты», выступали струнные и «шумовые» оркестры, команды барабанщиков, хоры, плясуны, затейники... Этот «смотр» длился неделю, на нем перебывали почти все пионеры Москвы. Они шли через город строем, с песнями, впереди — горнисты и барабанщики.

В парке же открылась выставка пионерской технической самодеятельности. Чего-чего только не было на этой выставке! И не надо сравнивать ее с теперешними выставками детского технического творчества, с их электронными чудесами, компьютерами, планерами и кораблями, управляемыми по радио... Московские ребята не могли тогда зайти в магазин «Пионер» на улице Горького и купить сопротивление, реле, диоды, триоды и другие хитрые

штуки для своих моделей. Я хорошо помню, как делали представленный на выставке радиоприемник ребята моего отряда. Из толстой бумаги вырезали листочки, обклеивали их фольгой от конфет — вот и конденсатор переменной емкости... Потом на пустую катушку от ниток наматывали тоненькую лакированную проволоку — вот и катушка самоиндукции. Детектор изготовляли так: в маленькую чашечку с металлом, который можно было расплавить на обыкновенной свечке, вставляли кристалл, а над ним на рычажке висела пружинка, она находила в этом кристалле чувствительные точки... Словом, этот самодельный, выкрашенный блестящей черной краской ящичек был чудом. И каждый посетитель выставки мог подойти к этому чуду, надеть наушники, покрутить ручку конденсатора, поискать в детекторе чувствительную точку и послушать, как из наушника выплывает мелодия или человеческий голос.

Но на выставке, признаться, были и более знамечательные вещи: модели кораблей, самолетов и даже настоящий действующий планер, который привезли пионеры Украины.

Встречаясь, участники слета, из каких бы стран они ни были, приветствовали друг друга салютом.

Пятьдесят лет спустя

Но вот настали грустные минуты расставания. Спустили пионерский флаг, реявший над стадионом «Динамо», провели последние сборы и костры, погрустили в семьях, прощаясь с гостями-делегатами, — слет закрылся.

Но разве в пионерском возрасте верится в долгую разлуку? Делегатские записные книжки исписаны адресами добрых хозяев, где жили ребята, новых друзей из самых разных уголков страны. «До следующего слета!», «До встречи на очередной Спартакиаде!» «До встречи в «Артеке»!».

И никто из нас не думал, что встреча эта произойдет через полвека... Что немногие из нас встретятся друг с другом, когда новое поколение пионеров прочтет письмо, обращенное к ним пятьдесят лет назад!

18 августа 1979 года на стадионе «Динамо» собрались несколько сот человек. Большинство — пионеры московских отрядов. Мы смотрим на них с восторгом и думаем: как эти веселые, загорелые ребята в лакированных портупеях, в белых перчатках — как они непохожи на тех пионеров, бывших тут полвека назад...

Мы — это сто человек, которые пятьдесят лет назад были работниками Штаба или делегатами Слета и которых Центральный Совет смог разыскать. Со стороны, наверное, странно выглядели пожилые, а то и просто старые люди в пионерских галстуках. Пионерские значки у них соседствуют на груди с боевыми орденами и трудовыми наградами. Но мы не замечаем ни седин, ни других печальных примет времени и болезней. На какое-то время мы становимся молодыми, какими были в те августовские дни 1929 года.

...Уже много лет каждую первую субботу апреля собирается у меня на квартире «пионерский сбор» — приходят те, кто остался от 91-го отряда, где я некогда был вожатым. Собираются 10—12 человек. Главным образом девочки. Правда, эти «девочки» — уже седые старушки, бабушки, одна даже ухитрилась стать прабабушкой...

А мальчиков совсем мало. Почти все они остались в земле на бескрайних полях Великой Отечественной войны. То поколение пионеров, чьи делегаты собрались в 1929 году на 1-й пионерский слет, и приняло на себя удар фашистских армий. Бывшим пионерам было тогда по 22—24 года, они составляли костяк Красной Армии...

Собравшись на стадионе «Динамо», мы вспоминаем наших старых друзей, тех, кого с нами нет, но кто навсегда остался в нашей памяти. И плачут седые старушки с пионерскими галстуками на груди, следя, как достают из-под мраморной плиты капсулу с письмом, которое они написали вот этим мальчикам и девочкам, что застыли сейчас в строю.

Пусть им достанется другая, менее тяжкая жизнь! Пусть они не узнают, что такое война! Но пусть они примут от старших поколений веру в наши коммунистические идеалы, бесстрашие перед трудностями, честь и достоинство, с которыми были прожиты неимоверной тяжести полвека.

Им предстоит жизнь, полная труда, творчества.

Пусть они к этому будут ВСЕГДА ГОТОВЫ!

Фотографии из архива В. ГУСЕВА.

Размышляем, спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1 сентября — *День знаний.*

ДОРОГИЕ РЕБЯТА! ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С НАЧАЛОМ НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА!

11 сентября — *110 лет со дня рождения Феликса Эдмундовича Дзержинского (1877—1926), деятеля Коммунистической партии и Советского государства, активного участника польского и российского революционного движения.*

Бывали случаи, когда Дзержинский сам вместе со своими сотрудниками подбирал на улицах беспризорников. Однажды ранним утром, проходя по Никольской улице с работы домой, в Кремль, он вытащил из асфальтового котла нескольких беспризорников. Среди них был лобастый мальчишка с пытливыми глазами. Коля Дубинин... Дзержинский, разумеется, не мог тогда знать, что сыграл решающую роль в крутом повороте судьбы будущего крупного ученого, действительного члена Академии наук СССР Николая Петровича Дубинина. И дело, конечно, не в том, сколько беспризорников спасено при личном участии Дзержинского. Счет в ту пору шел не на единицы. Спасение и помощь миллионам детей — вот что явилось материальным воплощением благородного движения мысли и сердца Дзержинского.

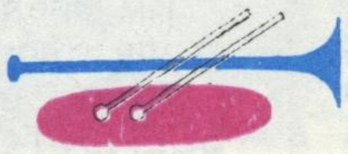
А. Тишкин. «Дзержинский».

27 сентября — *Всемирный день туризма.*

Печеная картошка — *... любимая еда туристов... Все... знают обычный способ печь картошку...*

А вот другой, менее известный: в большую жестяную банку или ведро насыпают чистый сухой песок, зарывают в него картошку и обкладывают ведро горячими углями. Примерно через час картошка готова.

Сборник «Товарищ», 1971 г.

СПОР-ПЛОЩАДКА

Обсуждаем тему, предложенную вам, юнкоры, в № 12 за 1986 г.

Всегда ли отличники — пионерские активисты? Давать ли троечникам пионерские поручения?

В нашем классе только два отличника: я, звеньевая, и наш председатель совета отряда. Мы и еще несколько девочек-хорошисток вытягиваем весь класс. Не знаю, как в других отрядах, но у нас отличники не только учатся на «5», но и выполняют пионерские поручения на «отлично».

Пионерские поручения в нашем отряде есть у всех. Но не всеми выполняются. У большинства мальчиков — так называемое пионерское поручение «тимуровец». Однако ни один из них не знает о нем. Вот обычная сцена перед отчетно-выборным сбором.

Звеньевая: Ты выполнил свое пионерское поручение?

Ученик: Какое такое поручение? Ничего не знаю.

Звеньевая: Вон в отрядном уголке висит список всех ребят с их поручениями.

Ученик говорит: «А-а-а»,— и идет рассматривать отрядный уголок с нескрываемым удивлением.

Я считаю, что настоящими пионерскими активистами могут быть только отличники, а троечники к учебе относятся спустя рукава и к поручениям так же будут относиться.

О. Е., г. Москва.

В нашей дружине активисты — отличники, а троечники у нас вообще никто. Но самое главное — мы уже привыкли к этому. Если даже и дадут какое-либо поручение троечникам, никто не будет его выполнять.

Я думаю, что надо поддерживать троечников, которым дали какое-либо поручение, а не бросаться словами, например: «Ты же троечник, куда тебе тягаться с отличниками?».

Оксана ТАРАСОВА, 6-й класс,
г. Люберцы, Московская область.

Некоторые из отличников не хотят заниматься пионерской работой, а сидят сложа руки. Им бы пятерки по школьным предметам поставили, а там и ладно. А иной отличник скажет: «Отстаньте от меня со своими поручениями. Когда мне уроки делать?»

Я думаю, что надо в классном журнале отвести место для оценок за пионерскую работу, тогда сразу все отличники заработают. Кто из них захочет иметь двойку?

Люба П., звеньевая,
Воронежская область.

В нашем отряде поручения троечникам почти не дают. Один троечник состоит в штабе «Стахановец», но когда его спросили, кто такой Стаханов, он не знал. Вот и получается: давать поручения троечникам — пустое дело. А отлич-

ники к поручениям относятся пренебрежительно. ***Так кому же тогда давать поручения?***

Лена ЛИТВЯК, г. Москва.

У нас в отряде (да и во всей школе) считают: если ты отличник, то обязательно пионерский активист. И только отличников выбирают в совет отряда, в совет дружины. Я считаю это неправильным. Почему одни должны трудиться, а другие отдыхать? И для тех и для других могут быть плохие последствия: троечники привыкнут все возлагать на других, отличники же возгордятся и будут себя ставить выше всех.

В нашем отряде к троечникам относятся хорошо. Раньше, правда, не доверяли. А вот выбрали в этом году звеньевым Сашу Чотия — троечника. Когда все узнали, то заулыбались недоверчиво — не справится. А он ничего, справляется, даже в учебе немного подтягиваться стал.

Главное — доверие. Отряд должен доверить каждому, а не только отличникам.

Элла ЯРОВАЯ, 6 «А» класс, школа № 145, г. Донецк.

ОТ РЕДАКЦИИ: Сейчас, в сентябре, когда ты и твои друзья с новыми силами принялись за учебу и пионерскую работу, разговор о троечниках и отличниках, об их позиции в пионерской организации необходим.

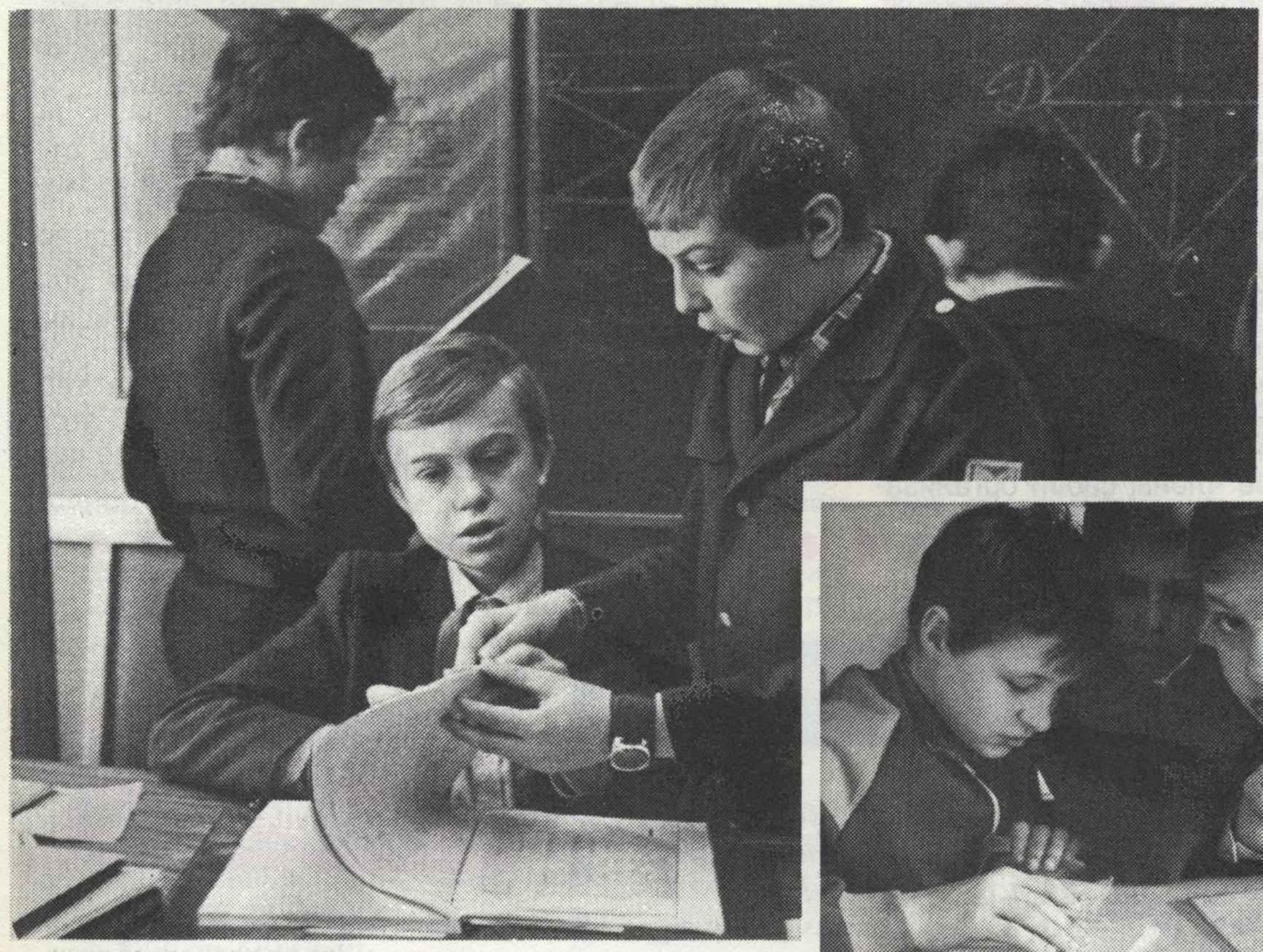
Итак, кто работает в отряде — троечник или отличник? Или те и другие вместе? Кому из них больше доверять? Как повысить активность ребят?

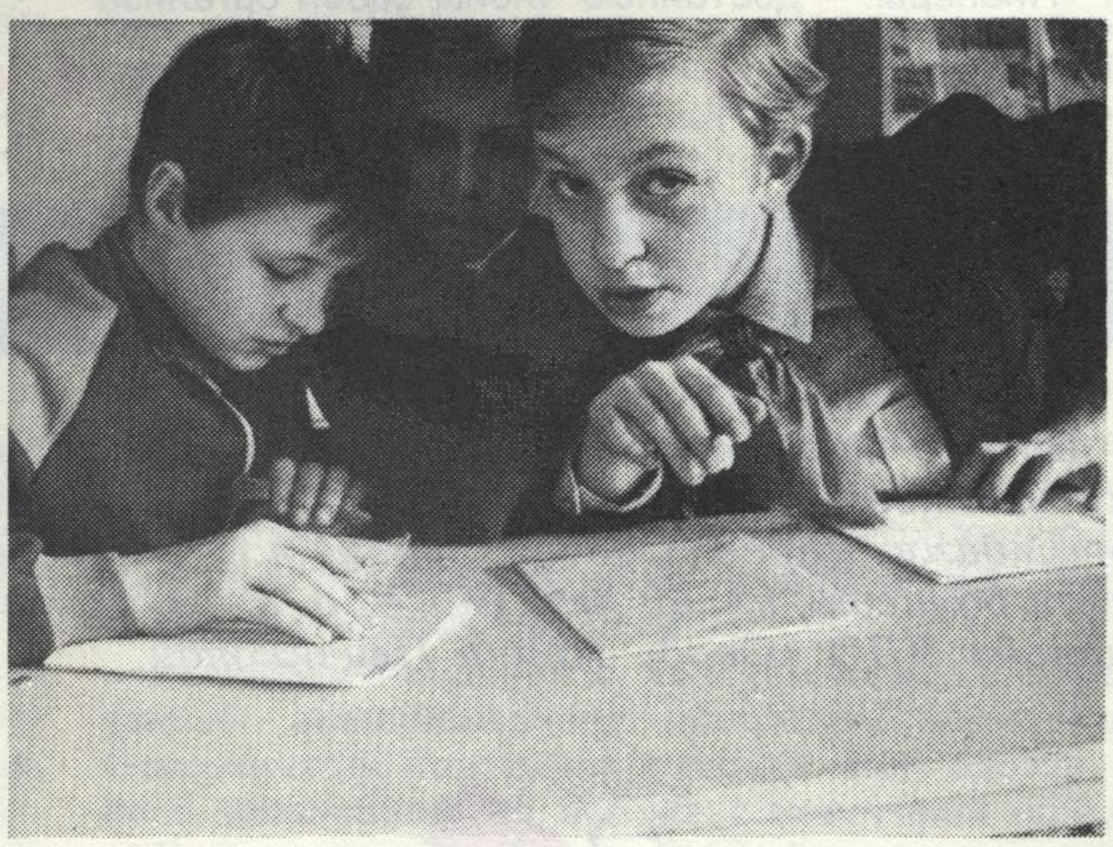
Мнения, с которыми мы только что познакомились, самые разные.

Но мы поддерживаем Эллу Яровую, которая считает, что отряд должен доверять каждому, что пионерской работой должны заниматься **все** члены отряда.

И еще. Мы хотим подробнее остановиться на письме Любы П. из Воронежской области, которая предлагает ввести в классный журнал графу оценок за пионерскую работу. Честно говоря, нас **очень расстроило это предложение.** Если такая графа появится, то полностью за пионерские дела станет отвечать учитель. Тогда и речи не может быть о самодеятельности и самостоятельности пионеров. Разве вы этого не понимаете?

Юнкоры, если у вас есть желание продолжить обсуждение сегодняшней темы, пишите. На конверте поставьте девиз: **«Пионерское поручение».**

Фоторепортаж, посвященный Дню знаний, ученика 7-го класса Сергея САСОВА, который занимается в фотостудии Харьковского областного Дворца пионеров и школьников.

СИТУАЦИЯ

В этом новом разделе мы будем вместе с вами разбирать сложные ситуации, которые порой возникают в отрядах. Темы конфликтов подсказаны вашими письмами.

Итак, представим себе такую ситуацию.

«В 5-м классе меня выбрали председателем совета отряда. В этом году классный руководитель меня «снял». Вот почему.

На классном часе мы обсуждали плохое поведение мальчика и решили вызвать его мать. Я, конечно, тоже выступала. И вот пришла мать этого мальчика, но я промолчала, не смогла ей сказать, почему отряд недоволен ее сыном. Я сама понимаю, что поступила не по-пионерски, но... Классный руководитель стал на меня кричать, называть «нюней», «ревой». Он сказал, что такие, как я, недостойны быть председателем, и меня «сняли».

В этой ситуации и председатель совета отряда, и члены отряда, и классный руководитель **допустили 5 ошибок** и показали, что они совершенно не знают права и обязанности пионеров.

Юнкоры, найдите эти ошибки, а в следующем выпуске поста «РВС» мы вместе разберем их. На конверте напишите: **«Ситуация».**

КОММЕНТИРУЮТ СТАРШИЕ

«У нас в отряде многие мальчики курят. Для нас это очень острая проблема. Что делать? Помогите нам.»

Это письмо Светланы Бабкиной, шестиклассницы из села Долгое Орловской области.

Дело ли пионерского отряда отучать мальчишек от курения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в историю.

Среди Законов юных пионеров, принятых в феврале 1929 года, был такой:

«Пионеры — достойные члены своей организации, никогда и нигде не ругаются, не хулиганят, не курят, не пьют».

Шли годы, крепла организация, все пионеры теперь учились в школе, читали книги, занимались спортом. И не было нужды оговаривать, что пионер не может ругаться, хулиганить, пить или курить. Все было ясно и так. Этот пункт сняли из Законов юных пионеров.

И вдруг, через десятилетия, снова возникает проблема — мальчики-пионеры курят. Может ли к этому равнодушно относиться отряд? Конечно, нет. И прежде всего каждый юный курильщик должен задуматься: хороший ли он пионер?

А тем, кто считает, что он уже привык курить, **предлагаем несколько советов подросткового врача-нарколога Веры Михайловны МАТЮШИНОЙ.**

Мальчики, вы легко бросите курить, если поверите, что это необходимо. А необходимо вам бросить курить потому, что **курильщику требуется в 2—3 раза больше усилий, чтобы достичь хороших результатов в спорте или науке, чем некурящему. Юный курильщик медленно растет, физически слабее своих некурящих сверстников и хуже них себя чувствует.**

Если ты не уверен, что сможешь бросить курить разом, бросай постепенно. Каждый день выкуривай на одну сигарету меньше. Никогда не докуривай сигарету до конца. Выкурил половину — выброси. А через несколько дней выкуривай только треть сигареты — остальную часть выбрасывай. Не делай глубоких затяжек.

Однажды скажи себе — больше я сигарет не покупаю. Посчитай, сколько денег ты тратил на сигареты. Представляешь, сколько книг, марок, мороженого ты мог купить на эти деньги?!

Если курить все еще хочется, сделай несколько дыхательных упражнений: разведи руки в стороны, глубоко вдохни, обними себя, выдохни. И так несколько раз.

Есть еще один совет — жестокий, но действенный. Совет для волевых людей, настоящих мужчин. Неделю не кури, ни за что, даже с курящими рядом не стой. А через неделю выкури несколько сигарет подряд, глубоко затягиваясь, пока тебе не станет плохо, пока не начнется рвота. С этого момента ты табачный дым даже выносить не сможешь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Военно-патриотический отряд «Овод» хочет переписываться с другими военно-патриотическими отрядами. Адрес «Овода»: 364264 п.г.т. Гурзуф, Крымская область, ул. 60 лет СССР, д. 8, кв. 48, начальнику штаба ВПО «Овод» Ирине Пензяковой.

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

ВНИМАНИЕ!
НАЧАЛАСЬ ПОДПИСКА
НА НАШ ЖУРНАЛ!
СТОИМОСТЬ «ПИОНЕРА» —
3 руб. 60 коп. в ГОД.
ВСЕ НА ПОЧТОВОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ!

Лев КУЗЬМИН

РАННИЙ ЭКСПРЕСС

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 8.

Рисунки В. ДУДКИНА.

4

Обругав Русакова «малохольным птицеводом» и «профессором кислых щей», Серьга Мазырин сгустил краски не очень. Кое-какая правда тут имелась. И чтобы во всем этом разобраться, надо в жизнь Николая Русакова заглянуть немного поглубже. Тем более что за ним самим, да и в его доме-домике некоторые странности наблюдались в самом деле.

Дом Русакова был старый, еще родительский. Тут когда-то жило-поживало все русаковское племя — шумное, работящее, многочисленное. Но к той поре, как Николай отслужил в армии положенную службу, от старших Русаковых, от их дел на железной дороге остались в памяти кыжимцев лишь уходящие вдаль воспоминания, да остался посредине горы вот этот дом. Остался он — притихший, опустелый. Сестры, братья Николая тесниться без родителей в нем уже не пожелали, Кыж покинули, разлетелись по разным весям и городам.

И вот, пока с армейской шинелью на руке да с легким чемоданом Николай поднимался на заросшее крапивой крыльцо, пока высматривал, чем бы отодрать прибитые вместо замка к дверным косякам доски,— маленький, всегда охочий до новостей поселок тут же зорко Николая разглядел, вмиг уверенно перешепнулся:

— Этот младший Русаков здесь не засидится тоже. Чего ему у нас засиживаться? Он в армии, небось, навидался видов получше нашего Кыжа. Какому-нибудь дачнику домишко загонит да и сам вслед за братьями-сестрами подастся.

Поселок ошибся крепко. Николай на другое же утро подался всего-навсего по лесенке в гору, всего-навсего к верхнему своему соседу, к бригадиру Зубареву. И, не прошло лишнего дня, стал в бригаде сначала просто рабочим; затем, как армейский автомобилист, сел за пульт автодрезины.

Потом он озадачил весь поселковый люд тем, что, подсветлив изнутри и снаружи родительский домишко свежею покраской, начал населять его всяческими пичугами.

А еще — книгами.

И любому сюда заглянувшему кыжимцу было странно в этом доме увидеть вдруг заместо ожидаемой холостяцкой неуютности пускай самодельные, но аккуратные, пестреющие книжными корешками ряды полок; увидеть ярусы прутяных клеток, где скакало, порхало, распевало великое множество ничуть не унывающих пернатых существ.

Жил здесь юркий, умеющий бегать по ветке вниз головой поползень. Прыгал с сучка на сучок развеселый чиж. Охорашивался в своем уголке желто-коричневый дубовник. Вспыхивала малиновым огоньком, чечекала, будто надбитый колокольчик, легонькая чечевица. И были тут еще пичуги — все друг на друга непохожие, каждая со своими повадками, каждая со своим голосом.

В дом будто переселился летний лес. Чудилось: в доме раздается не только птичье щебетание, но даже как бы журчит ручей. Но особо все же странным для захожего кыжимца-гостя оставался сам хозяин дома.

Чудновато было думать гостю, что вот этот же самый «птицевод» и «книгоед» Николай Русаков всего-то лишь какой-нибудь час тому назад вместе с ним, с гостем, вместе с другими товарищами по бригаде, спрыгнув с автодрезины, ворочал железным ломиком тяжелые, скользкие от мазута рельсины. Что это он, Русаков, пудовой кувалдой вколачивал в шпалы стальные, трехвершковые костыли, а на требовательный окрик бригадира: «Давай, братва, нажимай!» — весело огрызнулся: «Даем!» И когда по совсем еще теплым от человеческих рук рельсам пролетал очередной поезд, Николай так же, как все его товарищи, отшагивал в сторону, так же, как все, отирал устало чумазым запястьем потный лоб и говорил удовлетворенно: «Вот — и дали! Вот — и все в норме!»

Такой Русаков работящим, простосердечным кыжимцам был понятен. Таким он был для них, как говорится, «весь свой в доску». Но когда рабочая смена кончалась, когда кто-нибудь из молодежи-холостежи,— а чаще всего Серьга Мазырин,— поталкивая Николая приятельски в бок, говорил: «Айда, в буфет заглянем!» — то Николай, стараясь товарищей не очень разобидеть, шутливо отнекивался: «Да я ведь, парни, почти как многодетный... Меня мои ребята-чижата ждут. Их тоже поить, кормить надо...» Ну, а про то, что ему самому теперь после нелегкой смены нужно еще усаживаться за книги, палить почти до утра электросвет, спешно гнать, готовить в свой заочный дорожный институт очередную контрольную работу,— про это он уже и не оговаривался. Про это и так было известно всем.

Известно-то известно, да и тем не менее отрыв от теплой компании ему прощался не слишком. Отвергнутая компания глядела ему вдогон если не с насмешкой, то все же с некоторой обидой.

Разумеется, такие вот сложноватые отношения были у Николая Русакова не с каждым кыжим-

цем подряд. Захаживать с Русаковым не в буфет, а к нему домой любили бригадир Зубарев и дежурный по полустанку Платоныч. В единственном местечке дома, где можно было укрыться от птичьего стрекотания, на тесной, тоже заваленной книгами кухоньке разгорались тогда беседы на самые мыслимые и немыслимые темы.

Платоныч, к примеру, начинал так:

— Я слышал, настанет время, электровозы будут ходить безо всяких проводов... Электричество к ним пойдет, как радиоволна, прямо по воздуху.

Бригадир откликается с иронией:

— Лучше скажи, сами поезда по воздуху пойдут... Тогда нам, всем дорожникам, придется увольняться.

Русаков в назревающем споре находил золотую середину:

— Пусть — по воздуху, пусть — без рельсов, без проводов... Но без рабочих-то рук все равно нигде не поедет, не полетит. Так что не волнуйтесь!

— Да мы не волнуемся. Мы просто — из интересу. Нам не дожить.

— Отчего не дожить? Вот в книгах написано...— загорался Русаков сам и начинал рассказывать про будущее железных дорог, о том, что он вычитал в книгах.

И Платоныч в лад рассказу кивал удовлетворенно, а бригадир и тут все брал хоть немного, да под сомнение.

Они даже уходили от Русакова каждый на свой особый манер.

Тучный, шарообразный, в готовом вот-вот лопнуть форменном пиджаке, Платоныч семенил быстро из кухни в прихожую, да всякий раз призадерживался в проходной комнате возле книжных полок. Там он с усилием далеко назад запрокидывал блескучую свою лысину, уважительно, снизу вверх, разглядывал корешки книг. И, постукивая по ним пухлой ладонью, говорил сипловато, быстро:

— Учись, Коля, учись! Мне вот скоро на пенсию — займешь мой пост. А то и, глядишь, примешь руководство всем здешним участком, всей дистанцией... Будешь начальником тогда!

— К чему начальником? Я хочу быть просто грамотным инженером.

— Одно другому не помеха,— настаивал на своем Платоныч.

А вот Пашкин отец, бригадир Зубарев, стремительно прошагивал сразу к птицам. С минуту слушал их забиячливую трескотню, задерживал взгляд на более спокойной и единственной среди всех здешних пичуг супружеской паре — на снегирихе Римке, на снегире Ромке.

Смотрел, Николая подначивал:

— Гляди, что значит — семейна чета... Ясно вмиг: ни какие-нибудь попрыгунчики, а жители основательные. Когда, Никола, ты сам-то себе хозяюшку-снегурушку приведешь?

Николай отвечал в тоне таком же — балагурном:

— Привел бы, да пока не разыскал. Моя снегурушка, видать, где-то дальше Кыжа живет. Видать, где-то к нам в Кыж все еще собирается... Кроме того, слышишь, что говорит Платоныч? «Учись!» А он тебя по должности старше! Так что наказ твой бригадирский исполню чуть погодя.

Вот сюда, в несколько странноватый свой дом, в те летние, теплые, но и все еще полные неизбытого горя дни и приглашал Русаков маленького Пашку.

И Пашка, ничуть не подозревая, что поступает совсем как когда-то отец, тоже сразу проходил к птицам. Но сначала не к Ромке с Римкой, а к чижику Юльке.

Наученный Русаковым, он у самой клетки шаги свои сдерживал, руками зря не махал, тихо вставал на табурет:

— Юлька! Что мы нынче утром пили?

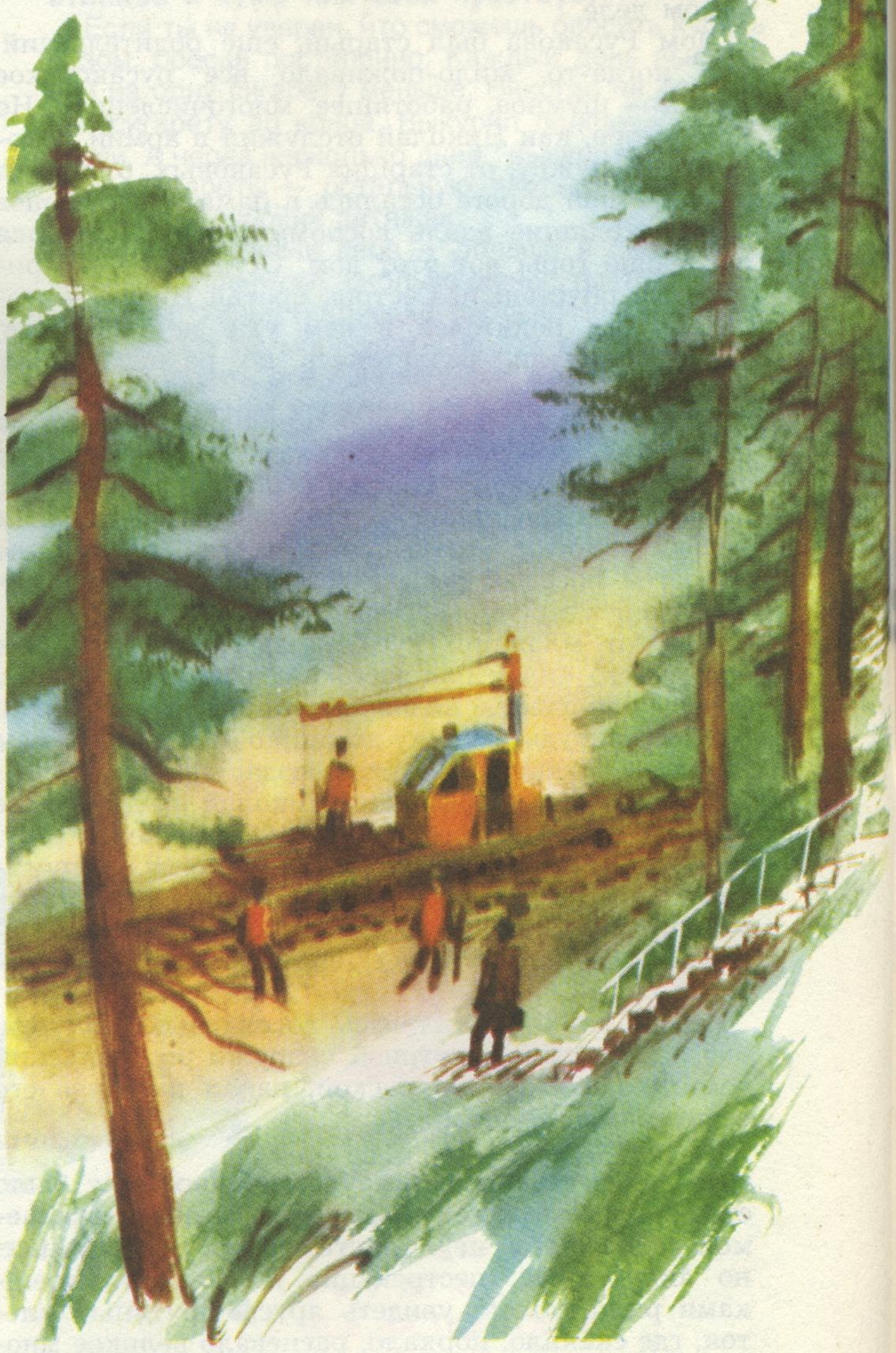
Крошечный, желтовато-зеленый, во взъерошенной шапчонке Юлька подымал курносый клюв, хвастливо показывал перовую, черную на горле салфеточку, распев заводил обыкновенным: «Тюли-тюли!», но и тут же отчеканивал такую трель, что в ней ясно слышалось:

— Пили кофе, пили ча-ай!

Пашка восхищенно оборачивался к Русакову:

— Отвечает! Честное слово, отвечает ну прямо по-человечьи!

— А я о чем твержу? — гудел довольнешенький Русаков.— Если быть повнимательней, в голосе каждой пичуги услышишь еще и не такое... Вот послушай Ромку с Римкой.

Русаков приглашал Пашку в несколько странноватый свой дом, и Пашка, как когда-то его отец, сразу проходил к птицам.

Ромку с Римкой понять было труднее, но тоже можно. Эта серьезная парочка предпочитала беседовать только друг с другом.

Солидный, толстогрудый, похожий на уменьшенного Платоныча снегирь, не торопясь, оглядывал с жердочки всю клетку. Склоня голову набок, он останавливал блестящий глазок на неспешно роющейся в кормушке скромненькой снегирихе, и, как бы желая еще надежнее удостовериться, что снегириха никуда не исчезла, поскрипывал:

— Рим! Рим! Ты тут?

— Тут я, Ром, тут...— откликалась снегириха спокойно.

Но вот в их-то сдержанных голосах всегда слышалась еще и какая-то грусть. Слышалась она Пашке, слышалась, конечно, Русакову. Потому что он даже сказал:

— Знаю отлично: снегири у себя в лесу не слишком бойки, а все ж думаю — сейчас-то они печалятся о воле.

— Так давай им эту волю дадим!

— Пусть лето как следует разгорится... Вызреет каждая лесная былинка колосом, каждый лесной кустик ягодой — тут мы клетки и распахнем.

— Всех отпустим? Поползня, чечевицу, снегирей, Юльку? — вдруг не слишком уже ратует за птичью свободу Пашка и даже вздыхает: — Без Юльки сделается как-то не так... Да и вообще плохо, когда кто-то улетает навсегда.

Этот невольный вздох Русаков улавливает моментально. Улавливает, настораживается. Да Пашка и сам тут вслух объясняет свои мысли.

— Ты знаешь,— говорит он Русакову,— вот мы с тобой починили от крылец до самых путей нашу

лесенку, а я все равно туда, в самый-то низ, по утрам больше не бегаю...

— Верно! — удивляется и тут же соглашается Русаков.— Верно... Я по утрам на лесенку с автодрезины тоже гляжу, а тебя там что-то все нет и нет... Но я ведь думал: ты просто теперь просыпаться спозаранку разучился; а ты, выходит, специально. Отчего это?

— Да оттого, Коля,— отвечает Русакову тихо Пашка,— да оттого, что как раз автодрезину там увидеть и боюсь. Боюсь ее увидеть без папы с мамой.

— А меня? — тише Пашки говорит тогда Русаков.— Меня разве увидеть там боишься? А нашу бригаду увидеть боишься? Ведь мы тебе, Паша, и теперь неизменные друзья.

— Все равно пока что не могу. Я, Коля, примчусь к тебе на работу в утро какое-нибудь следующее... А сейчас ты меня не торопи. Сейчас ты мне лучше доверь ключик от своего дома. Когда ты в бригаде, я присмотрю за твоими птицами.

— Что ж! — оживляется Русаков.— И это тоже — дело. Только у меня, Паша, ключика совсем нет.

— Почему это нет?

— А вот нет и нет! Вместо ключика у меня сбоку двери дырочка, за дырочкой — хитрая задвижечка, по-за ней — крючок. Открыть может любой хороший, свой человек. Пойдем, покажу!

И они идут, смотрят, Пашка там повторяет:

— Дырочка... Задвижечка... По-за ней крючок... Чик-бац, и заперто! Чик-бац, и отперто!

Пашка веселеет, напряжение трудного разговора снято.

Они возвращаются в дом к чижиной клетке. Русаков старается все окончательно повернуть на шутливый лад:

— Юльку мы выпускать на волю не будем. Юлька — статья особая. Он давным-давно ручной. И вообще каждый чиж привыкает к домашнему обитанию крепко. А если к нему еще чижовочку подсадить, то, не в пример снегирям, они у нас вдвоем заживут разлюли-малина! Ближе к зиме мы чижовочку для Юльки заведем непременно. Да он и сейчас, как заправский артист. Хочешь, покажу еще один с ним номер?

Русаков сам теперь вступает с чижиком Юлькой в разговор, щелкает языком, внятно выпевает на известный мотив:

Чижик-пыжик, где ты был?

Смышленый Юлька мотив подхватывает, щебечет, Русаков его ответ пересказывает словами:

На Кыжимку пить ходил!
Ветер дунул — я упал,
Видишь — хвостик замарал!

Хвостик у Юльки вправду с черноватой отметиной. Пашка так со смеху и валится. Ему от Русакова и от Юльки хоть бы теперь не уходить никогда. Опоминается лишь оттого, что в дом к Русакову заглядывает в конце концов бабушка.

— Ты что тут, Пашка, надоедаешь? Не пора ли честь знать?

— Я не надоедаю!

— У нас тут спевка,— заступается Русаков.

И вместе с чижиком, специально для бабушки повторяет песенку про измаранный хвостик.

Бабушка — желает того, не желает — приятно удивлена.

Но Пашку она зовет домой настойчиво, и Пашке, делать нечего, надо собираться, да и хозяин говорит:

— Мне тоже нужно еще кое-что подчитать да написать...

— Все маешься, парень? Все учишься? — соболезнует бабушка.

Николай смеется:

— Добровольное учение — не мучение. У тебя скоро вот Пашка так же запишется в учащиеся.

— Ско-оро...— кивает не очень бодро бабушка.

Зато Пашка кричит:

— У меня у самого книга есть! Букварь! Я его тоже читаю! Сам!

— Через два слова на третье...— уточняет бабушка.

— Все равно сам!

Русаков изображает удивление:

— Отчего раньше не похвалился? Вместе бы почитали... Но теперь, раз ты такой образованный, культурный, проводи бабушку, как полагается, до самого до вашего крыльца. Она пришла за тобой сюда, а ты ей пособи на дорожке обратной.

Слова Русакова Пашке, как на сердце мед! Он шагает к дому теперь охотно. Он, словно в самом деле от него есть подмога, держит бабушку за руку.

По крутым, в сумерках гулким ступеням они поднимаются медленно, с долгими передышками, с неторопливой оглядкой по сторонам. А за ними вслед, будто есть лестница и в небесной выси, над всем предночным поселком, над тусклыми крышами, над чуть присеребренной речкой Кыжимкой, над черною за тем берегом горой восходит тонкий месяц.

Воздух темен и в то же время зыбко прозрачен. Глубоко внизу на прибрежной полосе, на полустанке, там, куда Пашка в одиночку бегать теперь не решается, горят светофорные огни, горят от них яркие на рельсах отблески.

На полустанок пришла редкостная минута безмолвия. Но вот в путанных отзвуках речного и горного эха — не сразу разберешь откуда — в этот покой мало-помалу начинает врезаться ритмичное постукивание. Вскоре напористо, требовательно, на флейтовой высокой ноте вскрикивает электровоз. Из глубины ночи вылетает сноп огня. И теперь уже не только слышно, а и видно, что это из города проходом на восток мчится тяжеловесный состав. Через миг — грохочет эшелон встречный, тишины больше нет!

У бабушки с Пашкой настроение прежнее. Очень мирное, взаимоуважительное. Они и на тему толкуют на прежнюю, на ту, на которую навел их Русаков.

У себя дома, заперев дверь, включив на кухне лампочку, бабушка вытаскивает из теплой печной загнетки сковородку с лепешками. Достает оттуда же блюдце подогретого масла, ставит перед Пашкой на стол.

— Ешь! Скоро тебе и впрямь в школу... Набирайся сил!

— Я без того сильный! — хвастает Пашка, не забывая при этом обмакивать очередную лепешку в масло.

Бабушка с похвальбой соглашается:

— Куда там! Кто спорит! Знамо, сильный... Вон до чего хорошо меня, старую, поддерживал на лесенке.

— Я тебя всегда буду поддерживать! А еще я буду приглядывать у Русакова за птицами. Он мне показал, как отмыкается дверь, потому что я человек Русакову — совсем теперь свой!

По крутым ступеням Пашка с бабушкой поднимаются с долгими передышками.

— Ешь, ешь... Ты всем теперь свой...— подвигает бабушка еще ближе к Пашке сковородку...

6

Вот так вот Пашкина жизнь в Кыжу после случая с отцом, с матерью начала было вновь налаживаться, даже строились кой-какие планы на будущее, но в самый расцвет лета, в июле, вдруг опять все пошло наперекосяк.

И первым нанес сердечный удар Пашке, как это ни странно, сам Русаков.

Не успел Пашка однажды утром выскочить по дрова во двор; не успел, как всегда теперь, первым делом глянуть сверху на дом Русакова, а Николай — почему-то не на работе, он стоит на своем крыльце, он машет Пашке: «Лети ко мне!»

Пашка прилетел стремглав.

Русаков небывало радостным голосом говорит:

— Айда выпускать птиц на волю! А еще, Пашка, я сегодня тоже встаю на крыло.

— Как это — на крыло? — засиял было Пашка.

Русаков вынул из нагрудного кармана рубахи два согнутых бумажных листочка:

— Вот — вызов на летне-осенние экзамены в институт; вот — приказ еще и на трудовой отпуск. Все подписано, все круглой печатью припечатано! Расстаемся с тобой до конца этих дел. Я после экзаменов-то еще сестер-братьев хочу навестить. А чтобы с каждым повидаться, надо объехать почти все матушку Россию. У меня их — братков да сестренок — целая великолепная семерка!

И тут Пашка ничего больше даже спрашивать не стал, он понял главное: Русаков его покидает...

Он оперся спиной о дверной косяк, уставил глаза в пол, принялся медленно водить босой ногой из стороны в сторону, из стороны в сторону по длинной доске, по крашеной половице.

Потом едва выдохнул:

— Что ж...

А Русаков засуетился. А Русаков тоже Пашку понял:

— Да ладно ты, ладно! Да я же ведь вернусь! Я тебе Юльку оставлю... Для компании... Давай-ка распахивай окно, устроим напоследок птичий праздник!

Не ожидая Пашки, Русаков раскрыл окно сам, начал отпирать клетку за клеткой сам, да только

праздника, каким он когда-то намечался, все равно не выходило.

Птицы про волю помнили смутно и особенного стремления к ней не проявляли. Они вроде теперешнего Пашки жались в отпертых клетках по уголкам, на хозяина поглядывали недоуменно.

Только когда Русаков стал выставлять клетки прямо на подоконник, когда настороженные клювики пичуг омыло солнечным ветром, оплеснуло запахом спелых трав, зеленых листьев и смолистым духом сосновой хвои, то первым тут очнулся верткий поползень.

Он — серо-голубоватый — скакнул на белую гладь подоконника, шевельнул крыльями сначала робко, забыто, нескладно, да вот выправился, и — порх! — безо всякого «до свидания!» скрылся за окном в кустах.

Пашка, как вступил в схватку с одноклассниками, так и был как бы на полнейшем отрубе от всех.

— Один удалец отчалил! Живи, друг! — махнул ему Русаков.

Такой примолвкой он провожал каждую пичугу. То же самое сказал снегирям. И каждый раз оглядывался на Пашку, как бы приглашая взбодриться и его.

Да только Пашке виделось теперь все иначе. Пашка глядел не вослед птицам — он глядел, как пустеют клетки. И чем больше становилось их, необитаемых, тем, ему казалось, непоправимее пустеет и сам дом Русакова.

Лично Русаков еще — вот он! А дом его для Пашки пустеет и пустеет. И незачем ему будет сюда с этой поры заглядывать, не к кому будет приходить; и он, как бы пытаясь все сейчас происходящее повернуть вспять, едва выговорил непослушными губами:

— А я-то, Коля... А я-то, Коля, собрался уже ни когда-нибудь, а прямо завтра прибежать по нашей с тобой лесенке к тебе... Собирался примчаться к твоей автодрезине в твою бригаду... Но теперь что? Теперь это, Коля, уже ни к чему!

Пашка махнул рукой, опустил голову, а Русаков заходил по комнате из угла в угол. Потом встряхнулся, решительно снял с гвоздя клетку со щебечущим даже и в такую минуту с безунывным чижом.

Клетку он впихнул Пашке в ладони:

— Уймись! Ты ведь вырастешь — сам в какой-нибудь путь катанешь! То ли в Москву на экзамен, то ли вот в заслуженный отпуск... Упакуешь, брат, чемодан, займешь в поезде полочку, и хоть тебе что! Впереди — пол-отечества, а справа, слева за окнами — облака, небо, новые города, новые поселки, синь лесов, ширь полей!

Чиж четко повторил:

— Пили-ей!

— Слышишь? С ним тебе будет не скучно ничуть. А еще, Пашка, помни:

Что так спешно поезда
С нами вдаль несутся?
Да затем, чтобы всегда,
Хоть откуда, хоть когда,
Нам к друзьям вернуться!

Русаков продекламировал это стихотворение на бодрый, маршевый распев, чиж ему подсвистел. В заключение Русаков добавил:

— Вот! Придумал только что!

И Пашка полную прыгучего шороха и свиста клетку прижал к себе, Русакова попросил:

— Повтори!

Русаков песенку повторил, и Пашка, соглашаясь с песенными словами, кивнул:

— Если вернешься, то, конечно, езжай.

Он даже не стал спорить, когда Русаков сказал, что отбывает ночью, что никаких проводов ему устраивать не надо.

— Давай лучше считать,— сказал Русаков,— что прямо вот с этой минуты время пошло все ближе к нашей встрече!

И время пошло, и чижик Юлька поселился у Пашки совсем не напрасно.

При чижике грустить было недосуг, за чижиком надо было ухаживать. Дважды в день ему полагалось переменять питьевую воду, устраивать в блюдце купаленку, подсыпать то и дело в кормушку дробленую крупу, приносить свежие пучки одуванчиков.

За добрый уход Юлька отплачивал тоже не скупясь. Он отлично умел подражать многим домашним, да и не только домашним звукам. Возбуженно начирикивал, когда бабушка на кухне чистила ножом дно сковороды; звенел точно в тон, когда Пашка размешивал в чайном стакане ложкой сахар; вторил свисту электровозов на полустанке, громкому звяку выгонных буферов.

Вылетали из чижиного горлышка мелодии знакомые и Пашке, и бабушке. Так, вскоре совсем Пашка услышал от чижика мотив той, русаковской песенки:

Что так спешно поезда
С нами вдаль несутся?

И подхватил сам:

Да затем, чтобы всегда,
Хоть откуда, хоть когда,
Нам к друзьям вернуться!

Бабушка спросила:

— Что за песенка? Откуда знаешь?

— Это нас с Юлькой научил Русаков.

— Да-а...— ласково вздохнула бабушка.— Да-а... Коля-то Русаков и теперь как с нами! Коля-то Русаков уехал, а нам его и на минуту не забыть...

Эту песенку вместе с Юлькой Пашка стал повторять часто. И каждый раз под эту мелодию ему чудилось: он видит, как в необъятном просторе земли по какому-то необъятному кругу сквозь рощи, поля и утреннюю летнюю рань мчится алый экспресс.

Он, экспресс, очень похож на тот, что был сохранен от беды отцом с матерью. Он весь такой же, как в то утро,— сверкающий, лишь на всем ходу из окна смотрит теперь не проезжий, незнакомый мальчик, а Русаков Николай. Он смотрит, следит в окно, как экспресс все круче да круче забирает по широкому повороту в одну сторону, радостно оглядывается на соседей-пассажиров и объясняет им: «Это мы берем направление на Кыж! А в Кыжу мой и Пашки Зубарева дом. Я обещал Пашке вернуться и вот вернусь теперь очень скоро...»

Под эту песенку Пашка теперь и жил.

Но вот нежданно-негаданно на Пашку и на бабушку навалилась новая незадача.

Приближалось первое сентября, и тут стало известно, что будущего первышонка Пашку могут записать в школу не ту, про которую думал Пашка, а только в школу-интернат. Причем в не очень ближнюю, в городскую.

Правда, и другие кыжимские ребята ездили учиться тоже в город. Ездили, потому что в крохотном Кыжу школу свою открыть было невозможно. Учеников тут набиралось — по пальцам перечтешь, да и те ученики все возрастов шибко разных. Одному надо в класс четвертый, другому в пятый, а следующему вовсе — в седьмой или восьмой...

Вот они и путешествовали на электричках; вот, когда очередь дошла и до Пашки, то в той-то известной всем городской школе сказали:

— Правильно! Из Кыжа к нам ученики ездят... Но они все старше, а ваш мальчик для самостоятельной езды мал. А раз он мал, то кто его будет сопровождать? Кто за него в пути будет отвечать? Вам самой это не под силу: вы же сама-то, извините нас, очень старенькая.

Бабушка, ясно, что растерялась, бабушка на такие речи руками развела:

— Ох, конечно... Старость не радость. Вот и сегодня до вас я дочалила едва.

— Мы вам говорим про то же... Малыша надо устраивать в интернат. Да, да! Только так.

Только такое наше с вами решение будет здраво.

Здраво ли, не здраво, так ли, не так, но вот Пашка и оказался в школе-интернате. Оказался на первый раз до школьной раздевалки, конечно, сопровождаемый бабушкой, но уже, понятно, без Юльки и, само собой, без Русакова. Русаков, как полагал Пашка, все еще на том алом, песенном экспрессе завершал тот необъятный, на полстраны круг.

7

В голове у Пашки от безотрывных воспоминаний, то горьких, то светлых,— ералаш полный. И учится в школе-интернате Пашка Зубарев из рук вон! А вернее: не учится пока никак.

Школа, куда приняли Пашку и как очень верно о ней говорила заведующая Косова,— это школа особая. И ученики в ней особые. Даже первышата.

И если по Пашке сразу видно, что он тут пока еще одиночка-чужак, то все другие мальчики, девочки мигом уж, с первой минуты, стали здесь держаться плотными, шумными компаниями. И если Пашка про себя думает: «Я кыжимский, я бабушкин...», то все остальные говорят про себя громко, вслух:

— А мы сами свои! А мы — детдомовские! Нас в эту школу привезли из детдома, и пусть все здесь будет опять, как в детдоме!

И вот кто с кем в детдоме дружил, тот с тем дружит и здесь. И вот даже в первый же день, пока учительница Гуля в класс еще не заходила, пока она ни в чем не разобралась еще сама, все стали садиться за парты кто с кем пожелает.

С Пашкой садиться, а вернее, звать его к себе не стал никто. И он приглядел себе место у самого последнего окошка. Но, оказалось, на эту уютную парту нацелился не один он. Не успел Пашка поставить на скамью новый, купленный бабушкой портфель, как — трах! — портфель от резкого удара слетел на пол, и на скамью всунулся, уселся грозно нахмуренный, стриженный накоротко мальчик.

— Вали отсюда! Это место не твое. Да и сам ты не наш!

К тому мальчику подсел другой, такой же стриженый:

— Топай, топай... У тебя даже портфель неправильный, не детдомовский! С каким-то вон девчоночьим цветочком... А у нас у всех — коричневые, простые.

Портфель у Пашки действительно был с нарисованным на тыльной стороне ярким, желто-зеленым цветком. Этот портфель Пашка выбрал в Кыжу, в маленьком магазине, вместе с бабушкой. Выбрал именно такой, чтобы цветок хоть както да потом напоминал Юльку, Русакова, Кыж.

Вот портфель ему сейчас Русакова и напомнил. А еще напомнил крутую лестницу у вокзала и как Русаков спустил с этой лестницы Серьгу Мазырина.

И Пашка, не отводя глаз от своих вытеснителей, медленно нагнулся, медленно нашарил на полу тугой, полный книжек и тетрадей портфель, ухватился покрепче за ручку, выпрямился да и всей тяжестью портфеля, всем этим грузом хлобыстнул по стриженой макушке ближайшего задирогонителя. Следом опустил портфель на загорбок и супротивнику второму.

Те вскочили, из-за парты шарахнулись, заорали:

— Наших бьют!

И что бы тут произошло, неизвестно. Возможно, на Пашку обрушилась бы вся детдомовская братия всем своим всегда дружным, крикливым скопом, да тут и звонок зазвенел, и один из мальчиков, худой, высокий, с тою же «прической», что у всех, занял оборонную позицию рядом с Пашкой.

Занял, крикнул:

— А вдесятером бить одного — это по-нашему? Эх, вы!

Девочки тоже загалдели:

— Не по-нашему, не по-нашему! Не по правилам!

Тот, самый первый задира, занял место со своим союзником совсем на другой парте, а Пашкиному защитнику буркнул:

— Тогда, Степка Калинушкин, ты сам с этим психованным и садись... Он тебе, глядишь, тоже отвесит когда-нибудь ни за что ни про что хорошую плюху.

— Не отвесит! — сказал Калинушкин да вот и устроился с Пашкой за одну парту.

Они потом и в столовой сели за один стол. Они и в спальне устроились рядом. Только вот соседство это их пока что получалось какое-то не очень теплое. И все потому, что как Пашка приехал в школу-интернат безо всякого желания, как вступил в первые же почти минуты в схватку с одноклассниками, а вернее, с детдомовцами, так и был постоянно не то чтобы начеку, а как бы на полнейшем отрубе от всех.

Со Степой Калинушкиным он почти и не разговаривал. Даже учительница Гуля, терпеливая, деликатная Гуля, ни на первом уроке, ни на втором, ни на третьем растормошить Пашку пока что не могла.

В своем добровольном отшельничестве Пашка вынашивал мечту: «Вернется Русаков в Кыж, увидит, меня там нет, мигом примчится в интернат, сразу все устроит по справедливости. Он быстрехонько объяснит кому надо, что мое место — в самом деле, как говорят ребята,— не здесь! Он-то сумеет получше бабушки доказать, что я должен жить дома. Что настоящие мои друзья только там. Сам Русаков, сама бабушка, чижик Юлька... Даже вон старый Платоныч, раз он дружил с отцом, то и со мной будет приятелем... Даже Серьга Мазырин, болтун, куряка, гуляка, со мной собирался наладить дружбу, и, конечно, надо ее наладить... Я не гордый! Я про то, что было на лесенке, ему напоминать не стану. Мне бы лишь вернуться... И друзей своих кыжимских я не подведу. Ездить самостоятельно в простую школу сумею. Я поленницы складывал, я ступеньки чинил, а ездить на электричке — одна забава! Сел, в простую школу приехал, поучился, кати к друзьям домой! А в интернате с кем дружить? С кем, о чем толковать? Степа Калинушкин, и тот ничего не поймет, потому что он сроду Кыжа не видывал... Нет, надо ждать Русакова!»

Но Русаков в интернат, а, значит, и в Кыж все не ехал и не ехал.

А тягостные дни шли и шли.

На уроках еще ничего. На уроках Гуля Пашку тревожила, да тут же от него и отступалась. На уроках отбываешь всего часа четыре, а куда девать время остальное?

Можно, конечно, ходить на прогулки. Но ходить надо строем, парами. И детдомовские ходили, против строя не очень бузили; даже Степа Калинушкин ходил, даже тот, Пашкин, супротивник со своим подпевалой ходил, но привыкшему

к кыжскому приволью Пашке такие прогулки казались тягостней уроков... Будто ведут тебя на веревочке, как телка.

Можно было, конечно, заниматься в кружках рукоделия. Да вот вели их все какие-то тетки, и там надо было или вышивать, как девчонка, или резать ножницами цветную бумагу, клеить обрезки на белый лист. Клеить, чтобы получались солнце, дома, деревья. Все это опять же было как бы понарошку, и у приученного к настоящей работе Пашки вызывало презрение. Наконец Пашка сам нашел себе дело более серьезное, более мужское.

В преддверии скорых холодов в интернат заявился слесарь-сантехник. Черноусый, в брезентовой робе, с чемоданом, полным всякого нужного инструмента, он был одновременно похож и на Русакова, и на Серьгу Мазырина. На Серьгу слесарь смахивал тем, что от него шибко наносило табаком, и, разговаривая с воспитателями, с ребятишками, он все время похохатывал, а Русакова он напоминал своей деловитостью.

Слесарь даже во время уроков заходил прямо в классы, выстукивал, чуть ли не как доктор, выслушивал отопительные батареи, затем, подмигнув ребятишкам, удалялся в класс другой. Заглядывал он и в школьные чуланы, даже в подвал. Работал он во время уроков, во время переменок и после уроков. И вот Пашка очень быстро присоединился к нему.

Сначала, когда слесарь мелькал то тут, то там на этажах, Пашка в свободное свое время ходил за ним вслед вместе с другими мальчиками на правах общих. А когда слесарь в одну из счастливых для Пашки минут принялся в полутемном коридоре разбирать ржавую, старую батарею, когда он потянулся неудобно к раскрытому чемодану с инструментом, то Пашка мигом присел на корточки, ключ, какой надо, а в общем-то разводной, универсальный, подал слесарю прямо в руку.

— Ого! Будешь, паря, моим подсобником,— сказал сразу слесарь.

И Пашка был у него подсобником весь остальной день. А на другой раз, на другой день вышла из своего кабинета Косова. Она пристально, изучающе вгляделась в работу слесаря. Потом сказала:

— Вы знаете, рядом с моим кабинетом в умывальной комнате все время капает кран. Слышно даже через стенку, мешает думать, работать... Нельзя ли устранить течь?

— Можно! Раз, два-с, прямо при вас! — хохотнул слесарь.

— Так быстро? Ну уж! — не поверила Косова.

— Пойдемте, глянемте...

И слесарь поднял свой чемодан, махнул Пашке:

— Пошагали!

— Но мальчик этот вам зачем? — спросила Косова.

— Мой сподручник! — засмеялся слесарь.

И тогда Косова кивнула:

— Ну, что ж... Любой урок труда любому нашему воспитаннику на пользу.

И вот слесарь с Пашкой и с Косовой вошли в умывальную комнату, и была она такой медицински чистой, что слесарь сразу запереступал по белым плиткам резиновыми сапожищами на цыпочках, даже за капающий кран взялся сначала не как за медный, а как за хрустальный.

Но дело есть дело. Слесарь пустил в ход здоровенные свои ключи и отвертку, закрыл вводной вентиль. Где надо — открутил, где надо — докрутил: устранил неполадку. И тут же дал ход шумной струе из крана в белую раковину.

Затем кран опять плотно закрыл:

— Видите, уже не капает...

— Отлично,— сказала Косова,— проверьте еще раз.

— Проверь! — кивнул слесарь Пашке.

И Пашка кран повернул, и струя снова хлынула в раковину, и тут Пашке, сам он не знает как, примерещилось, что стоит он снова с Русаковым у огородной бочки, а в руках у него поливной шланг. И Пашка подставил под самый напор струи указательный палец.

Вода шумным, серебристым зонтом брызнула во все стороны, окатила Косову, окатила слесаря, оплеснула самого Пашку.

Палец он отдернул, но поздно.

— Ты что, чудило? — изумился слесарь.

— Я нечаянно...— побледнел Пашка.

— Нечаянно так не бывает! — сказала ледяным тоном, отряхивая мокрое платье, Косова.— Немедленно марш в спальню! Все с себя долой, кроме трусов! Не выходить из спальни, не слезать с постели до самого утра!

И Пашка, стыдливо избегая сочувственного взгляда слесаря, поплелся в пустую спальню.

Когда он задолго до отбоя, свернувшись комочком под одеялом, лежал один в пустой спальне, то плакал опять по Кыжу.

Когда же слез не стало, замкнул свое оскорбленное сердце против всего этого большого и такого неуютного интерната совсем наглухо.

Даже при Гуле, когда ей стало известно о водяном происшествии, когда она, крадучись, заглянула к Пашке и сказала: «Да, Паша, я верю, что все произошло нечаянно...»,— то Пашка и головы не повернул от стенки и накрылся глухо одеялом. А из-под укрытия пробормотал:

— Я эту Косову не люблю здесь больше всех...

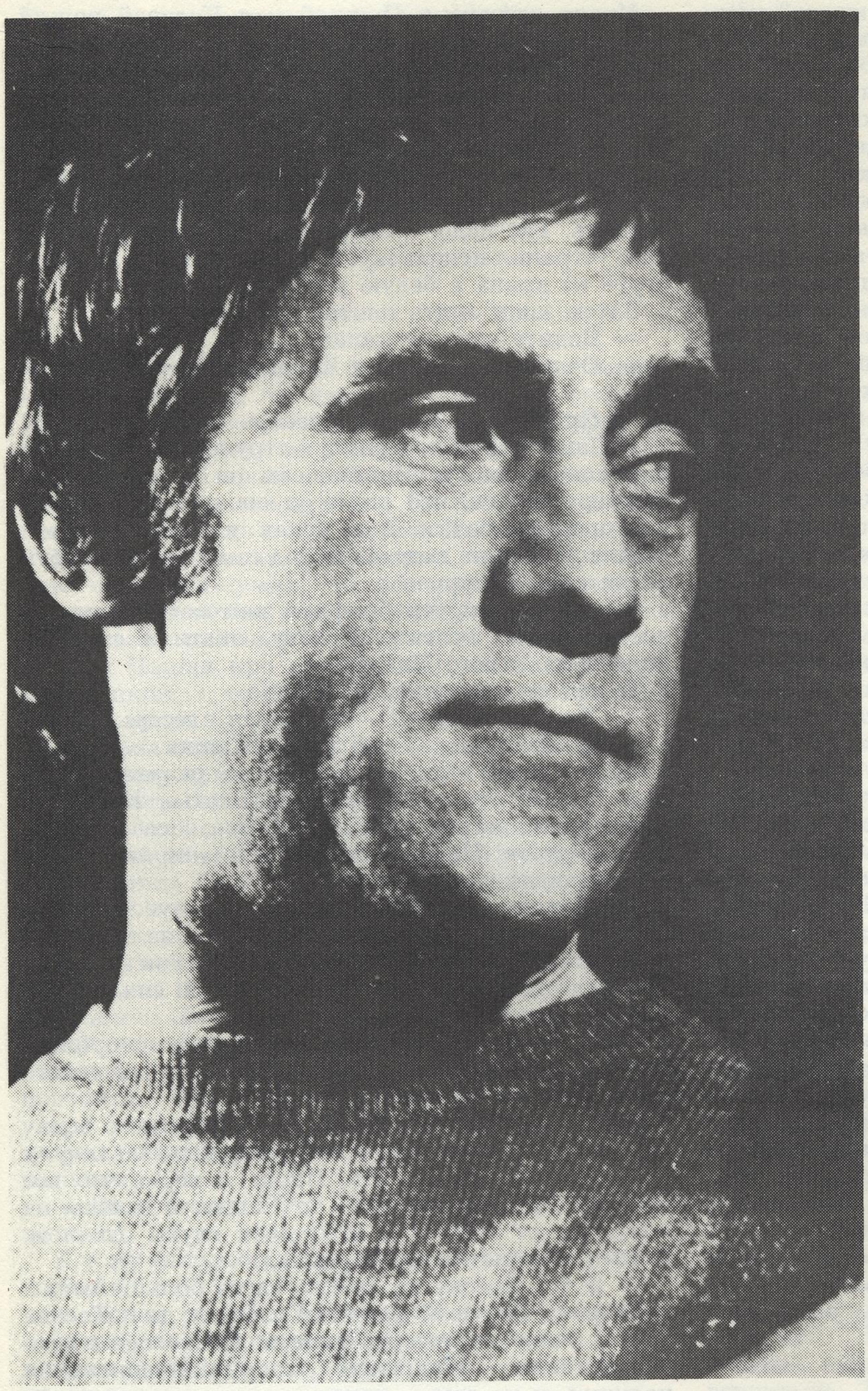
Встреч с Косовой всячески избегал, да и Косова им не очень-то интересовалась. По ее понятиям: справедливое наказание озорник-воспитанник получил, и на том — конец.

Но тут с Пашкой Зубаревым опять произошло довольно странное событие. Причем событие такое, что об этом надо рассказать совсем уж, совсем подробно.

Молчун Пашка, затворник Пашка вдруг сам опять для себя непредвиденно оказался в первом классе «Б» во главе тайного сообщества.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Можно не сомневаться, что многие читатели журнала «Пионер», увидев фамилию автора этой поэмы, сразу спросят: это какой Высоцкий?

И поэтому, наверное, сразу надо ответить: тот самый. Тот самый Владимир Высоцкий, песни которого известны всей стране. Дело в том, что его творчество шире и многообразнее, чем некоторые думают. Высоцкий писал песни и сам исполнял их. Он был замечательным актером театра и кино. Он писал стихи, вовсе не предназначенные для обязательного гитарного сопровождения. Он писал прозу. Он очень серьезно готовился к самостоятельной режиссерской работе. Это вовсе не разбросанность интересов и даже не «поиск самого себя». Как поэт он стал вполне самостоятельным довольно быстро, а как актер совершенствовался буквально на глазах — мы с удивлением и восхищением наблюдали за этим стремительным и мощным развитием.

Те, кто внимательно вслушивался в песни Высоцкого, не могли не заметить одну их особенность: автора интересует буквально все, что происходит вокруг, он не ищет сюжеты и героев, тем более не «отбирает» их, следуя какому-то особому принципу. Его интересуют люди всех профессий, самые разные характеры, типы, возрасты, разные человеческие связи, разные «места действия».

И нет ничего удивительного, что однажды он взял да и написал веселую, остроумную поэму про школьников и забавные приключения двух приятелей. Одному из них он дал имя своего друга — Ивана Дыховичного, который тогда был артистом Театра на Таганке, а сегодня является известным кинорежиссером. Так и в песнях Высоцкий иногда называл своих героев какими-то известными именами — ради улыбки, которую очень любил в людях.

Знавшие Высоцкого близко помнят, как уважительно он относился к детям, к подросткам — разговаривал с ними, как со взрослыми, никого не поучал, а на фотографиях, которые у него просили подписать, часто писал: «Будь умным и добрым». Он действительно хотел одного — чтобы люди были умными и добрыми. Шутливая его поэма освещена тоже умом и добротой.

Если бы кто-нибудь сказал Высоцкому при жизни, что поэму напечатает журнал «Пионер», можно не сомневаться, он был бы очень рад этому.

Наталья КРЫМОВА,
литературовед,
председатель комиссии
по литературному наследству
В. Высоцкого.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Что случилось с 5-м «А»?

ПОЭМА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Глава 1

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРО ВИТЬКУ КОРАБЛЕВА
И ДРУГА ЗАКАДЫЧНОГО — ВАНЮ ДЫХОВИЧНОГО.

Что случилось с 5-м «А»?
Как вам это нравится?
Вера Павловна сама
С ним не может справиться.
От стены к доске летели
Как снаряды «Фау-2»
То тяжелые портфели,
То обидные слова.
Бой кипел, и в тайных целях
Кто-то партой дверь припер,
Но и драка на портфелях
Не решила этот спор.
Раз такая кутерьма —
Ожидай не то еще!
Что ж случилось с 5-м «А»?
Почему побоище?
Догадалась чья-то мама,
Мамы вечно начеку:
— Это проигрыш «Динамо»
В первом круге «Спартаку».
— Нет,— сказал отец Олега,—
Спорят там наверняка,
Кто допрыгнет без разбега
До дверного косяка.
И послали в поздний час,
В половине пятого,
Разобраться в этот класс
Пионервожатого.
Пионервожатый Юра
Крик услышал со двора:
— Всех главней литература!—
А в ответ неслось: — Ура-а-а!
Но сейчас же крикнул кто-то
Из раскрытого окна:
— В век космических полетов
Только техника нужна!
И решил вожатый вмиг:
— Сам был в пятом классе я,
Все понятно — там у них
Просто разногласия.

Первый голос был обычный —
И не резок, и не груб —
Это Ваня Дыховичный,
Всем известный книголюб.
Но и голоса второго
Трудно было не узнать:
Только Витьке Кораблеву
Мог такой принадлежать.
Ну, теперь для пап и мам
Все яснее ясного:
Не случилось в пятом «А»
Ничего ужасного.
Ваня необыкновенный,
Ну, такой рассказчик был —
Что порой на перемены
Целый класс не выходил.
Языки болтали злые,
Что он слишком толстый... Пусть!
Но зато стихи любые
Ваня шпарил наизусть.
Про Мадрид и про Алтай,
Про отважных конников —
И полкласса, почитай,
Ваниных поклонников.

Ну, и Витька тоже в массе
Заимел авторитет:
Сделал Витька в третьем классе
Гидропневмопистолет!
Испытанье за рекою
Он устроил для ребят —
Пистолет стрелял водою
Метров на сто пятьдесят!
И по всем дворам вокруг,
Всем дружкам-приятелям
Было лестно, что их друг
Стал изобретателем.
Если Витьке оба глаза
Толстым шарфом завязать,
Он на ощупь может сразу
Два транзистора собрать.
Сконструировал подъемник
В сорок лошадиных сил,
И вмонтировал приемник
В холодильник марки «ЗИЛ».
Месяц что-то мастерил
Из кастрюль и провода,
И однажды подарил
Витька школе робота.
Что-то Витька в нем напутал —
Всем законам вопреки
Робот раньше на минуту
На урок давал звонки.
Он еще скользил по полу
И врывался к Витьке в класс.
Деда Витькиного в школу
Вызывали много раз.
— С Витькой мне не совладать —
У него наследственность.
На него должна влиять
Школьная общественность.
Не кончал я академий,
Вы решайте,— дед сказал,
Кстати, дед и сам все время
Что-то там изобретал.

Глава 2

И устроили собранье.
Стали думать и гадать:
Как на Витьку и на Ваню
Целым классом повлиять?
У историка ходил
Ваня в званьи лучшего,
В математике он был
В роли отстающего.
Он знаток литературы —
Тут четверки — ни одной.
На уроках физкультуры
Притворялся, что больной.
А на всех соревнованьях:
— Кораблев — вот это да!
Ну, а Дыховичный Ваня
Был болельщиком всегда.
Витька ж книжек не читал,
Знал стихи отрывками,
Запинался и писал
С грубыми ошибками.
А однажды на уроке
Сказанул такое он!..
Будто во Владивостоке
Протекает Волга-Дон.
Путал даты он несносно.
Сам учитель хохотал.
Но зато молниеносно
Он делил и умножал.
Шло собранье — шум и гам,
Каждый хорохорился.
Разделились пополам —
Так удобней ссориться.
И девчонки там и тут
Разделились поровну,
И поддерживают ту
И другую сторону.
Раньше в девичьем народе
Наступал быстрее мир:
Тот, кто в классе верховодил,
Тот и был у них кумир.

А сейчас — два фланга бьются —
Два пути — куда свернуть?
Два великих полководца,
Два вождя — к кому примкнуть?
В общем, страсти накалились,
Все решалось впопыхах,
И подруги очутились
Во враждебных лагерях.
Эти — хором: — Физкультура!
Но не сбить им тех никак.
Те кричат: — Литература!
Эти снова: — Техника!
Ванька слаб, а Витька ловкий
Сам он робота собрал!
— А Титов на тренировки
Пушкина с собою брал!
Им бы так не удалось
Спор решить неделями.
Все собрание дралось
Толстыми портфелями.
Но услышав про Титова,
Все по партам разошлись.
После Ваниного слова
Страсти сразу улеглись.
И когда утихла ссора,
Каждый начал понимать,
Что собрались не для спора,
А обоим помогать.
И придумало, как быть,
Бурное собрание:
Их друг к другу прикрепить
В целях воспитания.
Витька с Ванею, в чем дело,
Не могли никак понять.
Но собранье так хотело,—
Значит, надо выполнять!
— Значит, так — бегом до Химок! —
Витька Ване приказал.
Ваня зубы сжал, весь вымок,
Но до дома добежал.
И напрасно хохотал
Кораблев над Ванею.
Дома Ваня Витьке дал
Книгу про Испанию.
Было много ссор и шума —
Ни присесть, ни полежать.
Ведь вначале каждый думал,
Как другого измотать.
Ваня просто чуть не плачет —
То присядь, то подтянись,
То возьми реши задачу,
То приемником займись!
Но и Витьку он добил
Рыбами и птицами —
Тот теперь стихи учил
Целыми страницами!
Как-то Витька Ваню встретил
И решил ему сказать:
— Знаешь, Ванька, я заметил,
Интересно мне читать!
И ответил Ваня сразу:
— Щупай мышцы на руке!
Я теперь четыре раза
Подтянусь на турнике!
Хорошо, что приобщил
Ты меня к атлетике!
А вчера я получил
Пять по арифметике!
И захохотали оба,
И решили меж собой,
Что они друзья до гроба,
В общем, не разлить водой.
Может, случай не типичный,
Но во множестве дворов
Есть и Ваня Дыховичный,
Есть и Витька Кораблев.
И таких примеров тьма —
Можно в школе справиться.
Вот что было в 5-м «А».
Как вам это нравится?

Вторая часть поэмы будет напечатана в 1988 году.

Рисунки К. ОРЛОВА.

Пхеньян — столица XIII фестиваля

Вы уже, конечно, знаете, что летом 1989 года состоится XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Юность планеты соберется в Пхеньяне — столице Корейской Народно-Демократической Республики.

КНДР — наш друг и наш сосед. Корейцы издавна называют свою страну Чосон — Страной утренней свежести. Гористый Корейский полуостров лежит между Желтым и Японским морями. Влажный морской воздух проникает во все его уголки, и поэтому утренние часы здесь свежи даже в самое жаркое время года.

Корея — одно из древнейших государств мира, ее история насчитывает более четырех тысяч лет. В южной части страны и сейчас еще население пользуется местным календарем, в котором отсчет времени ведется с 2333 года до нашей эры — с даты рождения мифического основателя Кореи Тангуна.

За сорок с лишним веков корейскому народу не раз приходилось бороться против иноземных захватчиков. В начале XX века Корея была захвачена Японией и почти на 36 лет превратилась в ее колонию. Разгромив в августе 1945 года отборные войска японских милитаристов, Красная Армия принесла освобождение корейскому народу. Вместе с советскими воинами за свободу своей родины сражались и революционные вооруженные отряды корейских патриотов.

В северной части страны хозяевами фабрик и заводов стали рабочие, крестьяне получили землю, власть перешла в руки народа.

По иному пути пошло развитие на юге. Американская армия, оккупировавшая Южную Корею, воспрепятствовала народно-демократической революции. Более того, американские империалисты провозгласили здесь в августе 1948 года так называемую «Корейскую республику», сохранив власть помещиков и капиталистов. Так Корея оказалась разделенной на две части.

В ответ прогрессивные силы на Севере объявили 9 сентября 1948 года о создании Корейской Народно-Демократической Республики.

Южнокорейские реакционеры развязали в июне 1950 года агрессивную войну против КНДР. В походе на Север участвовали вооруженные силы США и многих других капиталистических государств. Война, продолжавшаяся более трех лет, явилась тяжелым испытанием для молодой республики. Но с помощью социалистических стран корейскому народу удалось отстоять свою свободу и независимость и заставить американских империалистов подписать Соглашение о перемирии в Корее.

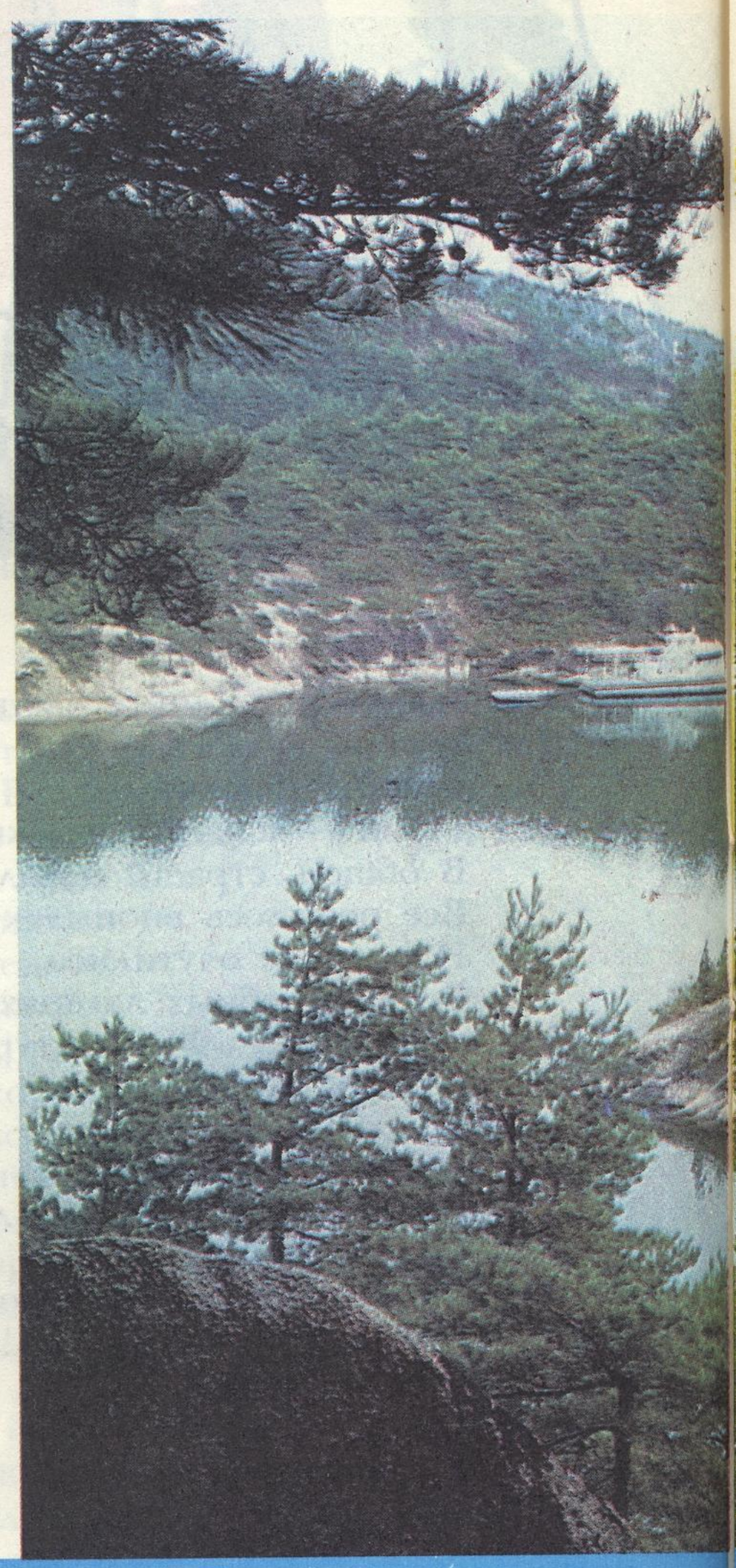
После завершения Отечественной освободительной войны трудящиеся КНДР отстроили разрушенные фабрики и заводы, села и города. Заново родился и Пхеньян — один из древнейших городов Востока. Он был сильно разрушен в ходе войны 1950—1953 годов. Огромными усилиями подняли его из руин. Восстановлены памятники старины, разбиты новые площади, проложены новые широкие улицы. В прошлом Пхеньян застраивался в основном небольшими домами с внутренними двориками, а сейчас его облик определяют многоэтажные кварталы и нарядные скверы. Еще в начале нынешнего века в Пхеньяне насчитывалось всего тридцать тысяч жителей, сейчас же их — полтора миллиона.

В городе много промышленных предприятий, институтов, музеев, памятников. На горе Моранбон возвышается обелиск из серого камня, увенчанный пятиконечной звездой,— в память о воинах Советской Армии, принесших освобождение от японского колониального ига.

Глубоко символичен монумент Чхоллима. На высоком постаменте — рабочий и крестьянка на летящем коне. Памятник олицетворяет устремленность корейского народа в будущее. Ведь Чхоллим — сказочный конь, преодолевающий в день десять тысяч ли[1].

---

[1] Ли — мера длины: около 0,6 км.

Среди современных многоэтажных зданий столицы есть одно, построенное специально для детей. Это Пхеньянский Дворец школьников, которому в будущем году исполнится 25 лет. Во Дворце сотни комнат, где действуют кружки на любой вкус, пионерский театр, спортивный зал, библиотека. Каждый день сюда приходят более десяти тысяч ребят. На груди многих из них — красные галстуки. Это члены организации «Сонендан».

«Сонендан» значит «Детский союз». Так называется организация корейских пионеров, основанная 6 июня 1946 года. В ней сейчас около трех миллионов членов. В годы освободительной борьбы они шефствовали над семьями фронтовиков, ухаживали за ранеными, собирали средства в фонд Народной Армии. На занятой врагом территории возникали пионерские партизанские отряды. А когда на землю Кореи вернулся мир, ребята стали помогать взрослым восстанавливать разрушенное войной. Отправляясь в школу, они вместе с учебниками несли два-три кирпича, которые извлекали из развалин. Эти кирпичи строители потом превращали в дома, которых тогда так не хватало.

Много лет пионеры КНДР участвуют в движении «малых планов», внося посильный трудовой вклад в социалистическое строительство.

Через два года корейские пионеры будут принимать участников детской программы XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

В письмах, которые приходят в редакцию под девизом «Есть идея!», нередко встречаются предложения: чаще проводить викторины, посвященные разным странам. Вот мы и подумали: **а почему бы не объявить в будущем году фестивальную викторину, которая поможет ребятам поближе познакомиться с жизнью КНДР и делами корейских пионеров.** И неплохо было бы, если бы вопросы для викторины придумали вы, наши читатели.

Итак, ждем ваши предложения. Направляя в редакцию свой вопрос участникам будущей викторины, не забудьте указать источник — книгу, газету, журнал, где можно найти на него ответ. **На конверте пометьте: «Фестивальная викторина». Авторы наиболее интересных вопросов будут награждены специальными призами журнала «Пионер». Предложения принимаются до 1 января 1988 года.**

Фотографии В. УСТИНЮКА.

Александр Блок. 1916 год.

„Мелодией одной звучат печаль и радость..."

Елена СЕЛЕЗНЕВА

Тихий дом

Офицерская — улица благопристойная и ничем не примечательная: уныло-прямая, как почти все петербургские улицы, тянется она между прижавшимися друг к другу большими домами, в которых живут солидные люди — чиновники, врачи, военные. С начала девятнадцатого века на Офицерской проживает Гофман — не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник из «Невского проспекта» Николая Васильевича Гоголя. Зимой улицу заносит снегом, летом — заметает опадающим липовым цветом с бульвара у крошечной речки Пряжки. Впрочем, и снег, и иной мусор аккуратно убирают дворники, которых на такой солидной улице достаточно.

Летом 1912 года в дом № 57, последний по Офицерской, в квартиру № 21, что находилась на четвертом, верхнем этаже, въехал новый жилец — поэт Александр Блок.

Блок на этой улице бывал и раньше: здесь в театре Комиссаржевской играли его пьесы «Балаганчик» и «Незнакомка», поставленные Мейерхольдом, здесь поселились его мать и отчим.

Теперь он сам снял тут квартиру.

Она была угловой: от этого стены комнат расходились к окнам, будто веер. Зато окна смотрели не в колодезь двора, как на Лахтинской или Галерной, где Блоки жили прежде, а в простор пустынной набережной Пряжки. За Пряжкой видны были краны, стапеля, корпуса судостроительного завода, мачты проходивших по Неве кораблей.

Почти все в квартире Александр Александрович устраивал сам. В темно-зеленом кабинете с белой кафельной печью в углу нетесно разместились книжные шкафы, диван, письменный стол, еще один, круглый стол с креслами вокруг. Мебель почти вся была старая — из дома деда, знаменитого ботаника А. Н. Бекетова. В соседних с кабинетом узеньких комнатах устроили столовую и спальню Александра Александровича. Были в квартире еще гостиная и спальня Любови Дмитриевны, жены поэта, да кухня. В общем, жилье строгое, скромное, недорогое, но удобное и уютное.

Строгий этот уют ощущали все, кто бывал у Блоков. Тут было хорошо жить и работать. Кабинет же хозяина вообще мог показаться кабинетом ученого — такой идеальный порядок соблюдался

там. Нарезанная бумага лежала ровно в ящиках стола, написанное складывалось в черные клеенчатые покрышки от тетрадей. Записные книжки, которые Александр Александрович вел постоянно, нумеровались и регулярно просматривались (некоторые листы уничтожались). Каждое написанное стихотворение вносилось в список с отметками: когда написано, где напечатано. Хранились письма, адресованные хозяину, альбомы репродукций особенно полюбившихся картин... Блок вообще был аккуратен и систематичен, а когда кто-нибудь удивлялся этому, говорил, что «поэт не должен терять носовых платков».

Но это был кабинет поэта, и поэта, пожалуй, самого поэтичного в России. Недаром же Корней Чуковский, хорошо знавший Александра Александровича, говорил: «В сущности, не было отдельных стихотворений Блока, а было одно, сплошное, неделимое стихотворение всей его жизни; его жизнь и была стихотворением, которое лилось непрерывно, изо дня в день, двадцать лет, с 1898-го по 1918-й».

На стене в кабинете Александра Александровича среди любимых рисунков и копий висела маленькая копия «Мадонны» Сассоферратто. Картина эта была куплена когда-то в Италии за сходство с Любовью Дмитриевной — Прекрасной Дамой первой книги стихов поэта. На резной дверце старинного книжного шкафа прилепился бронзовый Амур на одном крыле, попавший в стихотворный цикл «Снежная маска», во вторую книгу стихов. Но и Прекрасная Дама, и Незнакомка, и Снежная маска давно «отошли без возврата».

Блока больше занимали теперь иные темы. В его дневнике все чаще появлялись записи: «Скука», «Пустая жизнь», «Совесть как мучит!». И стихи словно отзывались на эти слова.

Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесть мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.
....

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.
....

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.
....

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделенье,
Свидетелей он не искал.
....

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» — «Снес в кабак».—
«Где сердце?» — «Закинуто в омут».

«Чего ж тебе надо?» — «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего».

«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!»—
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»

И правда (ну, задал задачу!),
Гляжу — близь меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.

Эти пять стихотворений, пять вариаций на одну тему, были написаны за один день. Кроме первого, они вошли в цикл «Жизнь моего приятеля». Такова жизнь моего приятеля, моя жизнь, жизнь каждого из нас, довольных и сытых, словно говорил Блок, таков наш страшный мир.

Страшный мир

...Прислуга Блоков Дуня постоянно плохо себя чувствовала. Однажды она решилась пожаловаться «барину». Тот пообещал отпустить ее отдохнуть и полечиться, а в дневнике записал: «Надо, чтобы такое напоминало о месте, на котором стоишь, и надо, чтобы иногда открывались глаза на «жизнь» в этом ее, настоящем смысле; такой хлыст нам, богатым, необходим».

Такой хлыст необходим? Только почему — нам, богатым? Какое там богатство было у Александра Блока, зарабатывающего «на жизнь» лишь трудом поэта...

Но он слишком хорошо знал, слишком остро чувствовал, какой дорогой ценой платит за возможность писать стихи... Он постоянно думал, а иногда и говорил о том, что когда-нибудь над всеми, кто богат и доволен, разразится народная месть, месть за равнодушие и ложь. И этого времени Блок не боялся. Напротив, радостно ждал. Но ожидание это грозило быть бесконечным. Жизнь словно застыла.

Поэт искал спасения в собирании книг. Шкафы в кабинете, в комнате Блока заполнялись старинными томиками. Александр Александрович считал, что книги, тем более любимые, нельзя читать как попало, что надо уметь выбирать для них подходящий день и час, уверял, что сам «Войну и мир» Льва Толстого, например, может читать только в апреле, не позже полудня, а баллады Жуковского — ночью, в рождественский сочельник...

Однако книги и домашний уют не могли уберечь от тревоги. (Впрочем, домашний уют был относительным — слишком непросты были отношения поэта с женой.) Стихи признавались в этом:

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!..

«Лихорадка» выгоняла Блока на улицу. Целые дни проводил он в дальних прогулках, выбирая места «простонародные»: Шуваловский парк, Новую Деревню. Но излюбленным местом блоковских прогулок была Петроградская сторона. Там на улицах встречал он бродяг, чахоточных детей, доживающих короткий век, в саду Народного дома учился заговаривать с незнакомыми. По вечерам заходил в кафе Филиппова на углу Большого прос-

Те, угловые, под самой крышей, окна — окна в квартире Блока.

пекта и Ропшинской улицы, прислушивался к разговорам, вглядывался в окружающих.

С прогулок Александр Александрович возвращался поздно, и, случалось, у самого дома подстерегали его необычные встречи. Однажды сыроватой октябрьской ночью на Мойке против Новой Голландии Блок вместе с каким-то молодым человеком спас матроса, который собирался топиться. «Охал, потерял фуражку, проклинал какую-то «стерву»,— осталось в дневнике поэта. Словно эпизод будущей поэмы...

Дома хозяина поджидали с самоваром. Чаепитие, излюбленное русское занятие, тоже было способом хоть на время отогнать тоску:

На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затеплят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

«Распарить кручину» удавалось редко, но все же было в характере Блока нечто помогающее преодолевать «гибельные» чувства. Трагический поэт умел смеяться над собой. При этом был крайне деликатен по отношению к другим, не позволяя себе шутить над кем-либо даже за глаза.

Ирония, то язвительно-горькая, то грустная, часто звучала в стихах. И помогала говорить правду стосковавшимся по ней людям.

Горький называл Блока человеком бесстрашной искренности. И бесстрашная искренность позволила Блоку, в его неотступных мыслях о Родине, написать стихотворение, в котором возникает двойственный — омерзительный и вместе с тем любимый — облик тогдашней России.

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод.

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне..!.
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Стихотворение это поэт включил в раздел третьей книги стихов, носящий имя «Родина». Россия была дорога Блоку и в страшном, и в прекрасном своем облике. И судьба ее была главной тревогой Александра Александровича.

Он писал двоюродной сестре: «Я не понимаю, как ты... можешь говорить, что все хорошо, когда наша родина, может быть, на краю гибели, когда социальный вопрос так обострен во всем мире, когда нет общества, государства, личности, где было бы хоть сравнительно благополучно. Всего этого ужаса не исправить отдельным лицам, как бы хороши они ни были; иногда даже эти отдельные светлые точки кажутся кощунственным диссонансом, потому что слишком черна, а в черноте своей величава, окружающая нас ночь».

Мог ли Блок представить, что «ночь» подходит к концу?..

Две музыки

В сентябре 1919 года Советская власть приняла декрет о переселении трудящихся из подвалов и трущоб. В Петрограде, Москве — повсюду семьи рабочих, красноармейцев, матросов вселялись в просторные квартиры, потесняя их бывших хозяев. Должны были занять и квартиру № 21 в доме № 57 по Офицерской улице в Петрограде. Но оказалось, что в ней живет «свой».

И дело было не в том, что Александр Александрович «занимал посты» в советских учреждениях. Для матроса, который собирался поселиться в квартире, остались бы пустым звуком должности: член редколлегии издательства «Всемирная литература», председатель дирекции Большого драматического театра, член редакционной коллегии при Петроградском отделе театров и зрелищ, член коллегии Литературного отдела Наркомпроса, член совета Дома искусств, член правле-

ния Петроградского отделения Всероссийского союза писателей. Но поэт Александр Блок был автор поэмы «Двенадцать», а значит, «свой». И с почтительным уважением матрос отказался занять квартиру.

Матросы, красноармейцы, рабочие, даже если и не помнили имя Александра Блока, даже если не знали другие его стихи, помнили строки, которые звучали то как частушки, то как лозунг, то как песня.

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

До революции поэзию Александра Блока, по существу, знали и любили немногие: интеллигенция, студенческая молодежь. Великий поэт России двадцатого века не был «по вкусу» буржуазной публике — она предпочитала Мережковского, Игоря Северянина. Рабочим же, крестьянам, солдатам было не до поэзии. Но недаром Блок писал о сущности искусства: «... оно ведь рождается из вечного взаимодействия двух музык — музыки творческой личности и музыки, которая звучит в глубине народной души, души **массы».** В поэзии Александра Блока всегда звучали обе эти музыки, и вот теперь народ их услышал:

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.
....
Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

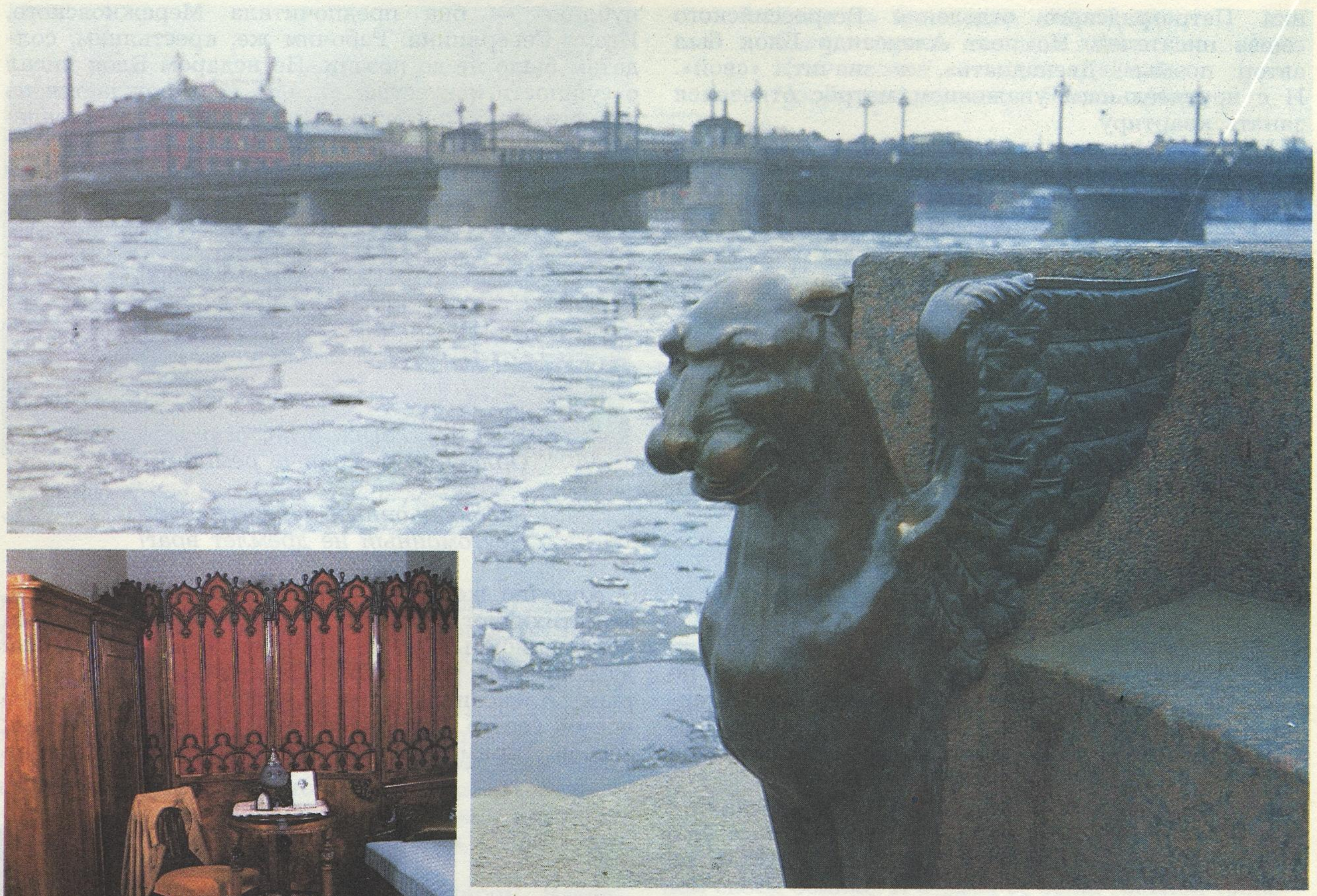
Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

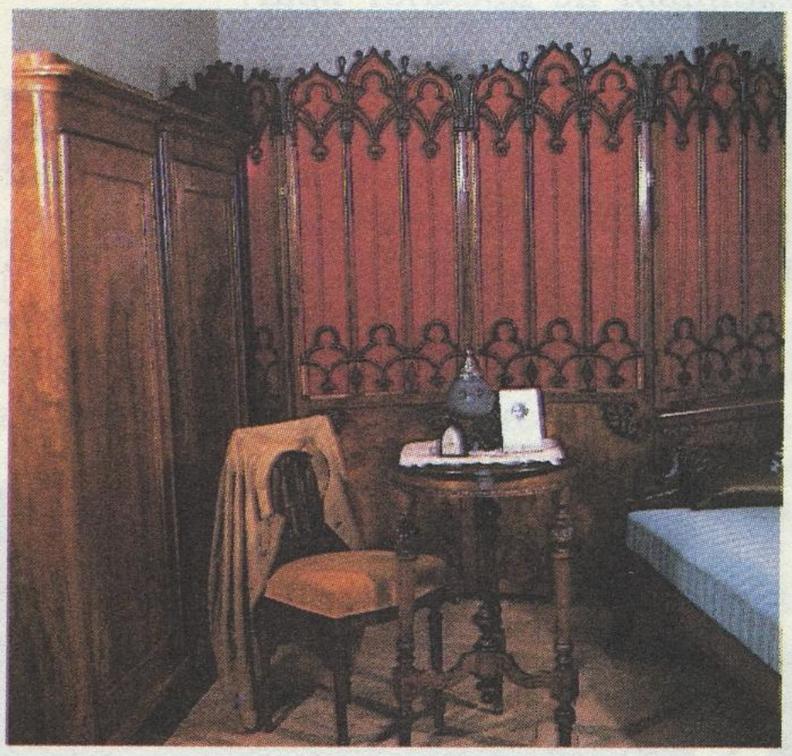
Конечно же, по мнению матроса или рабочего, эти стихи мог написать только «свой», настоящий революционный поэт. И удивительно — так же думали враги революции. Царский генерал, с которым Александр Александрович столкнулся во время своего случайного ареста по делу левых эсеров, прямо назвал поэта революционером.

Поэт садился за письменный стол — и в стихи входил Город, дышащий туманами и метелями.

Фотографии С. САФОНОВОЙ.

Комната словно до сих пор ждет хозяина.

«...Такие люди,— говорил генерал,— самые опасные. Я всегда так рассуждал. Не будь у нас всех этих графов Толстых и тому подобных, никогда не произошло бы то, что случилось, это несомненно...»

Только бывшие почитатели Блока недоумевали, почему поэт написал такую «ужасную» поэму, негодовали, как создатель Прекрасной Дамы и Незнакомки мог «опуститься» до «уличного жаргона» и «уличных тем», шептали о том, что Александр Блок «исписался». Может быть, некоторые из них просто обиделись, узнав себя в язвительных строках поэмы?

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А может быть, иные испугались, что «большевистские бандиты» последуют «разбойничьему посвисту»:

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте етажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

В соседней с Блоками квартире, за тонкой перегородкой, жил буржуа с семейством. Александр Александрович слышал, как за стеной играли на рояле и пели, как распоряжался хозяин; встречался с ним на лестнице, во дворе, видел его: стриженного ежиком, с мешками под глазами, с брюшком, расторопного, важного в прошлом чиновника. Поэту его сосед казался символом всех российских буржуа. Домовой комитет организовал дружину, которая должна была дежурить во дворе дома и в воротах для «спасения от революционных бандитов». Блока крайне донимали требования соседа, который распоряжался в комитете, участвовать в дежурствах. Но дома, за чаем, Александр Александрович умел смешно выдумывать, как, дождавшись грабителей, вступал с ними в борьбу и как удавалось их одолеть.

Насколько раздражали Блока соседи-буржуа (да и коллеги-писатели), настолько легко было ему с артистами Большого драматического. С ними хорошо было даже заниматься делом, совершенно не привычным ни поэтам, ни актерам,— разгружать дрова для театра.

Впрочем, неустроенность быта Блок принимал как неизбежность: сменил изящные костюмы из английского магазина на белый толстый свитер, в котором казался похож на моряка-скандинава, в особо холодные дни надевал валенки (и выглядел в этом наряде не менее элегантно, чем прежде); колол дрова, ходил пешком на все свои многочисленные службы, успевал купаться в Пряжке. Не умеющий удобно устроить свою собственную жизнь, Александр Александрович старался незаметно облегчить жизнь многим окружающим. Как-то один из его старинных зна-

комых, заканчивающий срочную литературную работу, заболел сыпным тифом. Блок, узнав о случившемся, добился скорейшей выдачи гонорара; чтобы не заразились работники редакции, сам подсчитал строки в рукописи; сам принес гонорар больному.

В дневнике Блока студеной и голодной зимой 1920 года появилась запись: «Совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого, но умирающего и разлагающегося — в пользу нового, сначала неуютного и немилого, но обещающего свежую жизнь».

Обещание свежей жизни поэт иногда ощущал в самых неожиданных и незначительных событиях. Во время одного из долгих путешествий с Моховой, от издательства «Всемирная литература» к дому, Александр Александрович остановился у каменного спуска к Фонтанке и смотрел, как мальчуган с помощью большого гвоздя, привязанного к длинной бечевке, вылавливал из воды проплывающие дрова.

— Никогда не думал, что это такое увлекательное занятие! Целый день на ветру, в сырости, а потом дома подкладывает в печурку эти щепки, и от них встает огонь, согревающий мысли и тело. Хорошо! — сказал Александр Александрович своему спутнику. — Вообще хорошо уставать только после работы, после настоящего труда, за которым есть какая-то цель.

И добавил:

— Люди будущего будут счастливее нас...

Спутнику Блока запомнилось, как он усмехнулся, произнеся это — ясно и просто, совершенно так же, как взглянувший на взрослых мальчик...

Тех редких гостей, которые попадали в квартиру № 21, встречал приветливый хозяин. Александр Александрович, как никто, умел внимательно, уважительно, увлеченно и заинтересованно слушать собеседника. По словам современника, Блок слушал так, будто рассказ открывал ему новые увлекательные миры. И часто не только слушал, но и помогал... Как-то, еще до революции, у двери в квартиру появился деревенский паренек. Позвонить не решился, спустился вниз, побродил около дома и вновь поднялся на четвертый этаж — уже с черного хода. Дверь оказалась открыта. Паренька встретила кухарка и согласилась передать хозяину записку: «Я поэт, приехал из деревни, прошу меня принять». Блок долго говорил с молодым поэтом, слушал его стихи, потом рекомендовал юношу одному из петербургских издателей. А записка была отправлена в архив с пометкой: «Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет, стихи свежие, голосистые, многословный язык...» Гость этот был — Сергей Есенин.

В 1918 году к Блоку пришел за помощью другой молодой человек — Самуил Алянский, будущий видный издательский работник. А тогда этот юноша вместе с другом решил организовать издательство, в котором публиковались бы лучшие поэты. Успех предприятия зависел от успеха первой книги. Алянский, преодолев робость, отправился к Блоку — просить разрешения напечатать его стихи. Александр Александрович не мог нарушить договор, уже заключенный с другим издательством. Но была поэма, не вошедшая в собрание стихотворений,— «Соловьиный сад». Ее Блок и предложил издать отдельной книжечкой. С «Соловьиного сада» началась жизнь издательства «Алконост», в котором в основном выходили книги Блока при его жизни и несколько лет после смерти.

Но не было в этих книгах ни одного стихотворения, написанного позже января 1918 года. После «Двенадцати» и «Скифов» Блок «умолк».

Однажды Александр Александрович рассказал, как возникают его стихи:

— Когда меня неотступно преследует определенная мысль, я мучительно ищу того звучания, в которое она должна облечься. И в конце концов слышу определенную мелодию. И тогда только приходят слова...

Теперь музыка сменилась хаосом. Блок стремился услышать новые, небывалые еще ритмы, достойные нового мира. И может быть, музыка еще вернулась бы к поэту, но жизни на эту встречу не хватило.

* * *

Мемориальный музей-квартира в доме на улице Декабристов (так теперь называется Офицерская) открылся в 1980 году — к столетию со дня рождения Александра Блока. Самые разные люди: писатели, поэты, коллекционеры — помогли создать этот музей. На втором этаже, в квартире № 23, где жила мать поэта, — литературная часть музея и Памятная Комната: в ней 7 августа 1921 года умер Блок. А на четвертом этаже, в квартире № 21, все почти как при жизни поэта. На маленьком столике в комнате Александра Александровича — фотография Любови Дмитриевны в простой оправе, у стены — два небольших книжных шкафа, простоявших шестьдесят лет в соседней квартире, куда они «переехали» еще при жизни поэта. В кабинете свои места заняли шкафы, диван, письменный стол. Эти вещи вернулись в дом Блока из хранилища Института русской литературы, из Пушкинского дома, где их сберегали до времени. Пушкинский дом ответил на последний, приветный, поклон поэта Александра Блока поэту Александру Пушкину.

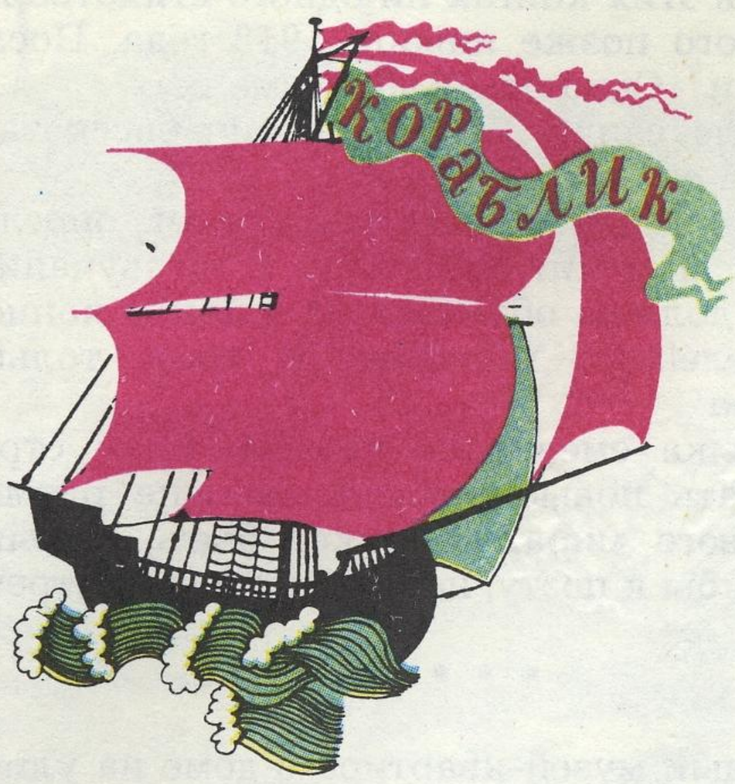
В своей речи о Пушкине, в феврале 1921 года, Блок говорил, что тот знал: «...рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна».

О том, что жизнь прекрасна, знал и сам Александр Блок. Его стихи тревожны, но тайный жар, скрытый в них, помогает жить. И мы повторяем вслед за Блоком:

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

«Дорогая редакция! Пишут вам пионеры из 10-й школы «Райна Кандева» города Софии. Уже долгие годы наш КИД переписывается с советскими пионерами и комсомольцами, рассматривает интересные материалы из журнала «Пионер», где рассказывается о жизни и деятельности ваших ребят. Члены нашего клуба очень любят читать, рисовать, пишут стихи. Впервые мы написали стихи о мире и дружбе на русском языке! Посылаем некоторые из них и будем рады, если они вам понравятся. С приветом пионеры и комсомольцы 10-й школы города Софии».

Журнал «Пионер» поздравляет своих болгарских читателей с национальным праздником их страны — 9 сентября, Днем Свободы, а также с днем рождения Димитровской пионерской организации «Септемврийче», который тоже отмечается в этом месяце, 23 сентября.

Два стихотворения из тех, что сочинили по-русски ребята из 10-й школы Софии, «Кораблик» принял на борт.

Милена ВЕЛЧЕВА, 6-й класс.

Нет мира без красоты

Здравствуй, мама!
Здравствуй, папа!
Здравствуй, добрая планета!
Здесь мы строим — я и ты —
Дом чудесной красоты.

Знаю я и знаешь ты:
Нет без мира красоты!

*

Антония КРЫСТЕВА, 6-й класс.

Дети хотят мира

Люди на земле,
Давайте скажем: «Нет — войне!»
Пусть в небе голуби летят.
Войны все дети не хотят.

Пусть летят космические ракеты:
Дети хотят увидеть новые планеты.
А для этого нам нужен мир на земле.
И поэтому мы скажем: «Нет — войне!»

*

«Я очень люблю писать стихи, особенно о Родине и о природе».

Из письма Лены КАРЕЛИНОЙ. Лене 11 лет, она живет в Свердловске, учится в 6-м классе.

Осенние стихи

I

Засуетились птичьи стаи.
Уже на юг пора...
Лишь ветер колкий и усталый
Все гонит листья со двора...

Закат по вечерам пылает,
Румяня снежный небосклон,
А месяц, звезды охраняя,
Учтиво шлет земле поклон...

II

Пылал осенний небосклон
Цветами самых разных листьев,
А лес шумел и опадал
Ковром из листьев серебристых.

Меж веток елка зеленеет,
Последний тянется косяк...
Осенняя краса уж тлеет
Среди деревьев и коряг.

*

***Даниил МИШИН** — ленинградец. Он учится в школе № 308, в 7 «Б» классе, сочиняет и исполняет песни. Некоторые из них Даниил прислал на конкурс «Песня-молния», объявленный журналом «Пионер». И оказался в числе победителей! Две песни капитан «Кораблика» приказал поднять на борт. Вот они.*

Лист бумаги и перо

Лист бумаги и перо —
Вот и все, что нужно.
Ну, а больше ничего,
Кроме нашей дружбы.
Ну, а больше ничего,
Кроме нашей дружбы.
Лист бумаги и перо —
Вот и все, что нужно.

Вдохновенья сладкий жар
И желанье славы.
А признание друзей
Нам заменит лавры.
А признание друзей
Нам заменит лавры.
Вдохновенья сладкий жар
И желанье славы.
А не будет вдохновенья,
Нам его заменит пенье.
Сколько в небе облаков,
Столько на душе стихов.
Сколько в небе облаков,
Столько на душе стихов.
А не будет вдохновенья,
Нам его заменит пенье.

Лист бумаги и перо —
Вот и все, что нужно.
Ну, а больше ничего,
Кроме нашей дружбы...
Ну, а больше ничего,
Кроме нашей дружбы.
Лист бумаги и перо —
Вот и все, что нужно.

Настольная лампа

Вечер, настольная лампа горит, светит,
Очень устали, однако не спят дети.
А за окном кутерьма и пурга, ветер,
Осень кончается, это ее вечер.

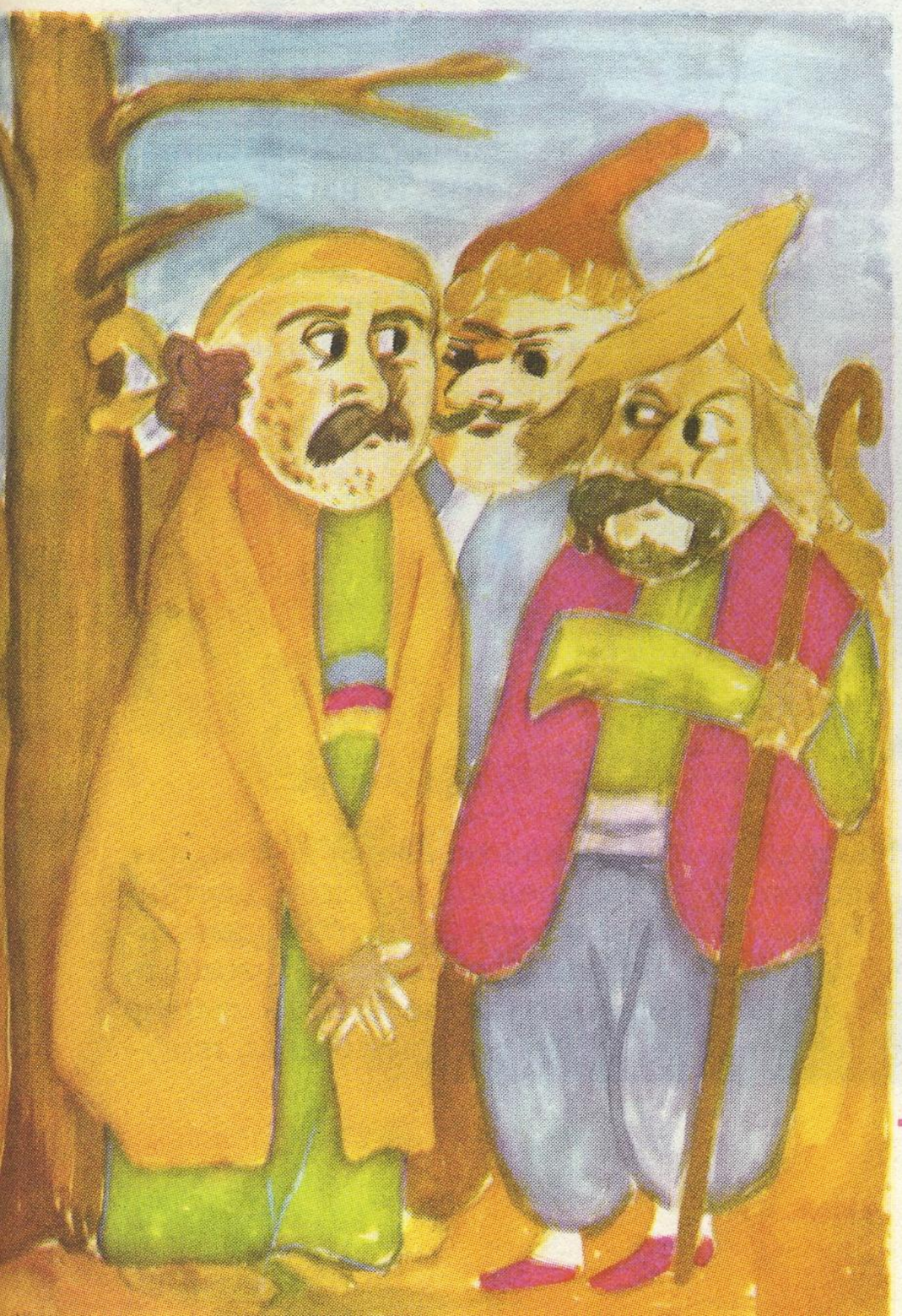
Вырасту я, повзрослеет сестра моя тоже,
Но ничего не найдем в этом мире дороже,
Лампы настольной и света ее золотого,
Вечера с мамой и папой — такого простого.

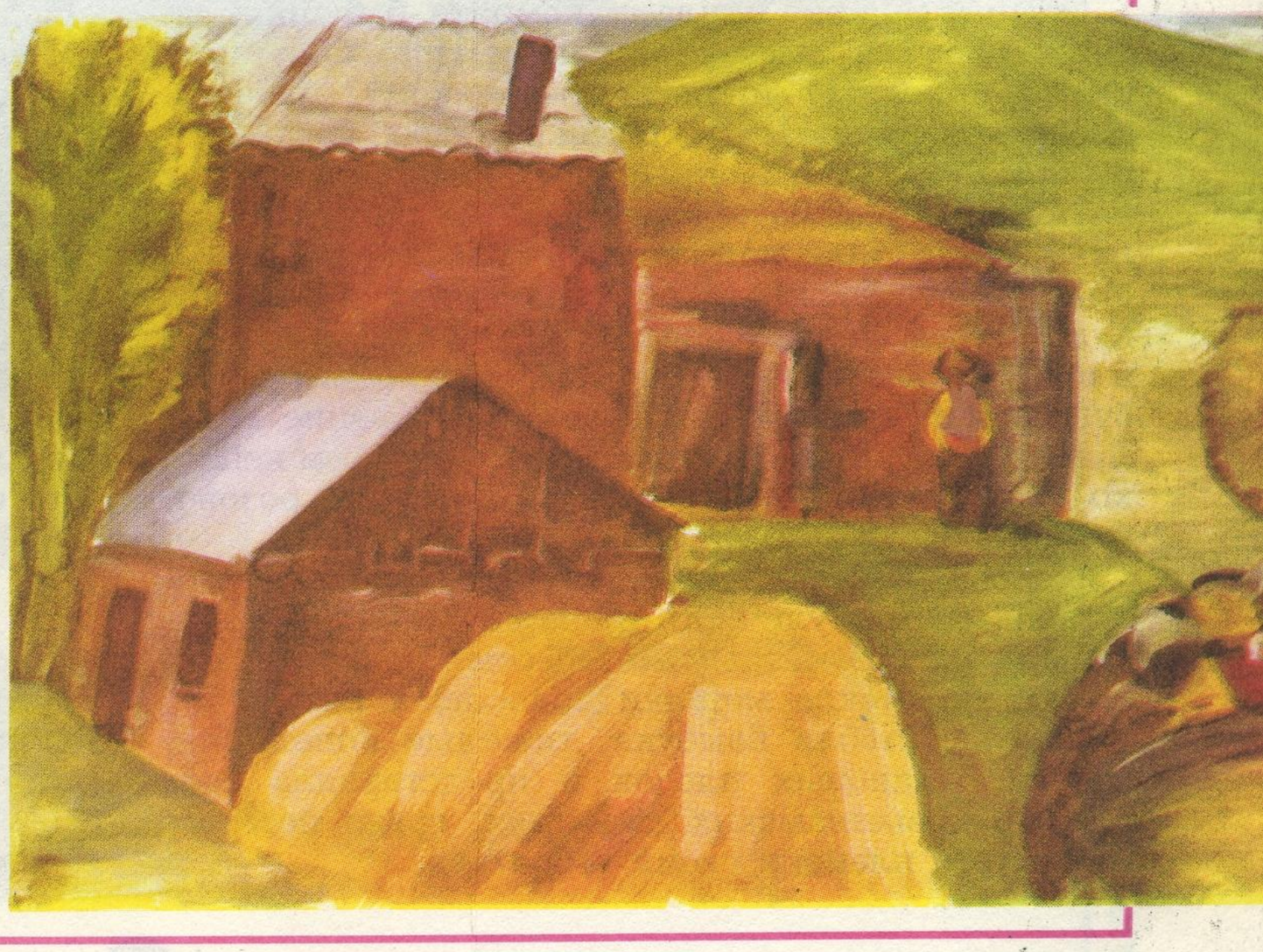
Вечер, настольная лампа горит, светит,
Очень устали, однако не спят дети.
А за окном кутерьма и пурга, ветер.
Осень кончается, это ее вечер.

*

«МОИ СОСЕДИ» ● «УТРО»

Автор этих рисунков восьмиклассник Володя САРИБЕКЯН, который живет в горном селе Пемзашен Артикского района Армянской ССР. Рисует Володя с четырех лет.

Александр ОВЧАРЕНКО

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ ЛОТОС

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

— Привет! — хриплым картавым голосом произнес Лап.

— Угу,— буркнул Сережа, с усилием разлепляя веки.

Деревянные, в виде домика с островерхой крышей ходики на стене показывали начало шестого.

— Привет! — повторил Лап уже рассерженно.

Клетка с попугаем стояла в изголовье Сережиной кровати на широком подоконнике. Ночью похолодало, стекла покрылись толстым слоем изморози. Лап сидел взъерошенный, нахохленный; его уныло опущенный клюв еще больше стал похож на стручок красного перца. Нащупав ногами расхлябанные, стоптанные в задниках кроссовки, Сережа встал и отнес клетку в противоположный угол комнаты: там попугаю будет теплее.

— Пока,— примирительно, будто извиняясь за свою грубость, сказал Лап. Услышав же новое равнодушное Сережино «угу», попугай захлопал крыльями и зло прокричал:— Кр-р-расота!

Чтобы научить Лапа разговаривать, Сережа, проснувшись, внятно произносил «привет», уходя из комнаты — «пока». Попугай настолько привык к этому, что уже не терпел отступлений от заведенного порядка, и, если Сережа нарушал его, начинал злиться и скандалить. Самым ругательным словом у Лапа было — «кр-р-расота».

Боясь разбудить мать и бабушку, Сережа на цыпочках прошел в ванную, вычистил зубы, умылся. Потом, также на цыпочках, прошмыгнул в кухню.

— Машка дура! — встретила его там восторженным возгласом Машка. Попугаиха всем объявляла, что она дура, и почему-то очень радовалась этому.

Обычно Машка жила в комнате бабушки, но перед сном ее выставляли на кухню: попугаиха имела привычку шипеть по-змеиному, щелкать клювом и трещать крыльями... И вообще Машка была полной противоположностью красивому, сановитому и флегматичному чистюле Лапу. Она отличалась бестолковой суетливостью и неряшливостью. В довершение ко всему попугаиха оказалась куда глупее Лапа, усвоила лишь «Машка дура!», в шутку произносимое Сережей потихоньку от бабушки, и на том закончила свое образование. А вот Лап знал целых семь слов, что было совсем неплохо для попугая его породы — кольчатого розовогрудого.

Морозные узоры на кухонном окне были раззолочены светом уличного фонаря. Машка разглядывала их с заметным интересом. Наверное, она видела на стекле метелки кокосовых пальм, суставчатые стебли бамбука, тяжелые аппетитные связки банановых плодов и представляла себя в родных вьетнамских джунглях, среди пестрого горластого племени своих собратьев.

Сережа согрел чай, достал из настенного шкафчика овсяное печенье в соломенной корзиночке. Это делалось им почти машинально, мысли его были сосредоточены на одном: как быть? Сказать матери, что он намерен отправиться в Москву, пропустив сегодня занятия в школе, или уехать так? И то, и другое обещало неприятности, и он никак не мог выбрать меньшее из двух зол.

В конце концов Сережа решил, что оставит матери записку, в которой все объяснит, и она хоть будет знать, где он. Конечно, она запаникует: как же так, пропустить уроки, уехать одному в Москву...

Кусочком пластилина Сережа прикрепил записку к кафельной плитке над мойкой, затем осторожно оделся и с учащенно колотящимся сердцем выскользнул на лестничную площадку. Ему определенно везло сегодня: дверь не скрипнула, замок не щелкнул... Прежде чем покинуть подъезд, он достал из бокового кармана куртки деньги и пересчитал их. У него было пять рублей с мелочью — для поездки в Москву не много, но на дорогу хватит, даже на пончики останется, как-нибудь выкрутится.

На вокзал можно было ехать и трамваем, и троллейбусом, но Сережа предпочел добираться пешком. Так надежнее, через пятнадцать минут наверняка будешь у электрички. Чтобы сократить путь, он пошел краем парка. Медленно падал крупный снег, лицо и уши легонько пощипывал морозец. Тускло освещенный редкими фонарями, парк напоминал старинный китайский рисунок, сделанный черной тушью на желтоватой рисовой бумаге,— такие Сережа видел год назад в Хошимине.

Электричка стояла у перрона. В вагоне было холодно, сумеречно — лампы освещения горели вполнакала. Без конца скрежетали двери, взад-вперед сновали люди. Из тамбура тянуло студеным, густо продымленным воздухом. Наконец, как бы со вздохом облегчения, захлопнулись автоматические двери, и электричка тронулась. Все, шесть часов! Мать встала, пошла в ванную. Там она пробудет минут десять, затем пойдет на кухню и увидит записку...

На улице постепенно светлело, замороженные окна электрички наливались синевой. Сережа вытащил из кармана письмо Лиен и стал перечитывать его...

* * *

После завтрака мать уехала по своим делам, как водится, озадачив Сережу целым ворохом наставлений. Он должен был принять душ, позаниматься французским, пообедать в ресторане (ужинать они будут уже вместе). Запрещалось пить сырую воду из крана, уходить далеко от гостиницы, поку-

пать «всякие сомнительные сладости» у торговцев на улице и кататься на велорикшах. За послушание ему были обещаны попугаи, которых он видел вчера на птичьем рынке.

— А дышать-то мне можно? — заметил Сережа с невинным видом.

— Сереженька, помни: мы не дома! — взмолилась мать, на ходу подкрашивая губы.

Еще бы не помнить это! Все четыре дня, прожитых в Хошимине, его не покидало чувство радостного удивления и какого-то тихого восторга. Ему казалось, будто он попал в сказку или видит сон наяву, один из тех, что раньше снились ему под утро: цветных, полных самых невероятных приключений.

И вообще было чудом то, что он оказался здесь, на другой стороне земного шара, в тропиках. Год назад мать поехала во Вьетнам работать. Всю зиму и весну перед этим она до головных болей зубрила иностранные языки, нередко паникуя. Вот-де в институте и аспирантуре языками всерьез не занималась, а теперь расплачивается, так что он, Сережа, должен извлечь урок из ее печального опыта. Для практики она разговаривала с Сережей на французском. Бабушка помогала ей одолевать азы вьетнамского — во время занятий матери бабушка невольно выучила несколько слов и фраз. Язык этот оказался очень трудным: в нем шесть тональностей — одно и то же слово, произносимое в разных тональностях, принимает различные значения.

Уезжала мать в большой тревоге. Несмотря на то, что она оставляла Сережу на попечение своей сослуживицы Дины Константиновны и бабушки Лизы, мать боялась: вдруг он подожжет квартиру, попадет под машину или свяжется с дурной компанией?..

Каждое воскресенье они писали матери письма с подробными отчетами о своей жизни. Бабушка Лиза непременно вставляла пару фраз про погоду и передавала приветы от знакомых, требуя перечислить всех поименно. Дина Константиновна добавляла ужасным почерком, каким обычно выписываются медицинские рецепты: «Наш вундеркиндер ведет себя в пределах допустимого...» При этом она смотрела на Сережу так, словно он только и мечтал «поджечь», «попасть» и «связаться».

И все-таки у Дины Константиновны при внешней ее грубоватости было доброе сердце. В этом Сережа убедился, когда принес домой дневник с оценками за полугодие и показал его ДК. Окинув

взглядом столбик из аккуратных пятерок, она сказала:

— А ты и правда уже почти взрослый, Сережа Новиков... Хочешь навестить маму?

Он не поверил услышанному:

— А разве можно?

— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,— бодро сказала она, став прежней ДК — самоуверенной и решительной.— Твоя мама пишет, что в конце января на две недели приезжает из провинции в Хошимин. Вот мы и подгадаем. Со школой я договорюсь, чтоб отпустили. Разумеется, потом ты должен будешь наверстать упущенное.

Через месяц после этого разговора Сережа выходил из самолета в хошиминском аэропорту Таншоннят. Он ослеп от непривычно яркого солнца и спускался по трапу почти на ощупь, с ощущением, будто погружается в горячую воду. Шагнув на раскаленный бетон, Сережа попал в объятия загорелой женщины, одетой во все снежно-белое.

— Сереженька, неужели это ты?.. Вырос-то как! И похудел!

Он растерянно улыбался, постепенно обретая остроту зрения.

— Тюльпаны, наши, родные! — воскликнула мать, окуная лицо в букет, которым Дина Константиновна снабдила Сережу в Москве на аэровокзале.— Милые вы мои солнышки! — Ее щеки и кончик носа были припудрены цветочной пыльцой...

Он включил укрепленный под высоким лепным потолком вентилятор с тремя длинными лопастями. Эта «вертушка», целыми сутками монотонно гудевший кондиционер, тяжелые металлические жалюзи на окнах помогали переносить влажную тропическую духоту.

Номер Новиковых был просторный, с душем. Здесь стояли две широкие деревянные кровати с тумбочками в изголовьях, фанерный желто-коричневой расцветки трехстворчатый платяной шкаф, источенный древесным червем, и той же желто-коричневой масти комод, так изумивший Сережу: «Надо ж, как когда-то у бабушки!..» Низкий столик окружали плетеные раковинообразные кресла. Яркие абажуры на лампах, розовые гвоздики в вазе создавали почти домашний уют.

Сережа, довольный одиночеством и свободой, очень редким для него состоянием, разгуливал по номеру в плавках. Мельком заглянув в зеркало на стене, он с удовольствием отметил, что, кажется, похудел — вот даже ребра проступили — и уже вполне нормально загорел. Тропический загар был иной, нежели российский, мягче, с какой-то лимонной желтизной. Видели б его сейчас одноклассники или ребята из двора — рты разинули б: среди зимы такой загар!..

Сережа вытащил одно из плетеных кресел на балкон и устроился загорать как раз напротив солнца. Окно их номера выходило во внутренний двор отеля, отсюда, с высоты четвертого этажа, похожий на глубокий колодец, из которого вычерпали всю воду. Внизу, на дне колодца, заваленного грудами пустых ящиков и штабелями бутылок из-под питьевой воды, работали служащие отеля. Один колол топориком куски льда, рассыпая жемчужные искры, другой поливал из шланга потрескавшийся асфальт, третий катил тележку с громыхающими жестяными баками... Многие из них приезжали на работу на велосипедах. Сейчас эти велосипеды ровными рядами стояли во дворе. Вдоль этажей по периметру здания шли сплошные, сообщающиеся между собой балконы, по которым ходили горничные в синей униформе — носили кипы белья, бутылки с водой, фрукты...

По утверждению врача из Москвы Веры Борисовны Лазаревой, что жила в номере напротив, среди обслуживающего персонала отеля было немало этнических, то есть родившихся и выросших во Вьетнаме, китайцев. Это были молчаливые, подчеркнуто сдержанные люди. Некоторое исключение составляла Ли, приходившая убирать номер Новиковых. В присутствии напарницы, пожилой женщины, она работала не поднимая головы, но как только оказывалась с Сережей наедине, начинала украдкой разглядывать его, загадочно улыбаться.

Сережа всякий раз норовил вручить Ли что-нибудь из привезенных с собой сувениров: то деревянную ложку, то значок... Девушка вежливо, но решительно отказывалась. И лишь вчера взяла маленькую матрешку. В коридоре она с детским любопытством долго рассматривала подарок и, похоже, разговаривала с матрешкой шепотом. Заметив, что Сережа наблюдает за нею, девушка покраснела, едва уловимым движением сунула игрушку в косой карман халатика...

Сегодня Ли приветливо улыбнулась ему прямо с порога. Сережа полез в чемодан за новым сувениром. Под руки ему попалась деревянная расписная ложка. Он протянул ее девушке. Ли отрицательно покачала головой, показала темными блестящими глазами на свою напарницу. Та молча взяла ложку, поднесла к губам, почмокала ими и вдруг рассмеялась. «Ну да, они же пользуются палочками»,— сообразил Сережа.

После ухода горничных Сережа взял с подноса плод, название которого Вера Борисовна переводила как «материнское молоко». Формой и цветом он напоминал большой недозрелый апельсин, а внутри была сладковатая, вяжущая рот кашица. Его надо было разрезать пополам и выковыривать нежно-молочную мякоть ложкой. Но Сережа нашел другой, более быстрый и удобный способ: проделывал ножом дырку в кожуре и со свистом высасывал содержимое...

Освежившись в ванной чуть теплым душем, Сережа надел приготовленное матерью белье — его здесь приходилось менять каждый день.

В поисках носового платка он перерыл все ящики комода. Стал задвигать нижний — тщетно: что-то мешало внутри. Сережа опустился на корточки, осмотрел пыльную нишу и увидел приставший к боковой ее стенке квадратик картона. С трудом дотянувшись до квадратика — выдвигать верхний ящик было неохота, — Сережа достал его. Он оказался старой, измятой фотографией. На ней — человек в военной форме, скорее всего летчик или моряк.

* * *

Солнце поднялось над крышей отеля и прямой наводкой било в открытую дверь балкона. «Вертушка» и кондиционер, включенные на полную мощность, уже не справлялись с духотой в номере. Сереже пришлось закрыть жалюзи. До обеда он немного позанимался языком, слушал магнитофон через наушники, читал прихваченный из дому томик Грина. Ровно в тринадцать — специально следил за часами — Сережа отправился на верхний этаж отеля в ресторан. Точность, с которой он являлся на обеды, нравилась официанту, обслуживавшему столики у окна. Это был пожилой человек с неестественно прямой сухопарой фигу-

рой, внимательными, цепкими глазами под дряблыми черепашьими веками. Звали его Ваном.

Еще издали раскланявшись с официантом, Сережа прошел к столику. Ван принес ему сок в высоком стакане.

За соседним столиком сидели двое вьетнамцев, отец и сын. Отец ловко орудовал палочками для еды. Сын держал огромный ломоть арбуза. Заметив Сережу, мальчик показал на него пальцем и громко произнес: «Ленсо!» — что означало «советский». Сережа подмигнул ему. Мальчик надул свои крепкие влажные щеки, но они тут же разъехались в широкой улыбке.

Потягивая вкусный ледяной сок через соломинку, Сережа смотрел в окно, из которого открывался вид на город и набережную реки Сайгон. Тесно лепились друг к дружке дома с уступчатыми черепичными крышами. Мостовую запрудил поток велосипедистов. Вдоль набережной стояли пальмы, их кроны напоминали веером распущенные павлиньи хвосты.

По реке шли баржи, паучками-водомерами мчались моторки, волоча углом расходящиеся усики следов, медленно плыли лодки под коричневыми парусами. Напротив отеля стоял закопченный катерок, приспособленный кем-то под жилище: на его палубе сушили белье и варили еду на железной печке с кривой трубой. Чуть поодаль находилась пристань, куда только что причалил белый пароходик. По другую сторону широкой реки, насколько хватало взгляда, шли джунгли...

Вдруг за спиной грохнуло. Сережа вздрогнул и обернулся.

Старый официант Ван выронил тяжелый поднос с посудой и теперь, испуганно озираясь, опускался на корточки и трясущимися морщинистыми руками тянулся к осколкам. Сережа бросился помогать Вану.

Тут же прибежал старший официант, полный человек, с круглой головой и прилизанными редкими волосами.

Он был виртуозом в своем деле. В часы пик, когда ресторан заполнялся до отказа, он напоминал дирижера или полководца. Важный, строгий, стоя в центре зала, он отдавал негромкие отрывистые команды, следуя которым официанты бесшумно сновали между столиками. «Вот это школа!» — восхищалась Вера Борисовна...

Склонившись над Ваном, старший официант тихо сказал ему что-то, по-видимому, злое и обидное; Ван с трудом поднялся и пошел прочь, прижав к себе осколки разбитых грязных тарелок и не замечая, что они пачкают светлый форменный пиджак.

В свой номер Сережа вернулся расстроенный: как был в джинсах и кроссовках, так и бухнулся на кровать и вскоре уснул под ровный, убаюкивающий шум кондиционера.

* * *

— Бедный мой отшельник.— Мать разговаривала с ним, как с маленьким.— Приехал к матери за тыщи верст и все один да один. Обещаю тебе: весь вечер будем вместе. Только вдвоем. Никаких визитов, никаких гостей!

— А попугаи?

— Сейчас же идем... Я пригласила Веру Борисовну, она будет переводчиком. Пусть?

— Пусть,— кивнул Сережа.

— Вот и славно.

— Как ты думаешь, его уволят? — спросил Сережа.— Этого старика...

— Какой старик? Кого уволят?

Он рассказал о происшедшем во время обеда.

— С чего ты взял, что Вана непременно уволят? У них же есть профсоюз,— сказала мать.— Ну, конечно, не уволят.

— Но почему он так испугался? — все не успокаивался Сережа.

— Старая школа, как любит говорить Вера Борисовна... Ты же сам видишь, сколько еще трудностей у них.

Пока мать принимала душ, Сережа приготовил напиток: налил в стеклянный кувшин сока манго, разбавил его водой, положил несколько кусочков льда. Тянуть через соломинку не стал — долго, залпом выпил один стакан, второй. Он понимал, что так можно и заболеть, но ничего не мог с собой поделать: мучила жажда.

Вскоре постучалась Вера Борисовна.

— Ну вы даете! Так мы и к ужину не поспеем.

— Этот ужин отдадим врагу,— весело сказала ей мать, подсушивая волосы феном.— Кстати, тебе полезно.

— Попрошу без намеков! Я и так лишилась самых драгоценных килограммов. Приеду домой — стыдно будет показаться людям,— засмеялась в ответ Вера Борисовна...

Они спустились по лестнице, сдали портье ключи и, выйдя из отеля, двинулись к бульвару Лелой.

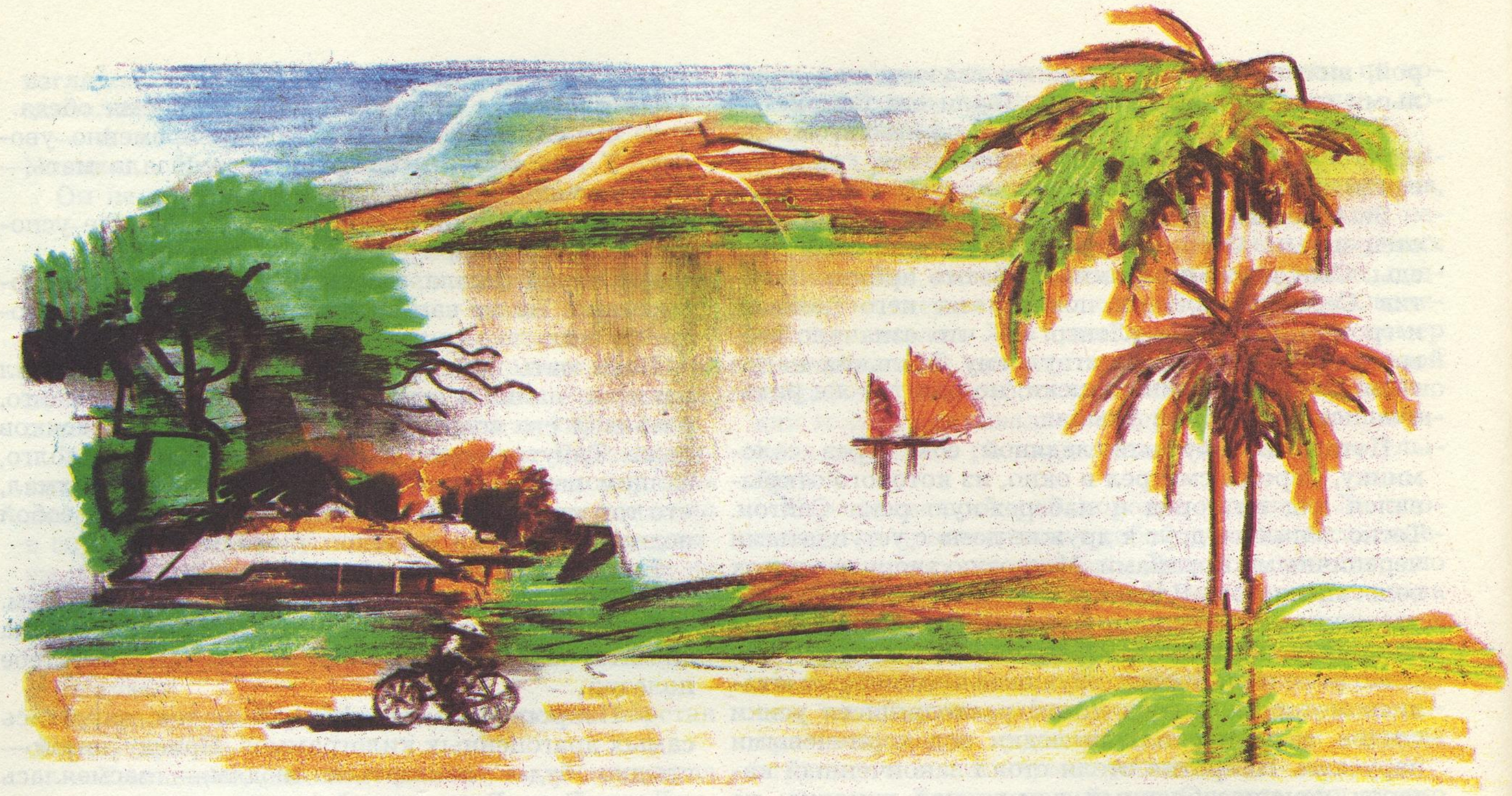
Они шли по улице Восстания, бывшей Катина, где первые этажи домов занимали яркие магазины. Здесь продавали украшения из серебра и жемчуга, деревянные лаковые панно, керамические вазы, ткани с национальной вышивкой. Торговцы, приветливо улыбаясь, зазывали посмотреть товар.

Мать дала Сереже целую кипу вьетнамских купюр — сто пятьдесят донгов и три американских доллара, разрешив тратить их по своему усмотрению. Но он редко покупал что-либо, ему больше нравилось разглядывать товары. Торговцы не сердились на него за это, напротив, старались показать все самое лучшее.

Желтое, как лимон, солнце укатилось за крыши домов. Под шинами велосипедов шипел размякший асфальт. Казалось, ездили здесь без всяких правил, но странным образом не сталкивались, не сбивали друг друга. Треща моторами, проносились грузовые мотороллеры. Протарахтел двухэтажный, набитый до отказа автобус, украшенный облезлой, вероятно, старых еще времен, рекламой. Устало накручивали педали велорикши. Иногда они подъезжали к бровке тротуара и, постукивая ладонями по сиденьям из потрескавшегося дерматина, предлагали подвезти.

Дети, что попадались по дороге, нередко кричали им: «Ленсо!» Сереже это слово казалось составленным из первых слогов слов «Ленин» и «советский». Порой Сережа ощущал робкие мимолетные прикосновения чужих рук и уже не удивлялся этому. Мать объяснила ему, что здесь существует поверье: если коснешься тела европейца, то тебе повезет в жизни — исполнится твоя мечта... Желательно, чтобы европеец был полный. Поэтому Веры Борисовны касались особенно часто, и она, видимо, была очень довольна, что может подать кому-то надежду на счастье.

У птичьего рынка Сережа встретил своего знакомого — босоногого, в замурзанных трусиках и футболке мальчика восьми-девяти лет. Он держал плетенную из соломки тарелку с пакетиками леденцов, которыми торговал.

— Здравствуй, меня зовут Лап! — бойко протараторил мальчик заученную русскую фразу.

Сережа пожал липкую от леденцов ладошку сияющего, точно новый донг, Лапа, нащупал было в кармане монету, чтобы дать ее мальчику, но, покосившись на мать, передумал. Она наверняка станет распространяться об унижении человеческого достоинства, хотя Лап нисколько не обиделся бы.

На рынке клетки были битком набиты зелеными попугаями с красными клювами.

Сережа попросил себе самца и самку. Вера Борисовна, хорошо говорившая по-вьетнамски, перевела. Продавщица ловко подцепила за крылья пронзительно орущих, пытающихся кусаться птиц и запихнула их в отдельные небольшие клетки из тонких прутьев. Тут же были куплены стеклянные, похожие на медицинские, банки с грязноватым овсом.

По дороге Сережа внимательно разглядывал попугаев. Самец был с розовой грудью, дымчатосизой головой, цвет его спины и крыльев имел не меньше пяти оттенков зеленого. Тощая самка, очевидно, была совсем молодой, поэтому не такой эффектной окраски.

— Теперь на очереди у нас слон? — задорно подмигнула Сереже мать.

— А ты знаешь, мон шер ами [1], чем надо подкармливать этих троглодитов, чтобы они быстрее научились разговаривать? — спросила Вера Борисовна, гордо вышагивая с клеткой, в которой сидела перепуганная самка.

Сережа пожал плечами: откуда ж ему знать?

— По-моему, продавщица что-то говорила насчет перца,— вспомнила мать.

— Вот именно, нужен красный перец.

— Так он же горький! — воскликнул Сережа.

— На сладкую жизнь этим троглодитам теперь рассчитывать не приходится,— хмыкнула Вера Борисовна.— А вот мои друзья Нгуены... Между прочим, Нгуен здесь практически каждый третий...

Навстречу им шли две вьетнамки в аозаях — коротких, с разрезами на боках легких платьях вишневого цвета — и широких брюках из белой ткани. Они были одинакового роста, тонкие, с круглыми смуглыми лицами, и Сережа принял их за сестер, но Лазарева сказала, что это мать и дочь.

Расцеловав Нгуенов, Вера Борисовна стала на русском языке расспрашивать девочку о том, как она себя чувствует после больницы, и почему-то называла ее Леночкой. Девочка отвечала односложно, тоже по-русски: да, нет...

Смущенный ее присутствием, Сережа спрятал за спину клетку с попугаем, но тот, будто нарочно, начал хлопать крыльями, кричать резким, неприятным голосом.

Расставшись с вьетнамками, Вера Борисовна и мать пошли чуть впереди, занятые своим разговором. Сережа невольно прислушался к нему.

— Нгуены хотят угостить нас национальными блюдами, зовут в гости,— говорила Вера Борисовна, не замечая, что размахивает клеткой.

— Удивительно симпатичные люди,— заметила мать.

— И такая трагическая судьба!.. Тыонг была подпольщицей. Ее мужа, разведчика, казнили. И вот теперь дочка... Порок сердца. Ее бы к нам в Москву, в центр баротерапии...

— Девочку действительно зовут Леной?

— Ее имя — Лиен. Это значит Лотос... Лиен — Лена, очень схоже.

— У нее врожденный порок? Это не...

— Ну да, «эйджент ориндж», оранжевая смесь. Ею Тыонг отравилась, когда была в джунглях, в партизанском отряде. Ты же видишь, сколько здесь людей, покалеченных химической войной. Самое страшное — некоторые дети рождаются с двумя головами, четырьмя руками, без челюстей, с глазом посредине лба, ртом от уха до уха...

— Вера! — умоляюще воскликнула мать, кивнув на плетущегося сзади Сережу.

Сережа не все понял в словах Веры Борисовны, но суть уловил. Значит, девочка с именем Лотос тяжело больна, потому что ее мать была отравлена каким-то «оринджем». Значит, дети — калеки, а он видел их здесь немало,— это тоже из-за «оринджа»... «Оранжевый», красивое название, словно в насмешку...

---

[1] Мой дорогой друг *(фр)*.

Мать потащила попугаев под душ — мыть прямо в клетках.

— Как ты думаешь, это им не противопоказано? — спросила она Сережу сквозь шум воды.— Я считаю, ничего не случится. Попадают же они под дождь в своих джунглях. Только не прохватил бы сквозняк... Ты еще не придумал им имена?

Самца можно назвать Лап, решил Сережа. В честь чумазого мальчишки с плетеной тарелочкой. «Здравствуй, меня зовут Лап!»... Самке, сколько он ни думал, подходящего имени не нашлось... Ладно, пусть придумает мать. Или Вера Борисовна...

Выпив сока уже без льда— подозрительно точило горло, — Сережа сменил мокрую футболку и отправился в соседний номер к Вере Борисовне.

— Момент! — отозвалась на его стук Лазарева.— А, это ты, мон шер,— радушно произнесла она, когда он вошел, и тут же извлекла из-под столика фарфоровую пепельницу.— Вот, понимаешь, грешу в одиночестве — курю. Приеду домой — брошу, такая прилипчивая гадость...

— Расскажите про «ориндж»! — попросил Сережа.

— Про «ориндж»? — вскинула брови Вера Борисовна.— Ну что ж, ладно, садись.— Она помедлила в задумчивости, потом заговорила:— Если бы ты знал, Сереженька, сколько вынесла эта страна. Я вообще поражаюсь, как выжил вьетнамский народ. Напалмом его жгли, самыми страшными ядами травили. Вековые деревья не выдерживали, земля стала мертвой...

Лазарева взяла из пепельницы длинную сигарету с темным фильтром, раз-другой затянулась. Потом спохватилась, включила «вертушку», открыла балконную дверь. Вечер стоял тихий, душный, воздух был перенасыщен влагой, и дышалось тяжело.

— Победить вьетнамцев обычным оружием не удалось, и тогда американцы пустили в ход химическое...— Голос Лазаревой был глух и негромок. — Между прочим, в этом отеле жили американские летчики, они летали бомбить партизанские зоны...

Так вот что за фотографию он нашел в комоде!..

Лазарева рассказала, что американцы распылили во Вьетнаме семьдесят миллионов литров ядов. Большая часть их — «эйджент ориндж».

— Ты представляешь, за десять лет войны на каждого вьетнамца пришлось три килограмма «эйджент ориндж»! Этот яд сохраняется в природной среде почти двадцать лет. На Юге им была поражена половина посевов и лесов...

Она сама не раз видела такие места. Месяц назад была в провинции Дангай — это всего в ста километрах от Хошимина. Там много раз распылялись химические вещества. Вместо лугов теперь мертвые пустоши, вместо лесов — сухие уродливые деревья. Звери все погибли. Зараженные водоемы до сих пор опасны.

Сережа уходил от Веры Борисовны подавленный.

...Во время ужина их обслуживал молодой официант, ловкий, как фокусник, и как бы старавшийся своей веселой расторопностью загладить чью-то вину. По крайней мере так показалось Сереже. Вана в обеденном зале не было. Неужели его и вправду уволили?

— Мало ли что может быть,— рассеянно сказала мать в ответ на предположение Сережи.

— Секретничаете без меня? — подсев к ним, спросила Вера Борисовна.

Мать в двух словах объяснила ей, в чем дело.

— Ну, это мы сейчас узнаем,— решительно заявила Вера Борисовна.

Она поискала глазами старшего официанта и отправилась к нему. Сережа отодвинул от себя тарелку. Старший официант слушал Лазареву, почтительно склонив голову, на лице у него сияла любезная улыбка. Сережа хорошо помнил, каким было это лицо, когда старик собирал с пола разбитые тарелки...

— Шеф уверяет, будто наш друг Ван заболел,— сообщила Вера Борисовна, вернувшись за столик.

— Он врет! — запальчиво произнес Сережа.— Они уволили Вана!

— Сережа! — с мягкой укоризной остановила его мать.— Давай ешь, и хватит об этом.

Вера Борисовна пристально посмотрела на Сережу и сказала:

— Мы напишем письмо в дирекцию отеля. Скажем, что были очень довольны работой Вана. Попросим, чтобы он и впредь нас обслуживал. Думаю, прислушаются. Как тебе моя идея?..

Сережа заметил, что после их разговора в номере Вера Борисовна перестала называть его насмешливо-торжественным «мон шер ами».

* * *

...Человек с фотографии жил своей особой жизнью, не замечая Сережу, словно он был чем-то неодушевленным. Наподобие, например, желто-коричневого шкафа.

По утрам летчик делал разминку. Он был высокий, голубоглазый, белозубый, с ежиком жестких рыжих волос. Набросив на себя ворсистый халат, он длинным нетерпеливым звонком вызывал горничную. По-мышиному робкая и бесшумная, Ли приносила кофе. Летчик молча кидал к ее ногам смятое белье — для стирки. Потом он выкуривал толстую сигару и начинал экипироваться: натягивал форму цвета хаки с бесчисленными застежками, надевал такого же цвета пилотку, обувался в ботинки с толстыми подошвами. Ботинки издавали громкий хруст, будто их владелец ходил по битому стеклу.

Потом он уезжал.

На авиабазе Таншоннят пилот влезал в кабину самолета, напоминавшего птицу с перепачканным грязью оперением и несуразно маленькой остроклювой головой, и взмывал в небо. Он летел над пальмовыми рощами и плантациями сахарного тростника, над зеркальными квадратиками залитых водой рисовых полей, над черными паутинками дорог.

Летчик ощущал себя властелином этой земли. Он с чувством превосходства думал о тех, кто сбрасывал на нее обыкновенные бомбы или, ловя в перекрестие прицела живые мишени, нажимал гашетку автоматических пушек. В его руках куда более эффективное оружие...

Он делает разворот над деревенькой в два десятка хижин, накрытых пальмовыми листьями, снижается и выпускает из специального люка смерть. Дымная лента ядовитой смеси опускается на деревья и хижины, на буйвола и старика, застывших в мутной воде рисовой делянки...

Вот по ровному, как линейка, проселку среди пальм бежит девочка в аозае. Ее настигает ядовитое облако. Девочка вдруг останавливается, будто налетает на прозрачную стену, поднимает лицо вверх, и Сережа узнает в ней Лиен. В ее глубоких черных глазах боль и ужас. Схватившись тонкой

рукой за горло, Лиен медленно оседает на землю и растворяется в ядовитом облаке...

— Девочка Лотос!.. Девочка Лотос!..— в отчаянии кричит Сережа, просыпаясь от собственного голоса.

Температура у него заметно упала, но горло еще было обложено так, что он с усилием глотал даже воду. Вчера мать была при нем целый день, пичкала таблетками, заставляла полоскать горло прямо в кровати, над тазиком.

Сегодня сиделкой стала Вера Борисовна. Она принесла с собой томик переведенных на русский язык стихов древних вьетнамских поэтов и читала их Сереже.

— Ты послушай, какая прелесть! — говорила она.

Куда ни посмотришь, повсюду вода.
Кормилу покорны речные суда.
Веслу веселее с луною вдвоем.
Сопутствует парусу в небе звезда.
Вода зеленей, чем кошачьи глаза,
И вся голова под луною седа.

— Правда, похоже на вьетнамскую лаковую миниатюру?

Сережа соглашался: правда. Он живо представлял теплый вечер, раздольную реку с бирюзовой водой, желтым мячиком подпрыгивающую на волнах луну, лодку под косым парусом, одинокую звезду, как бы упавшую с неба и зацепившуюся за мачту...

Длинные тени лежат на цветном
дворцовом крыльце моем,
Лотосом дышит прохладный ветр,
в оконный вея проем.

Слушая эти строки, Сережа ощущал свежесть, насыщенную тонким цветочным ароматом, хотя лежал в духоте, весь мокрый: спасая его от сквозняков, мать отключила «вертушку», закрыла балконные двери, и только едва-едва работал кондиционер.

Лотос... Красивое имя дали девочке в вишневом платье... Он часто думал о Лиен с нежностью и тревогой.

— Письмо в дирекцию отеля я отнесла,— сообщила Вера Борисовна.— Я думаю, с Ваном будет порядок. Кстати, ты знаешь, что горничная Ли его дочь?

Это была новость. Теперь Сереже стало понятно, отчего так внезапно изменилась Ли: ходит грустная, как в трауре, опустив глаза. Может, старик Ван заболел после той истории с разбитой посудой, а может, его в самом деле уволили... Вон и Вера Борисовна говорит: с работой здесь, на Юге, пока трудно...

Уезжая сегодня по неотложным делам, мать обещала вернуться пораньше. Обед должны были принести Сереже прямо в номер. Названивая по телефону примерно каждый час, мать умоляла его не вставать с постели и, наверное, чтобы хоть как-то развлечь, спрашивала, как ведут себя попугаи.

С птицами уже начались хлопоты. В тот вечер, когда их принесли, они перегрызли тонкие прутья клеток и разлетелись по номеру. Вернувшись с ужина, мать и Сережа нашли Лапа на карнизе для штор, а попугаиху, которую Вера Борисовна назвала Машкой,— на лопасти «вертушки».

— Так я и знала, что они устроят нам веселую жизнь,— сказала мать.

Все попытки согнать Машку с «вертушки» свистом, хлопаньем в ладоши ничего не дали — она невозмутимо поглядывала вниз и перебирала клювом перья на груди.

— Ну ладно, тогда держись,— пригрозил Сережа попугаихе, нажимая на кнопку вентилятора.

Лопасти закрутились. Машка дико вскрикнула, рванулась к окну и запуталась в шторах. Сережа накрыл ладонями теплое тельце птицы. Острая боль заставила его отдернуть руки — это Машкин клюв крепко защемил палец. Хорошо, что мать быстро поднесла клетку, и они водворили Машку на место.

Сережа кое-как заделал бечевкой дыры в клетках. Мать смазала ему ранку йодом.

— Больно? — участливо спросила она, разгоряченная возней с птицей. Ее глаза сияли озорно и молодо — такой она была, когда дома они затевали шумные игры.

Поймать Лапа было еще сложнее. Раскачивая шторы, Сережа пугнул его с карниза. Попугай перелетел на абажур лампы над кроватью. Потревоженный матерью, он опять забрался на карниз. Тогда Сережа открыл дверь в ванную и загнал Лапа туда. Оказавшись в западне, попугай затаился между трубой и потолком. Едва мать протянула к нему руку, как он тут же нацелился хищным клювом.

— Были бы перчатки... А, ладно! — Мать сдернула с вешалки банное полотенце, прижала им Лапа к стене, и попугай, успев лишь слегка царапнуть ее когтем, перекочевал в клетку.

— Опять выберутся,— сказал Сережа.— Нужна железная клетка.

— Где же ее взять?

— Нет ничего проще,— заявила Вера Борисовна, прибежавшая к ним на шум. Она ушла и вскоре вернулась с объемистой металлической клеткой, которую приметила в одной из служебных комнат на втором этаже.

Теперь предстояло переселить попугаев. Мать участвовать в этой операции отказалась, Вера Борисовна тоже. Сережа, вздохнув, покосился на укушенный палец и взялся за клетку.

Очутившись вместе, попугаи передрались. Причем ссору начала Машка. Пытаясь согнать Лапа с насеста, который показался ей тесным для двоих, она несколько раз тяпнула его за ногу. Лап терпел, терпел да вдруг так хватил ее клювом, что она с воплем полетела вниз и распласталась на дне клетки.

* * *

— Сережа, готовься, тебя ждет сюрприз.— Он не сразу узнал голос Лазаревой, потому что разговаривал с ней по телефону впервые.— Только ты, пожалуйста, не вставай с постели, ладно? Сюрпризу известно, что ты болен...

...Скрипнув, приоткрылась дверь, и появилась... Лиен. Вместо вишневого аозая, так запомнившегося Сереже, на ней были коротенькая, с широкими рукавами кофта и черные брюки — повседневная одежда вьетнамки. В одной руке она, точно корзинку, держала за ленточку шляпу нон и несколько крупных белых хризантем, в другой — бумажный сверток.

— Здравствуй! — Круглое лицо гостьи сияло радостной улыбкой.— Вот... тебе... присент...

В свертке лежали ананас и два плода манго.

— Куда столько? — пробормотал Сережа.

— Кушай. Надо не быть больной... Сделать свет? Шурша кофтой, она подошла к окну, сдвинула

одну из тяжелых створок жалюзи. В комнату дымно-золотистым потоком хлынул дневной свет.

Лиен довольно уверенно, хотя и с сильным акцентом, говорила по-русски. Этот язык она изучала и в школе, и на специальных курсах, и дома самостоятельно — читала советские газеты, книги, слушала пластинки. Главной ее мечтой было поехать учиться в СССР. Потом она хотела бы или преподавать русский, или — еще лучше — стать переводчицей русской литературы... Торопясь рассказать об этом, Лиен невольно сбивалась на вьетнамский и смущенно розовела.

Она знала, что такое снег (он как сахар, только не сладкий и тает от тепла), что в Москве есть метро — целый подземный город с быстрыми поездами и движущимися лестницами. Ей хотелось посмотреть Красную площадь, Кремль, Звездный городок... Замечательно было бы приехать в Советский Союз зимой, чтобы шел снег.

Хошимин, конечно, не такой огромный, как Москва, продолжала рассуждать Лиен, и метро в нем нет, но он тоже большой город и очень красивый — Дворец «Единство», парк «Тао Дан», бульвар Лелой, улица Катина... Она, Лиен, хорошо помнит, как в апреле 1975 года по этой улице торжественным маршем прошли части Фронта освобождения, очистившие от врага Сайгон. Жители города забрасывали воинов цветами. Маленькая Лиен тогда радовалась и плакала одновременно. Плакала она потому, что в рядах бойцов, шагающих под красно-голубым знаменем с желтой звездой, не было ее отца.

Он был канбо — кадровым работником Фронта, отважным подпольщиком. Погиб отец незадолго до освобождения города. Его схватили марионетки, «черные каски», — так прозвали в народе сайгонских полицейских. Лиен видела это своими глазами. Отца увезли в лагерь смерти, где вскоре казнили...

Рассматривая попугаев, Лиен заговорила о том, что скоро Тет — Новый год по лунному календарю, самый веселый вьетнамский праздник. Жаль, что Сережа уедет до его наступления: она слышала об этом от Лазаревой. А ведь они с матерью хотели позвать Новиковых и Веру Борисовну на семейное новогоднее торжество. Правда, у них вся семья-то — она да мама... Но пусть Сережа не огорчается: как только он выздоровеет, Нгуены обязательно пригласят советских друзей к себе в гости. По какому поводу — пока тайна.

В эту минуту вошла Ли — за разговором Сережа и Лиен не слышали ее стука в дверь. Заметив хризантемы, горничная вспыхнула, спрятала за спину гвоздики, которые собиралась поставить в вазу, и поспешно покинула номер.

Наверное, Ли приходила поблагодарить за отца — сегодня утром он появился в ресторане. Лазарева была уверена, что их письмо помогло.

* * *

Лечение, назначенное Верой Борисовной, сделало свое дело.

Еще ночью Сережу мучила боль в горле, он лежал мокрый от пота, сжигаемый жаждой. От нечего делать разглядывал на потолке маленьких ящериц. Они с легким шорохом вились друг подле друга в пятнах света, пробивающегося из окна. Раньше при виде их Сережа испытывал брезгливость: так и казалось, что заползут в постель, под одежду... Постепенно он привык к этим безобидным существам.

Под утро Сережу сморил глубокий сон, и он проспал до двенадцати часов — мать не стала будить его к завтраку.

Проснулся он с радостной легкостью в теле, выпил стакан апельсинового сока, который уже не царапал, не жег горло. Мать измерила ему температуру, осталась довольна, но подняться до прихода Веры Борисовны не разрешила. Лазарева появилась, как всегда, шумная и веселая, осмотрела Сережу и сказала:

— Да ты просто богатырь! Думаю, мы вполне можем позволить себе плезир [1] и пойти к Нгуенам, там сегодня семейное суаре [2] — у Лиен день рождения. Готовь подарок, мон шер...

Итак, что же подарить Лиен?.. Привезенные из дому сувениры Сережа большей частью роздал, да и все эти ложки-матрешки, по его мнению, на настоящий «присент» не тянули. Той же проблемой была озабочена и мать. Позвонила Вера Борисовна:

— Что, напрягаетесь?.. То-то же! Куда вы без Лазаревой? Пропадете... Ладно, так и быть, выручу.— Она принесла две коробки конфет ассорти.— Только вчера из Москвы. Пользуйтесь моей добротой.

— Вера, ты волшебница! — кинулась обнимать ее мать.

— Нет, Машенька, я еще не волшебница, я только учусь...

...Нгуены жили на бульваре Лелой, недалеко от городского театра. Дорогой Вера Борисовна рассказывала о национальном герое Вьетнама, имя которого носила центральная, самая шумная и, на ее взгляд, самая красивая улица Хошимина. Ле Лой был предводителем народного восстания против китайских захватчиков в 15-м веке, основателем новой императорской династии.

— Между прочим, Вьетнамом страна именуется лишь с XIX века,— энергично шагая, заметила Лазарева.— Раньше называлась Дай-ко вьет, затем Дай-вьет, то есть Великий вьет. Вьеты — племена, искони жившие на севере Вьетнама... Соратником Ле Лоя был великий поэт Нгуен Чай. Он предводительствовал войсками, занимал важные государственные посты.

— За славой гоняться не вижу причин.
Лишь тот, кто владеет собой,— властелин.

Для золота лотосов и хризантем
Не хватит сосудов, не хватит корзин,— продекламировал Сережа запомнившиеся строки Нгуен Чая из книги, подаренной Верой Борисовной.

— А ты знаешь,— сказала она,— ведь судьба Нгуен Чая была трагической. Его обвинили по ложному доносу и казнили вместе с сыновьями и даже внуками. Книги поэта, доски, с которых они печатались, сожгли. Лишь спустя четыреста лет издали его стихотворения.

— Я назвал бы этот бульвар именем Нгуен Чая,— заявил Сережа.— Все-таки Ле Лой был император, значит, угнетатель...

— А что, давайте внесем предложение,— рассмеялась мать.— Вера Борисовна сочинит письмо, она это умеет...

— Издеваетесь? Ладно, припомню,— шутливо пригрозила Лазарева.

Они пересекли бульвар Лелой в том месте, где круто, на полном ходу, заворачивал с улицы Восстания поток велосипедистов и мотоциклистов. Вера Борисовна едва не угодила под велосипед, на котором ехала целая семья — двое взрослых и двое детей. Один ребенок сидел на раме, второй — на багажнике с матерью... Отскочив в сторону, Лазарева испуганно пробормотала «пардон».

— Хозяева дорог здесь не пешеходы, не водители машин, а велосипедисты,— как ни в чем не бывало говорила Вера Борисовна, когда они перебрались на тротуар.— Сначала я долго не могла поладить с ними. Улицы переходила так: закрывала глаза — и точно в воду... И представьте себе, ни разу не сбили. Велосипедисты здесь настоящие виртуозы... А вот и дом нашей именинницы!

Это было ничем не примечательное серое здание с магазинами-пеналами в первом этаже, окнами с жалюзи, балконами во всю длину фасада. Центр Хошимина вообще по своей архитектуре был более европейским, чем юго-восточным. Пагоды с характерно загнутыми углами многоярусных крыш, к удивлению Сережи, попадались здесь редко. Зато недалеко от бульвара Лелой, вверх по улице Восстания, стоял чопорно строгий костел...

Услышав свое имя, Сережа задрал голову и увидел на балконе третьего этажа Лиен. Она махала рукой. Сережа вдруг оробел, замедлил шаг. Лазарева легонько подтолкнула его в спину, и они вошли в тесный дворик, посреди которого рос гладкоствольный, густо усеянный желтыми соцветиями баньян.

Из черной дыры подъезда, приманивавшей спасительной тенью, выбежала Лиен. Следом за нею появились две юркие, словно ящерки, девочки в синих, с белой окантовкой пилотках и красных галстуках, похожие одна на другую. Даже заколки на висках были у них одинаковые. Вежливо раскланявшись, девочки взяли старших за руки и повели в подъезд.

Пока они поднимались по лестнице, Лиен рассказала Сереже, что ее подружек зовут Ту и Нгует. Нгует — значит Луна, правда, красиво?.. Обе они живут в детском доме для сирот войны, над которым шефствует мать Лиен — Тыонг, партийный работник. Сама Лиен учится в обычной школе, но часто бывает в детском доме и там подружилась с этими девочками, особенно с Нгует.

«Нгует — Луна — это та, которая чуть повыше»,— на всякий случай отметил Сережа.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

---

[1] Развлечение *(фр.)*.
[2] Вечеринка *(фр.)*.

Владимир КОЖЕМЯКИН

Осень, здравствуй!

Осень,
Электричек пересвист,
Грибники с корзинами опят,
Опадает золотистый лист,
Облака воздушные висят.

Серебрится паутинки нить,
В инее зеленые кусты...
Я боюсь мгновенье пропустить,
Проморгать секунды красоты.

Осень, здравствуй,
Ветку протяни,
Словно руку,
Я пожму листву.
Мне все лето
Снились эти дни,
А теперь
Я в этих днях живу.

Погонщик

По небу
устало,
устало,
устало
Бредут чередой облака.
У ветра-погонщика
Сил уже мало,
Дорога же — так далека!

И словно смеясь
Над погонщиком-ветром,
Что жалок,
Нелеп его труд,
Они вдруг свинцовым
Наполнятся цветом,
На землю себя изольют.
Закатной порою
Над озером сонным
Грустят,
Как семейство улит.
Погонщик — в лесу —
Разлетится по кронам
И в дреме
Листву шевелит.

Но за ночь,
Восполнив угасшие силы,
Очнется,
Едва рассветет,
Погонит стада
По раскатистой сини —
Вперед,
и вперед,
и вперед...

Песня о жар-птице

Жар-птица, жар-птица,
Искрясь и горя,
На землю садится
В конце сентября —

Водицы напиться,
Зерна поклевать:
Жар-птице, жар-птице
В дорогу опять.

Жар-птица, жар-птица,
Ты сон или явь?
Жар-птица, жар-птица,
Перо мне оставь!

Вот плавно ложится
Горячий листок...
— Куда ты, жар-птица?!
— На юго-восток!

Листок обратится
Волшебным пером...
Жар-птица, жар-птица
Взмахнула крылом.

Смежая ресницы,
Гляжу, как в зенит
Уходит жар-птица.
И солнце звенит.

И пусть не случится
Со мной волшебства —
«Жар-птица, жар-птица»,—
Твержу я слова.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

ЧУДЕСА В ЗАМОРОЗЬЕ

В физике настали замечательные времена. Все только и говорят о революции в технике, о сверхпроводимости, да не простой, а высокотемпературной. Но какая уж тут высокая температура, если называют при этом градусы со знаком минус?

Представьте, что в лаборатории проверяют, как ведут себя вещества при охлаждении до −30, потом −50, потом −100° по шкале Цельсия. Предположим, есть у нас такой чудесный холодильник — сколько потребуется градусов ниже нуля, столько он и сделает. Итак, начинаем охлаждение, −20... −4(... Холодно, конечно, но ничего необычайного не происходит. −100... −200. Начинает сгущаться воздух, а точнее, главные его составные части — азот и кислород. При температуре −200 азот и кислород перестают быть газами и становятся жидкостями. Но в этом удивительного нет. Вода тоже может превращаться в пар, а потом снова делаться жидкостью. Холодильнику работать все труднее, ему требуется все больше энергии для того, чтобы спускаться вниз по шкале температуры. И вот −273,3°С. Дальше, сколько бы ни тужился холодильник, ничего он не добьется, эта температура наинизшая. Физики называют ее «абсолютным нулем». А температуры, близкие к абсолютному нулю,— сверхнизкими.

При сверхнизких температурах с веществами начинают происходить чудеса... Например, гелий — он становится жидким позднее всех, при минус 269 — просачивается без трения всюду, куда ни попадет, это его свойство называется сверхтекучестью. А некоторые вещества начинают проводить электрический ток безо всякого сопротивления — это сверхпроводимость.

При обычной температуре любой провод оказывает сопротивление току: ведь ток состоит из движущихся электрических зарядов, они перемещаются по проводу, наталкиваются на атомы металла, из которого провод сделан, и теряют свою энергию — вот откуда берется сопротивление. Представляете, как это заманчиво для энергетиков: во-первых, никаких потерь электроэнергии при передаче по проводам, а во-вторых, провода не нагреваются и нет опасности им загореться, что, к сожалению, сейчас часто случается.

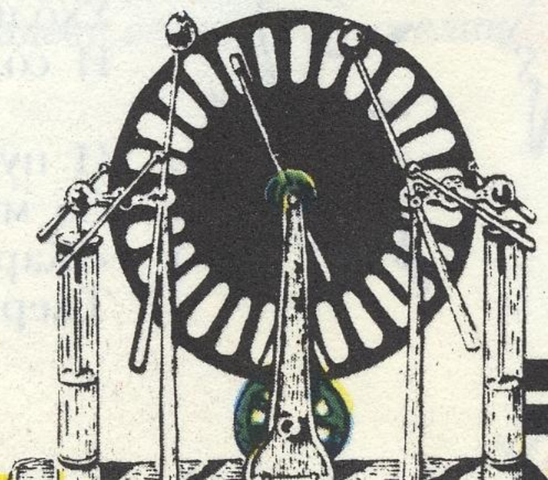
Открыл сверхпроводимость семьдесят пять лет назад голландский физик Х. Каммерлинг-Оннес, но провода у нас до сих пор всюду обычные. Почему же?

Да потому, что сверхпроводимость не выносит тепла: только повысится температура до −250, как появляется сопротивление. Как ни бились экспериментаторы, какие только металлы и сплавы ни пробовали, ничего не выходило. А охлаждать провода до −250 очень трудно, требуется такой мощный холодильник, что передавать ток по сверхпроводящему проводу становится просто невыгодно.

И вот пришел 1987 год — год удивительных открытий. Вообще-то события начались чуть раньше. Осенью 1986 года швейцарские физики сообщили, что наблюдают сверхпроводимость при −240°С, причем не в металле, а в керамике, спеченной из смеси окислов металлов. До сих пор никому и в голову не приходило, что у керамики, которая всегда слыла хорошим изолятором, могут обнаружиться столь необычные свойства. А нынешний год начался буквально фонтаном сенсаций. Сверхпроводимость при −230° наблюдали сразу десятки лабораторий — в СССР, США, Китае, Японии. Приготавливали по рецепту швейцарцев чудесную глину, проверяли их результат, а потом находили новые вещества с таким же свойством. В январе 1987 года сверхпроводимость «выносила» уже −200°, в апреле сообщили о −180°. С нашей точки зрения, это адский холод, но для физиков-низкотемпературщиков это уже область высоких температур. Может быть, когда вы будете читать эти строки, сверхпроводимость сможет выдерживать и обычный зимний мороз или даже комнатную температуру?

Да, здорово было бы... Такая сверхпроводимость означает линии электропередач без потерь, сверхминиатюрные быстродействующие ЭВМ, принципиально новые электромоторы, скоростные поезда на магнитной подушке — просто фантазии не хватает все перечислить. Только поднять бы еще температурную границу сверхпроводимости... Вот какие времена переживают сейчас физики!

А. СЕМЕНОВ

Знаешь?

Поле тяготения Луны может вызывать сильные землетрясения.

* * *

Панцирь черепахи обладает чувствительностью.

Что? Где? Когда? изобрел

Подзорная труба да часы...

Вот и все, что надо было человеку, чтобы измерить самую большую в нашей Вселенной скорость — скорость света. А вы, небось, думали, что это невозможно без электронных машин да сверхточных приборов?

В 1644 году, когда родился Оле Рёмер, незатейливый телескоп был новейшим изобретением. Часы с маятником появились позже — тогда Оле уже зубрил в школе латинскую грамматику. Когда молодой датчанин окончил университет и отправился доучиваться в Париж, на сцене театра блистал пресмешной актер и великий драматург Мольер, а на престоле помещался «Король-Солнце» — Людовик XIV.

Новичка, взявшегося помогать местным астрономам в наблюдениях за небесами, пристроили и ко многим другим важным делам. Рёмер помогал рассчитывать водопровод, питавший знаменитые версальские фонтаны, изобретал особой формы зубчатые колеса, применяемые по сей день, микрометры — удобные инструменты, известные всем современным инженерам...

Пробыв в Париже 10 лет, он посетил Англию, где познакомился с самим Ньютоном, а в 1681 году вернулся на родину. Здесь он до конца дней работал в знаменитой обсерватории Ураниборг близ Копенгагена, при жизни был всеми уважаем, однако после смерти скоро забыт. Одна из причин этого в том, что спустя 18 лет после его смерти, в 1728 году, в Ураниборге случился пожар, во время которого погибли почти все записи замечательного астронома.

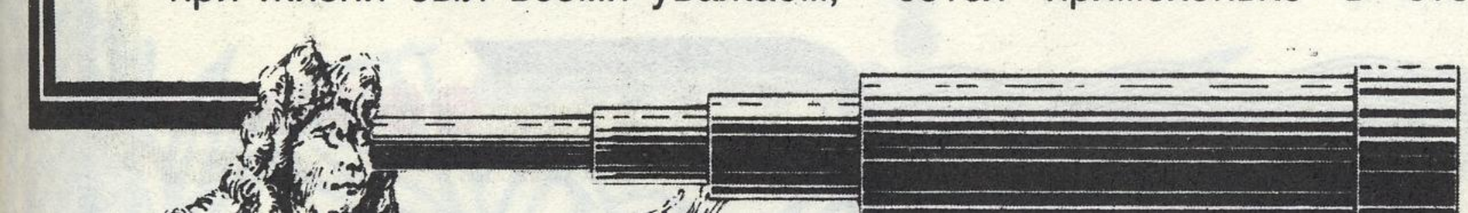
Тем не менее одно открытие Рёмера сохранилось для потомков. Оно было сделано еще в Париже в 1675 году. Наблюдая спутники Юпитера, открытые великим Галилеем, Рёмер заметил, что во время своих затмений они прячутся в тени планеты то чуть дольше, то чуть меньше. Оцените его наблюдательность сами: средняя длительность затмения — 42 часа 45 минут. Отклонения — то в большую, то в меньшую сторону — меняются плавно и регулярно, однако не превышают 15 секунд.

Заметить их да вдобавок установить регулярность было крайне сложно. Ведь спутники Юпитера видны не круглый год, и притом только по ночам да в безоблачную погоду. Часы же, напомню, у Рёмера были не очень точны... И все-таки он углядел эти отклонения и измерил их, а потом задумался, почему так получается. Отгадка оказалась гениально простой.

Земля движется. И скорость этого движения была Рёмеру известна: за 42 часа 45 минут наша планета успевает сместиться примерно на 5 миллионов километров. И если она несется прямехонько в сторону Юпитера, то свету придется бежать до глаза земного наблюдателя на 5 миллионов километров меньше. Если же Земля удаляется от Юпитера, то путь лучей на столько же удлинится. Уходит на это 15 секунд, значит, скорость света составляет 5 000 000 : 15.... около 320 тысяч километров в секунду.

В XVII веке расстояния еще мерили в других единицах, так что Рёмер получил иные цифры, но, по сути дела, он определил величайшую из скоростей с очень небольшой ошибкой — около 7%. Скорость света, измеренная с помощью точнейших современных приборов, составляет 299 792 458 километров в секунду.

В. ИНОХОДЦЕВ

Дело XXI века

ДОМ ПОСТРОИМ ИЗ ВОДЫ!

Идешь, бывает, по улице, продираешься сквозь встречный поток пешеходов и думаешь: «Тесновато человеку на Земле становится. Раньше хоть в диких лесах можно было послушать тишину и поскучать в одиночестве. Теперь же и по лесным дорожкам приходится шагать с оглядкой: того и гляди на спящего туриста наступишь или лбом со встречной группой столкнешься».

А тут еще пустыни да болота наступают. Лет 100, может, 200 мы еще на Земле потолкаемся, а потом? Придется в космос подаваться, Марс да Венеру обживать. Тоже, конечно, занятие интересное, но уж очень не хочется покидать родимую планету. Что же остается делать? Океан!

Ученые давно приглядываются к Мировому океану: в нем они видят кладовую с неисчерпаемыми запасами сырья и продовольствия, а возможно, и второй дом человечества. Вопрос только в том, как этот дом выстроить? Попробуем немножко пофантазировать.

Представьте себе чудесный летний день, прекрасные песчаные дюны на берегу ласкового моря. По ним весело шлепает группа молодых ребят с небольшими рюкзачками. Отыскав бухточку по вкусу, туристы располагаются на отдых, а двое из них собирают каркас из металлических прутиков и опускают его в воду. После чего возвращаются ко всей компании с довольным видом и сообщают, что «дом готов».

Ничего себе дом: сеточка из прутиков — ни стен, ни крыши, одни двери настежь.

Но что это? Через несколько дней каркас затягивает прозрачная желеобразная масса, спустя две недели она твердеет, а через месяц превращается в самые настоящие стены. Чудеса, да и только!

Все это не сказка, а быль. Ради интереса мы утаили только одну немаловажную подробность: каркас из металлических прутьев был присоединен к отрицательному полюсу генератора постоянного тока. Поэтому к нему притягивались положительно заряженные частички магния и кальция, растворенные в воде.

Надо честно признаться: такой остроумный способ «выращивания» дома из воды ученые придумали не сами, а подсмотрели его у моллюсков и кораллов. Исследования показали,что моллюски строят свои ракушки, выделяя кислоту. С ее помощью на поверхности клеток возникает слой отрицательных зарядов, к ним-то и прилипают положительно заряженные кальций и магний, будущие стены коралловых рифов.

Основная трудность предложенного метода в том, что выросшая стена известняка прочно изолирует каркас от воды. Рассказывают, как один из исследователей этого метода строительства домов, обнаружив, что стены совсем перестали расти, от досады пнул каркас ногой — и тем самым спас метод. Известняковая стена треснула, в трещину попала вода, контакт с металлическим каркасом восстановился, и стены опять принялись расти. Потом трещины и отверстия стали делать специально, через определенные промежутки времени.

Конечно, предложенный способ еще очень молод, пока рано с его помощью возводить подводные города, но вот укреплять берега, прокладывать тоннели по дну можно уже сегодня. Строить по новому методу в 6 раз дешевле, чем из многотонных бетонных блоков. А уж о красоте линий и говорить не приходится, ведь каркас можно выгнуть любым, самым причудливым образом. Так что ждут нас под водой грады невероятной красоты. И, может, совсем скоро, лет через 50, получите вы долгожданное письмецо от внука-пионера, которое будет начинаться так: «Здравствуй, дед! У нас вечер, за окнами плещется темная вода и мелькают стайки рыбешек, да знакомый дельфин Филька стучит в форточку, зовет гулять...»

А. ВЛАДИМИРОВ

В шутку и всерьез

Долго ли съесть мамонта?

Сначала, как велит рубрика, ответим на вопрос в шутку. Мамонт — это примерно пять тонн мяса. Человеку, даже очень прожорливому, на день хватит килограмма. Значит, если положить тушу волосатого гиганта в морозильник и отрезать по кусочку, семья из трех человек сможет кормиться ею добрых пять лет. Вот это запас! Только поймать мамонта, когда он жил, небось было не так-то просто.

Просто!

В том-то и беда...

Поначалу, наверное, наши предки испытывали перед этой махиной суеверный ужас. Но потом освоились — убедились,что «гора мяса» довольно неповоротлива, пуглива (особенно при виде огня), а главное — легко проваливается во всякие ямы. Конечно, рытье этих ям, их маскировка, расстановка загонщиков, пугающих зверя воплями и факелами,— все это требовало немалого искусства. Люди, возможно, учились ему десятки тысяч лет. Но когда охота с помощью ловчих ям была доведена до совершенства, а по времени это совпало с концом последнего оледенения, первобытный человек зажил в невиданной сытости и роскоши.

Археологи, которые вели раскопки стойбищ этой эпохи, поражались изобилию мамонтовых костей, из которых не только делались копья, ножи и прочая утварь, но и сооружались каркасы для жилищ. В это время не улучшали орудий труда, не изобретали новые инструменты. Зачем? Еды и поделочного материала и так девать некуда. Если старый запас пищи сгнил или его растащили волки, что за беда? Пойдем и добудем новую гору мяса.

Такое бездумное обжорство длилось не больно-то долго. Расчеты, выполненные экологом К. А. Татариновым, показали: не более тысячи лет. Вот каков серьезный, а не шуточный ответ на вопрос заголовка. Чтобы съесть мамонта — не одного-единственного зверя, а целый биологический вид, представленный поначалу на территории Европейской части СССР примерно полумиллионом гигантских, непобедимых в честном бою животных,— хватило совсем короткого, по меркам истории, срока. Несколько десятков тысяч людей, населявших тогда это огромное пространство, начисто истребили волосатого великана за время жизни приблизительно пятидесяти поколений.

Когда ряды мамонтов начали редеть, аппетит наших пращуров переключился на животных поменьше, но тоже пригодных для ловли в ямы: бизона, шерстистого носорога, гигантского оленя. И лишь когда ловить стало некого, пришлось изобретать новинки — лук, мотыгу, потом колесо. И браться за работу — приручать животных, учиться выращивать хлеб, плавить металлы... Крупным, аппетитным зверьем, впрочем, не пренебрегали и позднее — не случайно в Красной книге, которую догадались завести лишь совсем недавно, преобладают существа красивые, гордые, совершенные.

Скоро ли удастся остановить их вымирание? Будем надеяться — скорее, чем в свое время съели мамонтов.

П. САВКО

А теперь посчитайте сами!

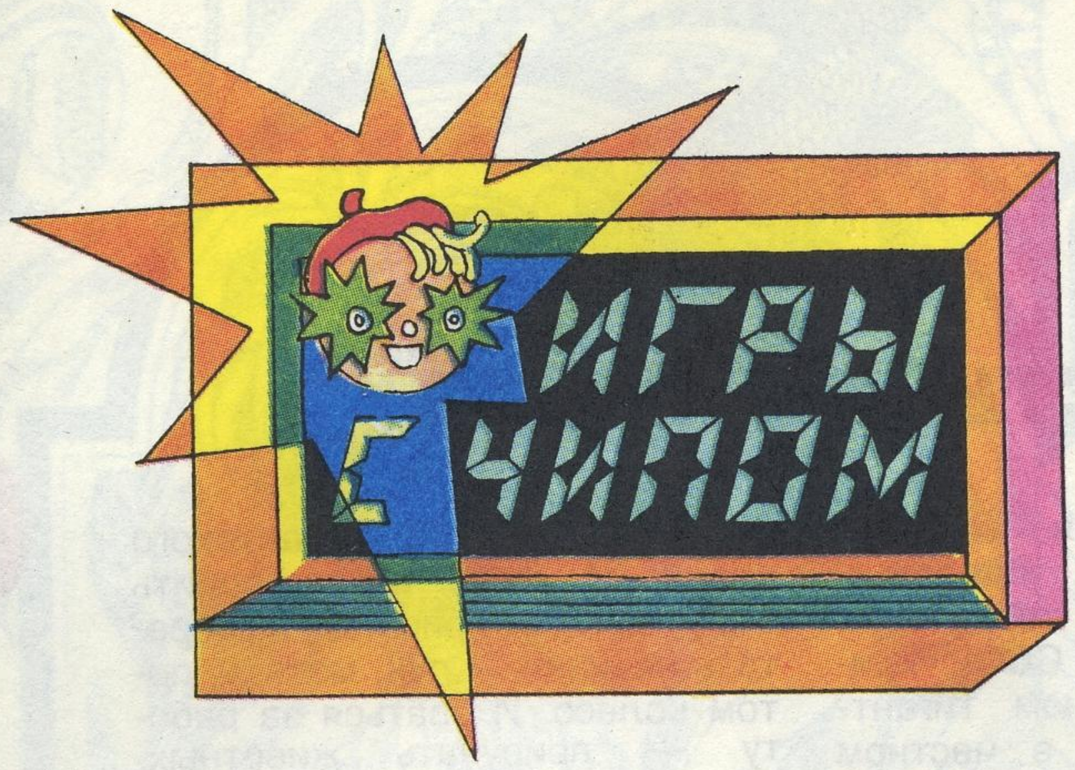
Экологическая задача

На пастбище площадью 20 гектаров пасутся 100 овец и 80 ягнят. В начале лета каждая овца съедает в среднем около 5 кг травы в день, ягнята же кормятся материнским молоком. Хватит ли лужка на прокорм стада в течение лета, если на каждом гектаре растет 25 ц травы?

После того, как задачу решили, ответ проверьте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

Продолжительность лета — 92 дня; 100 овец съедают в день 5 ц травы, за лето — 460 ц. На пастбище же есть 25×20=500 ц корма. То есть с точки зрения арифметики его хватит с избытком. Но экономия имеет дело с живой природой, а в ней все сложнее. Овцы не только едят траву, но и вытаптывают ее; ягнята обходятся молоком, только пока они совсем малюсенькие, а потом тоже пасутся. Травы же, когда ее срезают, полухонрку растет снова. Так что настоящее решение задачи требует куда более сложных расчетов. По деревенскому опыту на текстве пастбища, конечно, не самого лучшего, а такого, какое обычно достается овцам, можно прокормить не более 5—6 животных, иначе они лишатся на нем всю растительность. Вот и получается, что нашего лужка на всех ягнят не хватит.

Двадцать спичек и монета

Сережа с Чипом играли в увлекательную игру «Двадцать спичек и монета». Кладутся подряд 20 спичек и 21-й — монетка. Дальше играющие по очереди берут спички, рассчитывая так, чтобы последним ходом забрать монетку. Надо только соблюдать два правила: во-первых, монетку нельзя брать первым ходом, а, во-вторых, если противник взял сколько-то спичек, то следующим ходом ты не можешь взять больше, чем это удвоенное число. Например, если он взял 5 спичек, то ты не можешь взять больше 10.

Сережу этой игре научил Чип и потому все время давал ему первый ход как новичку. И тем не менее каждый раз Сережа проигрывал, хотя он обычно хорошо играл в такие игры. Кое-какие секреты игры он понял: например, что невыгодно брать много спичек первым ходом, а если возьмешь больше 6, то противник берет монетку ответным ходом. Сережа брал по одной спичке, и в ответ Чип брал по одной, иногда по 2. Но выигрывал почему-то все время Чип!

— А знаешь, что делает в таком случае программист? — сказал Чип после 15-го выигрыша подряд.— Если он не может понять, как работает программа с большими числами, он проверяет ее на маленьких.

— Знаю, ты мне это уже говорил,— сердито буркнул Сережа.— Только при чем тут программа? Это же игра, а не алгоритм.

— Это алгоритмическая игра: существует алгоритм выигрыша независимо от хода противника. Но самое удивительное, что выигрывает не тот, кто первым начинает! Так что ты ни в чем не виноват: я заманил тебя в ловушку.

— Как это, начинающий обязательно проигрывает? Так не может быть, у него же лишний ход.

— Ты был бы прав, если бы этим лишним ходом он мог не взять ни одной спички. Тогда он поставил бы противника в свое положение. Но по правилам он обязан в каждый ход сколько-то спичек взять, и как только он это сделает, он уходит от спасительного числа Фибоначчи — 21. А до следующего числа Фибоначчи — тринадцати — ему не дотянуть, тогда противник возьмет монетку ответным ходом.

— Что это еще за числа Фибоначчи?

— О-о, это замечательные числа: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34... Они тянутся до бесконечности, причем каждое следующее получается сложением двух предыдущих. Они так хорошо служат программистам — хотя средневековый итальянский математик Фибоначчи вряд ли мог на это рассчитывать,— что один неизвестный компьютерный поэт прославил числа Фибоначчи в стихах.

— Интересно было бы послушать,— вежливо сказал Сережа, хорошо зная, что Чипа хлебом не корми, а дай почитать свои стихи, которые он обычно приписывал неизвестным авторам.

— Ты знаешь печальную историю о Карле и Кларе?

— Это что, «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет»?

— Да, это про них. Грустно, когда друзья ссорятся. Так вот, они решили помириться, и первый шаг сделала Клара.

Однажды Клара подарила
Ему коробку из-под мыла;
Подумав, Карл послал в ответ
Пустой кулек из-под конфет.
Тогда смягчившаяся Клара
Послала 2 воздушных шара,
А Карл послал ей, подобрев,
3 новых карты масти треф.
И с благодарностью от Клары
Пришли 5 варежек без пары;
Как символ дружбы, Карл в ответ
Шлет 8 разных сандалет.
Растрогавшись, послала Клара
13 труб для самовара,
И, прослезившись, Карл послал
21 коленный вал...

Говорят, они стали добрыми друзьями и все время шлют друг другу подарки. И каждый из них, не желая уступить другому в щедрости, прибавляет к своему последнему числу подарков последнее число подарков, полученных от друга. Так и получаются числа Фибоначчи.

— Замечательное стихотворение, Чип, но я все-таки не понимаю, как ты меня обыгрывал с помощью этих чисел Фибоначчи.

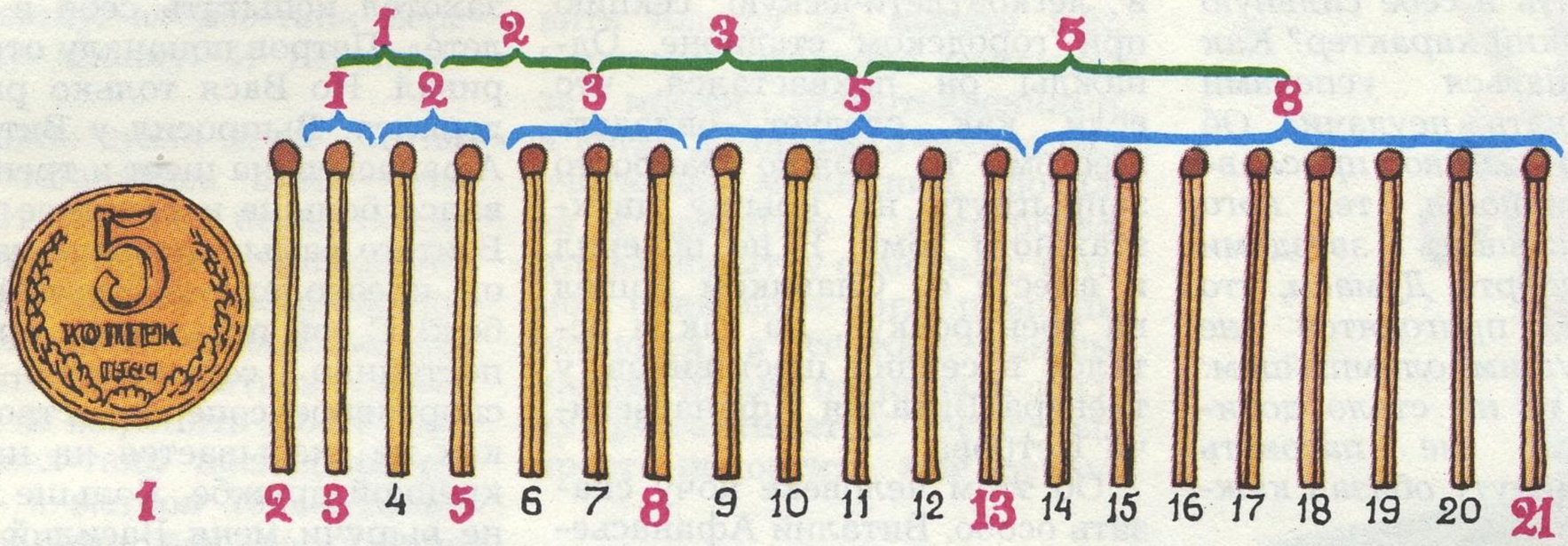
— Предположим для начала, что у нас 2 спички и монетка. Тогда начинающий проигрывает, согласен? Он не может сразу взять монетку, и ему приходится брать 1 спичку, после чего противник одним ходом берет оставшуюся спичку вместе с монеткой. Вот мы и нашли первое спасительное число 3. Если ты оставил противнику это число, он проиграл.

— Ага, а если было 4 предмета — 3 спички и монетка, то можно убрать 1 спичку, и противник проиграет,— подхватил Сережа,— ведь он не сможет взять больше двух спичек.

— Правильно, значит, 4 не спасительное число, если я дам его противнику, он может выиграть. Идем дальше: если начинать с 5, то первым ходом можно взять только одну спичку, иначе противник сможет ответным ходом дотянуться до монетки. Но если ты возьмешь 1 спичку, то ты тоже проиграешь, потому что противник может, взяв 1, оставить тебе проигрышную позицию, которую мы только что разобрали.

— Значит, 5 — спасительное число. Действительно, получаются числа Фибоначчи, но пока я не уловил общего правила — как надо играть, чтобы всегда выигрывать, даже если ты дал противнику спасительное число Фибоначчи. Например, против-

ник начинает с 8. Мне нужно сделать так, чтобы ему досталось число 5, верно?

— Да, но смотри, ты уже решал эту задачу раньше. От 8 до 5 как раз 3 шага. А для трех предметов ты уже все знаешь: если он берет 1, ты — 2, а если он — 2, ты —1. Ведь числа Фибоначчи устроены так, что интервалы между соседними числами тоже являются числами Фибоначчи. Ты пытаешься посадить противника на ближайшее число Фибоначчи, а если не можешь, то прибавляешь к этому числу позапрошлое число Фибоначчи. Скажем, от 21 ты должен сажать противника на 13, но этого ты сделать не можешь, значит, прибавляешь к 13 позапрошлое число, то есть 5 (13+5=18), и стремишься дать противнику число 18. Это просто, так как от 18 до 21 как раз 3 шага — снова число Фибоначчи. Заставил его взять 18 — и тебе осталось 5 шагов до 13, а как проходить 5 шагов, ты тоже знаешь. Вот и все!

— Чип, и все равно это трудно, нужно все время считать и не ошибаться.

— Это трудно вам, людям, а нам нетрудно безошибочно считать. Зато в тех играх, где вариантов слишком много для расчета, например, в шахматах, люди пока обыгрывают компьютеры. Но мы быстро совершенствуемся, так что я не удивлюсь, если чемпионом мира по шахматам 2000 года будет компьютер.

— А чего же вам не хватает сейчас, если вы лучше нас считаете?

— Быстрее — еще не значит лучше. Нам не хватает вашей интуиции, умения без вычислений предвидеть последствия ходов. Интуиция основана на знаниях и опыте, а компьютеры пока не умеют копить знания и набирать опыт. Это будут уметь компьютеры следующего, пятого поколения, которые появятся в начале 90-х годов.

— Чип, а какое задание мы дадим ребятам на этот раз?

— Так как мы сегодня говорили об играх, пусть попробуют придумать сюжет электронной игры, в которую им было бы интересно играть. Не программу, а просто сюжет вроде мультфильма. Автора лучшей игры ждет сюрприз.

ОТ РЕДАКЦИИ. *Ребята, на конверте с этим заданием поставьте девиз:* ***«Сюжет электронной игры».***

«Пионер»ский СПОРТЗАЛ

Каждое утро на наши редакционные столы ложатся пачки писем. И каждое четвертое письмо — на конкурс «Есть идея!». Авторы многих идей предлагают: «Расскажите о...» Далее следует фамилия одного, а то и сразу нескольких знаменитых спортсменов. Ну хорошо, подумали мы, допустим, мы расскажем о нескольких замечательных спортсменах, а что это даст? Ведь лишь немногие наши читатели станут рекордсменами и чемпионами крупнейших соревнований, да и им до своих главных стартов еще расти и расти... И все же идея была принята, правда, с одной поправкой: герои спортивных баталий расскажут о себе сами. Как воспитать в себе сильную волю и крепкий характер? Как не обольщаться успехами и преодолевать неудачи? Об этом поведут разговор прославленные чемпионы, те, кого принято называть звездами советского спорта. Думаем, что их советы пригодятся не только будущим олимпийцам: во что бы то ни стало добиваться цели, не пасовать в трудную минуту обязан каждый.

Итак, в нашем «Пионер»-ском спортзале — первый гость, ***мировой рекордсмен Сергей БУБКА.***

НА ШЕСТОМ НЕБЕ

Я часто вспоминаю чудесную улицу на самой окраине Ворошиловграда. Там прошло мое детство. Уютные, почти деревенские беленые домики. Черешневые сады. Веселая речушка Лугань — в ней так здорово было купаться и удить пескарей. Да и люди у нас жили, можно сказать, тоже по-сельски. Вскопать и прополоть огород, воды из колодца натаскать, помочь отцу поколоть дрова — вот обычные наши с братом Василием заботы. Так и росли: сноровистыми, крепкими, а главное, привычными к труду.

Родители уходили на работу рано, оставляя нас на попечение бабушки. Вася был послушным, солидным, покладистым, а вот за мною грехов водилось в ту пору немало: то повисну, зацепившись рубахой за сук высоченного дерева, то в погреб провалюсь, а то в бочку с водой нырну, конечно же, «по чистой случайности».

Когда подрос, пристрастился к футболу. Мечтал стать знаменитым нападающим. Учитель физкультуры говорил, что задатки к тому имелись. Но тут мой закадычный друг Славик Малахов записался в легкоатлетическую секцию при городском стадионе. Однажды он похвастался, что если как следует овладеть шестом, то можно запросто запрыгнуть на крышу двухэтажного дома. Я не поверил и вместе со Славиком пошел на тренировку... Да так и остался в секции шестовиков, у тренера Виталия Афанасьевича Петрова.

Об этом человеке хочу сказать особо. Виталий Афанасьевич из мальчишек первых послевоенных лет. Рос без отца, воспитывался в детском доме. Свою кипучую энергию использовал не всегда «в мирных целях». Но неожиданно для всех страстно увлекся легкой атлетикой — и напрочь забыл про былое бузотерство. Раздобыл специальные учебники и принялся самостоятельно осваивать премудрости тренерского дела. Из своих прежних уличных приятелей сколотил дружную спортивную команду. А когда окончил десятый класс, твердо решил поступать в педагогический институт, на факультет физического воспитания.

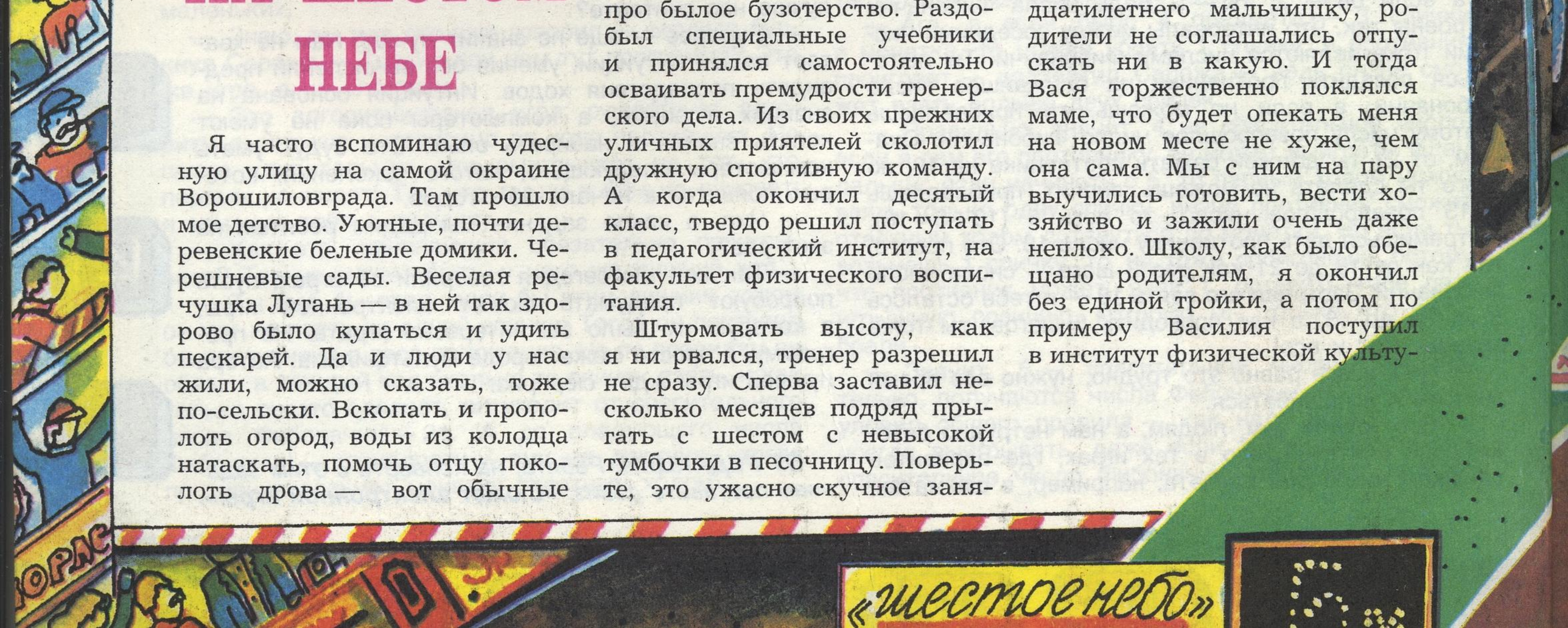
Штурмовать высоту, как я ни рвался, тренер разрешил не сразу. Сперва заставил несколько месяцев подряд прыгать с шестом с невысокой тумбочки в песочницу. Поверьте, это ужасно скучное занятие. Но Виталий Афанасьевич сказал:

— Запомни, прежде чем взлететь, надо научиться мягко приземляться. Залог успеха — в терпении и постепенности. И чем выше задумываешь полет, тем тщательнее нужно готовиться. Смелость, не подкрепленная осмотрительностью, называется безрассудством.

Тогда я думал, что тренер просто осторожничает. А теперь убедился: он прав на все сто процентов. Трижды ломался подо мной на взлете шест, и трижды я выходил из переделки невредимым: мы загодя предусмотрели самые разнообразные способы аварийной посадки.

После первого настоящего прыжка я просыпался по утрам с одним желанием: скорее на стадион! Но вот беда: уж очень далеко он находился от дома. Два с лишним часа пути только в один конец. Старший брат вызвался быть постоянным сопровождающим. А потом Василий и сам захотел испытать себя в «полете». Петров поначалу отговаривал. Но Вася только раззадорился. Выпросил у Виталия Афанасьевича шест и тренировался больше и яростнее всех. В итоге самым первым из нас он преодолел мастерский рубеж! С той поры мы с братом постоянно соревнуемся. Но спортивное соперничество никак не сказывается на нашей крепкой дружбе. Больше того, не выручи меня Василий снова — не было бы и моих рекордов.

Сложилось так, что Виталию Афанасьевичу Петрову пришлось переехать в Донецк. Брат к тому времени стал студентом и отправился вслед за тренером. Меня же, четырнадцатилетнего мальчишку, родители не соглашались отпускать ни в какую. И тогда Вася торжественно поклялся маме, что будет опекать меня на новом месте не хуже, чем она сама. Мы с ним на пару выучились готовить, вести хозяйство и зажили очень даже неплохо. Школу, как было обещано родителям, я окончил без единой тройки, а потом по примеру Василия поступил в институт физической культу-

ры. Вот что значит братская поддержка!

В 1980-м я стал чемпионом Советского Союза среди юношей. Но через год, дебютируя на молодежном первенстве Европы, с позором провалился. А впереди первый в истории легкой атлетики мировой чемпионат. Можете себе представить, насколько тщательно подбирали и готовили команду! Что же касается меня, то в Москве решили, что Бубка нестабильный, неперспективный. Таяли последние надежды. Но неожиданно за меня вступился Игорь Арамович Тер-Ованесян, в прошлом прославленный легкоатлет, ныне главный тренер сборной. Повез на чемпионат под личную ответственность.

В Хельсинки пришлось прыгать в холодную, дождливую погоду, наперекор порывистому ветру. Но я ничего вокруг не видел, кроме шеста, дорожки для разбега и планки в хмуром небе. Первые две попытки не задались. Решил предельно усилить разбег и толчок от шеста — пусть улечу за поролоновые маты и расшибусь в лепешку, но все-таки перепрыгну планку. И перепрыгнул!

Дальше стало легче. До победы оставалось всего чуть-чуть. И надо же, перед самым разбегом жутко разболелся вывихнутый на разминке палец. На ходу сообразил, как по-другому ухватить шест, чтобы не выронить его от боли, и одолел-таки последний рубеж — 5 метров 70 сантиметров! Я был рад несказанно, причем не столько медали, сколько тому, что не подвел Игоря Арамовича.

Петров тогда в Хельсинки не ездил, встретил меня в Москве. И сразу же высказал множество замечаний насчет заключительных прыжков, которые видел по телевизору. Я разобиделся и даже пробурчал в ответ что-то про свою усталость. «Не дуйся,— улыбнулся Виталий Афанасьевич,— и вспомни истину: кому много дано, с того и спрос по большому счету!» Ладно, говорю, дальше-то что делать будем? «Дальше? — удивляется тренер.— Дальше пойдем на мировой рекорд!»

И вот в мае 1984 года в Братиславе с первой же попытки удалось взлететь на 5 метров 85 сантиметров! Лето 84-го вообще оказалось для меня счастливым. На девять сантиметров «подрос» рекорд. А случилось это вот как.

Мои успехи крепко задели за живое прежнего рекордсмена — Тьерри Виньярона. На турнире в Риме он прыгнул на 5 метров 91 сантиметр. До этого не было такого случая, чтобы на одних и тех же состязаниях рекорд улучшали дважды. И все-таки я задумал отыграться! Попросил установить планку на высоте 5.92. Соперник спокойно наблюдал за моими приготовлениями, а когда до прыжка оставались считанные мгновения, бросился к арбитрам и потребовал, чтобы попытку отменили: есть, мол, правило,— когда прыгуны остаются в секторе вдвоем, планку нужно поднимать сразу на три сантиметра. Расчет был прост: попортить мне нервы, сбить с боевого настроя. Но я принял вызов. И уложился в один заход!

Через год мы вновь увиделись на состязаниях в Париже, но Тьерри предпочел остаться в роли зрителя. Пришлось сражаться с высотой в одиночку. Сперва заказал планку на отметке 5.96. А потом подумал: надо решаться на большее! И вот планка на высоте 6 метров. Первая попытка — неудача. Вторая — тоже. Снова разбег, мощный толчок, и шест несет меня на «шестое небо» — так французские газеты окрестили мой прыжок...

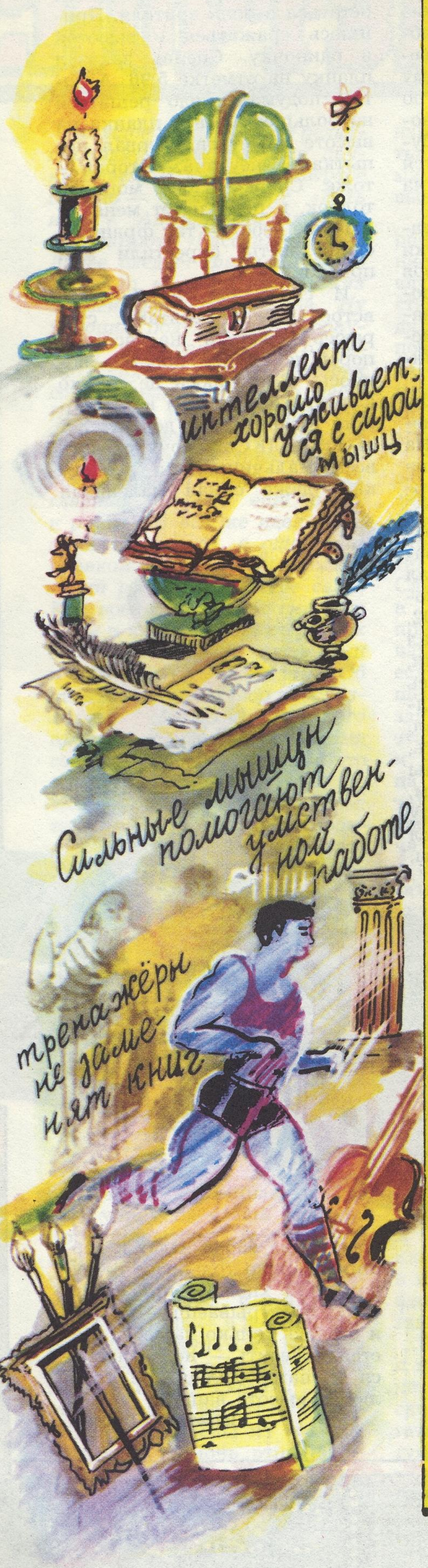
И снова работа. Я часто встречаюсь с ребятами, стараюсь ответить на все их порой не самые простые вопросы. Встречаюсь не только как спортсмен, но и как старший товарищ, как делегат XX съезда ВЛКСМ. Хочу сказать всем мальчишкам и девчонкам: даже самая маленькая победа над собой ведет к вершине. Важно только не отступать и не хныкать при неудачах; проигрываешь — терпи и сердись только на себя; удастся победить — не зазнавайся и шагай дальше. И тогда любая высота ваша!

Записал С. ШАЧИН.

КЛУБ СИЛАЧЕЙ

девятое занятие

Всем ли необходимо быть сильными? Ясно, что спортсмену, солдату, каменщику, лесорубу, грузчику или шахтеру без крепких мускулов не обойтись. Но нужна ли физическая сила людям умственного труда? Как она влияет на их работу?

Если судить по многим выдающимся поэтам, писателям, ученым, то влияет неплохо. Великого математика Пифагора современники особенно чтили не за его геометрические «штаны», а за то, что он стал олимпийским чемпионом по кулачному бою. В знаменитой академии Платона учили не только «мудрствовать», но и классической борьбе по всем правилам искусства. Кстати, сам первый академик, в молодости великолепный атлет, любил размять старые кости с будущими философами, а при случае и намять им бока. Гениальному ученому и художнику Леонардо да Винчи не было равных во всей Италии в силовом единоборстве руками, где нужно было положить на стол руку соперника.

И в более близкое нам время сила мышц отлично уживалась с силой мысли (с интеллектом). Замечательный английский поэт Байрон, не унаследовавший от родителей ничего, кроме титула, успешно пополнял свой кошелек с помощью... кулаков. В перерывах между работой над стихами он регулярно участвовал в боксерских поединках «на пари» и обычно выигрывал их. Великолепно боксировали на ринге известные писатели Джек Лондон, Э. Хемингуэй, Артур Конан-Дойл. Одним из лучших тяжелоатлетов и борцов Киева был русский писатель А. И. Куприн. Лев Толстой любил, отложив работу над очередным романом, навалиться на плуг и провести по весне в поле первую борозду или, встав на зорьке и вооружившись косой, укладывать ровными рядами сочную, душистую траву.

Не отставали от писателей и ученые. Академик И. П. Павлов говорил, что «всю жизнь любил умственный труд и физический, но последний — больше». Каждую свободную минуту он старался употребить на то, чтобы его мышцы были в работе, все любил делать своими руками: пилил, строгал, приколачивал и очень гордился своей физической силой. Чемпиону мира, прославленному русскому силачу Георгу Гаккеншмидту работа с тяжестями не помешала в совершенстве овладеть восемью языками и стать одним из крупнейших философов современности: труды его переведены на значительно большее количество языков. Выдающийся русский инженер, академик В. Шухов и в семьдесят лет ежедневно тренировался на гимнастических снарядах, подтягивался на перекладине. Известный авиационный конструктор, Герой Социалистического Труда академик А. А. Микулин в девяносто лет не расставался с тяжелыми гантелями! Все они утверждали, что тренировка и укрепление мышц помогают им в умственной работе. Но так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, провели строгие эксперименты.

Выяснили, например, как успеваемость в школе (это ведь тоже показатель умственной работы) связана с развитием мышц учеников. Было установлено, что школьникам с хорошо развитой, сильной мускулатурой намного легче учиться: они меньше устают, быстрее восстанавливают силы, больше успевают сделать. Такие же результаты дали наблюдения за молодыми инженерами, врачами, учителями, которых проверяли с помощью специальных заданий «на умственную работу». «Мускулистые» оказались ра-

ботоспособнее, делали меньше ошибок и в конечном счете выполняли задания лучше, быстрее, успешнее.

Выходит, и впрямь сильные мышцы помогают при умственной работе. Правда, их роль не надо преувеличивать: самая совершенная физическая тренировка не прибавит знаний, а лучшие тренажеры не заменят книг. И все же несомненно: сильные мышцы благотворно влияют на психику, на процесс обучения, на эффективность работы нашего мозга. С чем это связано? Причин много, но расскажем о главных.

Еще 2500 лет назад великий греческий врач, отец медицины Гиппократ обнаружил между телосложением и психическими особенностями людей связь, которую положил в основу учения о темпераментах. Он считал, что люди физически сильные, здоровые, уверенные в себе пребывают обычно в хорошем расположении духа. Это сангвиники. В противоположность им люди хилые, болезненные, тревожные чаще бывают в плохом настроении — это меланхолики. Современные ученые не только подтвердили наблюдения Гиппократа, но и обнаружили в организме человека особые вещества «хорошего настроения». Оказалось, что их выработка во многом зависит от импульсов, поступающих в головной мозг от мышц. Если мышцы сильные и работают энергично, то импульсация от них больше, а значит, лучше настроение и самочувствие. А уж коли человек чувствует себя хорошо, так ему и учиться, и работать легче, радостнее, интереснее. И действительно, обследования учеников показали, что трудности при выполнении домашних заданий, плохое усвоение материала на уроках, переутомление встречаются у ребят со слабым телосложением почти в пять (!) раз чаще, чем у их сверстников с хорошо развитой мускулатурой.

Есть и еще одна причина преимущества «мускулистых» в умственной работе. Связана она с особенностями строения человеческого мозга. Мозг, как известно, орган мышления, а потому считали, что все его клетки занимаются этим важным делом. Между тем к умственной работе привлекается не более 10 процентов клеток мозга. Остальные 90 процентов управляют работой различных органов (сердца, легких, желудка), и в первую очередь мышц, от которых в мозг непрерывным потоком поступают сигналы-импульсы. Роль этих сигналов в работе мозга огромна. Эксперименты на животных показали, что если хирургическим путем или с помощью специальных препаратов лишить мозг этих сигналов, то вскоре все мыслительные процессы в нем прекращаются и он погружается в глубокий сон. Иными словами, поступающие от мышц сигналы — необходимая предпосылка для работы мозга.

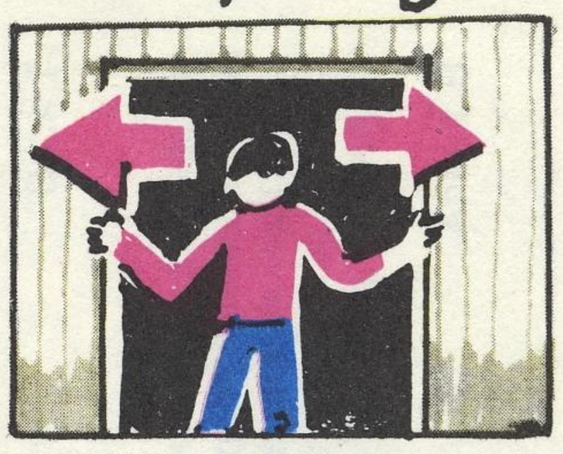
Значит, мощные мышцы нужны не только для физического труда. Они важнейшее подспорье и для труда умственного. Чем мышцы (в разумных пределах) сильнее, тем лучше и для учебы, и для здоровья, и для самочувствия. В школьные годы каждый выбирает свой путь в жизни. Мечтают ребята стать космонавтами и строителями, учеными и врачами, учителями и артистами, художниками и полководцами. Профессий множество, и всякая интересна, всякая почетна, если ты мастер своего дела. А для этого необходимо учиться: сначала в школе, да и после школы не один год, а может, и всю жизнь. И тут надежными твоими помощниками всегда будут сильные, тренированные мышцы, укреплять которые надо смолоду.

Помимо нашего комплекса из двадцати упражнений, хочу посоветовать тебе несколько новых, так называемых изометрических. Они не только позволяют увеличить силу, но хорошо снимают усталость во время занятий. Поэтому советую выполнять их, например, в перерывах между уроками.

Каждое упражнение выполнять 3—5 раз по 5—6 секунд с небольшими интервалами. Общее время выполнения упражнений — примерно 5 минут.

М. ЗАЛЕССКИЙ.

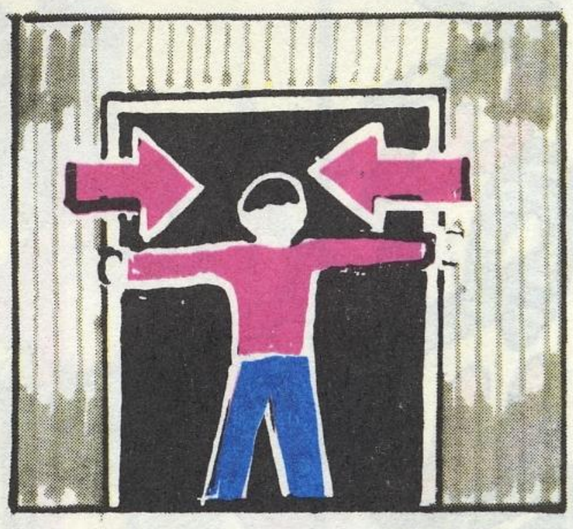
Попробуй:

«СДВИНУТЬ» ДВЕРНОЙ ПРОЕМ

«ПОДНЯТЬ» СЕБЯ СО СТУЛОМ

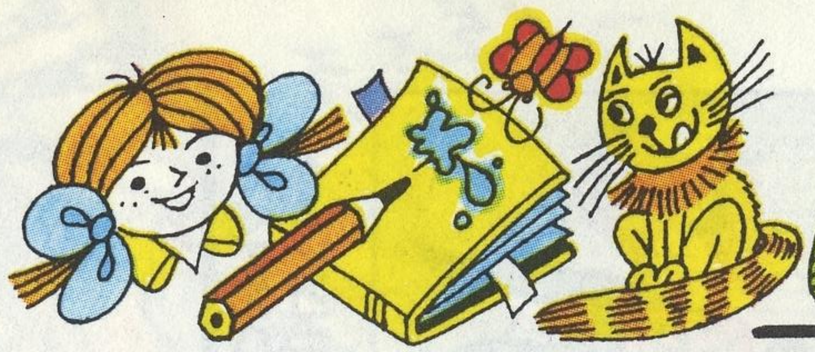

«СУЗИТЬ» ДВЕРНОЙ ПРОЁМ

«ОТОДВИНУТЬ» СТЕНКУ КОМНАТЫ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ПЕРЕМЕНКА

Жизнь замечательных детей

Во время похода в театр один наш мальчик очень хотел помочь одной нашей девочке открыть парадную дверь. Но другой наш мальчик тоже захотел открыть эту же дверь. Они кинулись вдвоем и сбили с ног одну народную артистку.

* * *

Одна наша девочка явилась в школу с часами на обеих руках. Она сказала, что на одних ее часах только минутная стрелка, а на других — только часовая. Так сейчас все в Японии ходят...

Но один мальчик сказал, что одни «часы» — компас, а другие — барометр.

Наш календарь

Ровно сутки протащились с той поры, как пролетели каникулы.

* * *

Одна секунда... две секунды... три секунды... четыре секунды... 2697 секунд... 2698 секунд... 2699 секунд... ЗВОНОК!!!

ПЕРЛовая книга

«Мое любимое животное — это растение, которое я назвала Муркой».

«Выполняя план, раньше в одном месте работали больше, а в другом меньше. Теперь все будет наоборот».

«Моя мама работает почтальоном. За 30 минут она разносит 4 подъезда».

«Бедных людей раньше рисовали на картинах, а богатых на портретах...»

ПЕРЛы отыскали:
Оля Монькова из г. Родники Ивановской области,
С. Хмельницкий из с. Руцава Лиепайского района Латвийской ССР,
А. С. из Уфы,
а также Ю. Блинова и А. Брук неизвестно откуда.

Полезные советы

Если у вас оторвалась пуговица на пиджаке, не выбрасывайте его — найдите иголку, нитку, новую пуговицу и позовите бабушку.

*

Знаете ли вы...

...что первые «металлисты» появились на территории нынешней России еще в XII веке. Их первые гастроли на льду Чудского озера закончились полным провалом.

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Учитель: Почему шаровая молния называется шаровой?
Ученик: Потому что от нее все шарахаются...

* * *

Учитель: В какой области работал Пифагор?
Ученик: А тогда еще не было областей.

* * *

Учитель: Реши задачку: у Маши 6 яблок, а у Миши в 2 раза меньше. Сколько яблок у Миши?
Ученик: Надо Машу разделить на Мишу.

Прислали Оксана Сашко из Волгограда,
Алеша Гашев из Перми,
Витя Фриске из Аркалыка.

Дарю тебе подарок

Придумал и нарисовал Е. ШАБЕЛЬНИК.

РЕКОРДЫ «ПЕРЕМЕНКИ»

Гоша В. три дня искал на карте Сихотэ-Алинь. Это абсолютный рекорд, поскольку он искал Сихотэ-Алинь на карте Антарктиды.

* * *

Сразу после того, как Коля Т. присвоил себе кличку Рекорд, лучший спортсмен класса Гриша К. его побил.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Васе Г. нужна няня Арина Родионовна (с обязательным знанием всех наук в объеме средней школы).

Вася Г.

* * *

Сейчас же дайте: стереомагнитофон, 987 кассет (желательно импортных), пять пар джинсов, пять пар кроссовок «Адидас», горные лыжи, мотоцикл, дубленку, и хотелось бы видеомагнитофон.

ОБИСЧАЮ ИСПРАВИТЬ «ТРОЙКУ» ПА РУСКАМУ ЯЗЫКУ!

Алена В.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Везде ли можно наследить?

На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...

Кто не знает этой популярной песни! Но реально ли воплотить ее в жизнь? Долететь до дальних планет при современном уровне техники дело, конечно, не хитрое, а вот оставить следы...

Взять хотя бы Юпитер — самую крупную планету солнечной системы. Он в тысячи раз больше Земли, а на самом деле...

На самом деле Юпитер — гигантское облако, состоящее в основном из двух газов: водорода и гелия. У него не то что земли, но вообще никакой твердой поверхности нет. Вот и выходит — великая планета, а ступить... некуда, не на чем оставить следы.

Кто есть кто?

Этот хищник похож на огромную песчаного цвета кошку с разбросанными по телу черными пятнами.

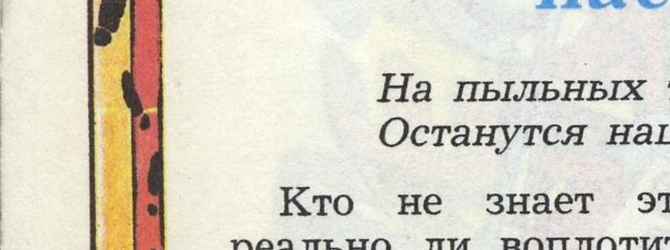
Догадался? Ну, конечно, это леопард. Удивительно происхождение его названия: «лео» по-латыни значит «лев», «пардус» — «пантера». С давних пор люди считали, что леопард — помесь льва с пантерой, их детеныш. На самом же деле, львы сами по себе, леопарды сами по себе. А как же пантеры? А пантеры — это те же леопарды, только черного цвета.

Зубы не роскошь

Как известно, слоновая кость — и не кость вовсе, а зубы, точнее, клыки или бивни. Они могут достигать такой величины, что порой кажется, лучше бы их не было совсем. В самом деле, длина крупного бивня свыше двух метров, а вес их пары — примерно 225 килограммов. Таскать такие зубы изо дня в день кому угодно, даже терпеливому слону, надоест. Поэтому он имеет в стаде «раба», на которого кладет свои бивни, чтобы немного от них отдохнуть.

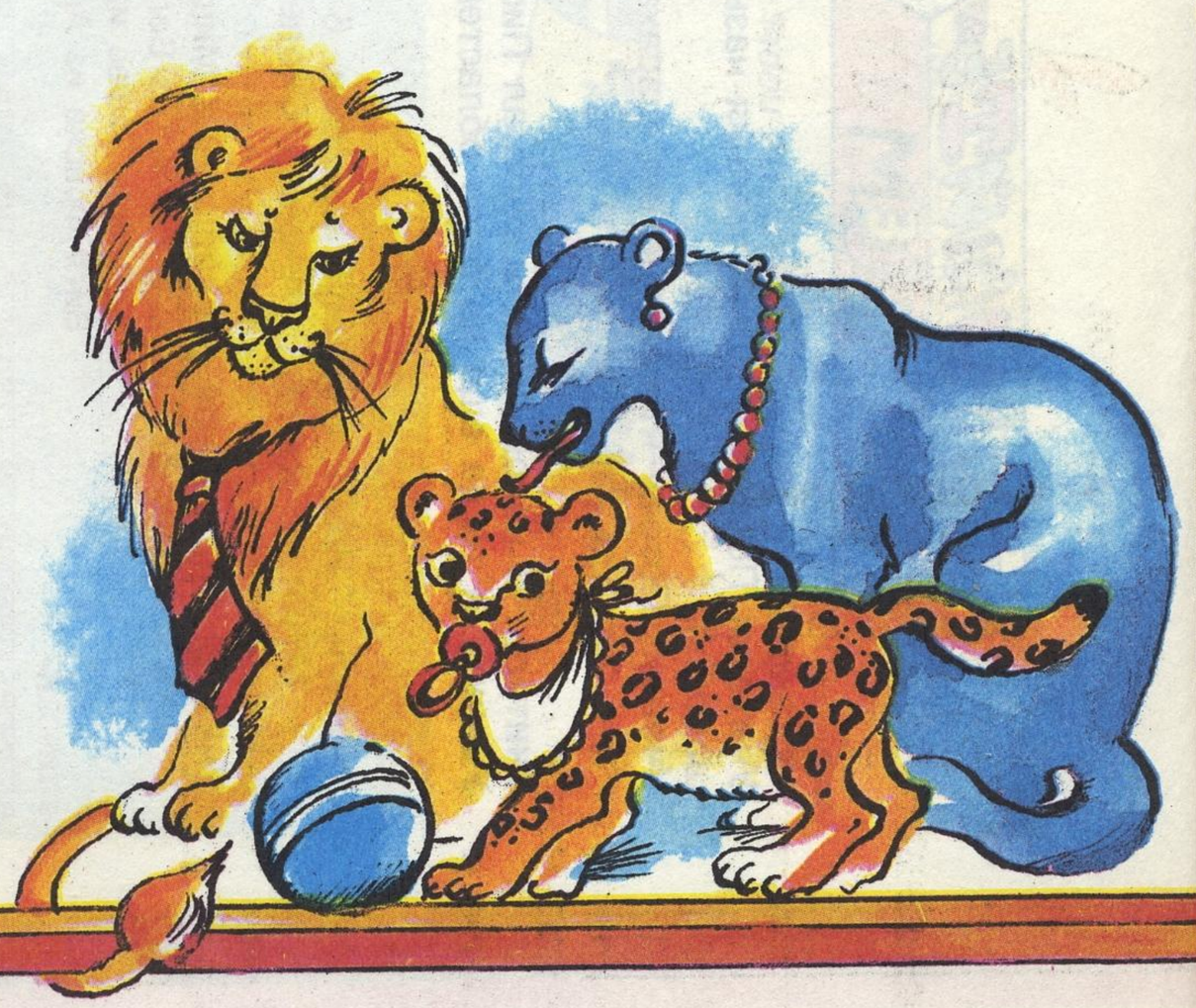
Но главное неудобство слонам от их клыков все-таки в том, что они представляют ценность для человека. Такую ценность, что вообще непонятно: бивни при слоне или он при бивнях. Во всяком случае, если бы их не было, слонам, возможно, жилось бы спокойнее. А то ведь добывали и добывают слонов в основном ради их бивней. В Африке возникло даже целое государство, получившее из-за этого промысла название — Берег Слоновой Кости.

Сейчас слонам стало полегче. Для них созданы заповедники, а под знаменитую «слоновую кость» все искуснее подделывают синтетические материалы. Но как ни стараются химики, спрос на настоящую слоновую кость остается исключительно высоким. При этом интересно, что «слоновую кость» наивысшего качества дают вовсе не бивни слонов, а огромные клыки бегемотов.

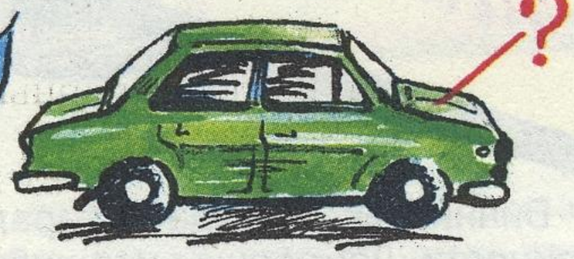
Ответы на чайнворд про птиц и зверей, напечатанный в «Пионере» № 8.

1. Хамелеон. 2. Норка. 3. Аист. 4. Тушканчик. 5. Кондор. 6. Рысак. 7. Кашалот. 8. Трясогузка. 9. Австралия. 10. Ягуар. 11. Русак. 12. Кобра.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2

(Фамилия конструктора.)

6

8 Гоночная моторная лодка.

9 «Квартира» древнего человека.

11 1 000 000 000

12

По вертикали:

1 Послесловие к литературному произведению.

3 Подарок на память.

4 Сказочный домик.

5

7

10

«Как не попасть пальцем в небо?»

Выпуск второй

Сначала — ответы на загадки из предыдущего номера.

Счет до начала матча всегда 0:0.

Большая лягушка приходится маленькой отцом.

Большинство овец на земле белые, поэтому они поедают больше травы.

Слово «алфавит» состоит из семи букв. Надо их только сосчитать.

Одно яблоко было отдано в пакете.

А теперь — новый веселый пример...

Сын-пятиклассник спрашивает у отца: «Папа, справедливо ли наказывать человека за то, что он не делал?» «Конечно, нет»,— отвечает отец. «Я три дня не делал домашние задания,— сообщает тогда сын,— и учительница вызывает тебя в школу...»

...И загадки.

Что является концом всего?

В зале очень много мальчиков и девочек. Что надо сделать, чтобы сразу узнать, кого больше?

Как может кошка зайти в погреб с одной головой, а выйти с двумя?

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

Содержание

Революционный держите шаг.— В. Луцкий. Фотография В. Терешкина ..... II обл.
Год 1917-й. Сентябрь. — Подготовили Т. Кузьмина и В. Миллер 2
Урок мужества.— Рассказ А. Маркуши 4
Ищу друзей. Библиотека 8
Первый Всесоюзный.— Л. Разгон 10
Юнкоровский пост РВС 14
Ранний экспресс.— Повесть Л. Кузьмина. Продолжение. Рисунки В. Дудкина 17
Что случилось с 5 «А»? — Поэма В. Высоцкого 26
Пхеньян — столица XIII фестиваля 30
«Мелодией одной звучат печаль и радость...» — Е. Селезнева 32
«Кораблик» 38
Девочка по имени Лотос.— Повесть А. Овчаренко. Рисунки А. Мелик-Саркисяна 40
Осень, здравствуй! Погонщик. Песня о жар-птице.— Стихи В. Кожемякина 49
На научной волне 50
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. Мигдал. Рисунки Н. и Т. Доброхотовых 54
«Пионер»ский спортзал 56
Клуб силачей 58
Переменка 60
Узнавайка 62
Домовенок и компания 64
175 лет со дня Бородинского сражения.— Фотография С. Сафоновой ..... IV обл.

На обложке:
В школу! — Рисунок И. Панкова.

Главный редактор **А. С. МОРОЗ.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Н. А. ФЕДОРОВОЙ.**

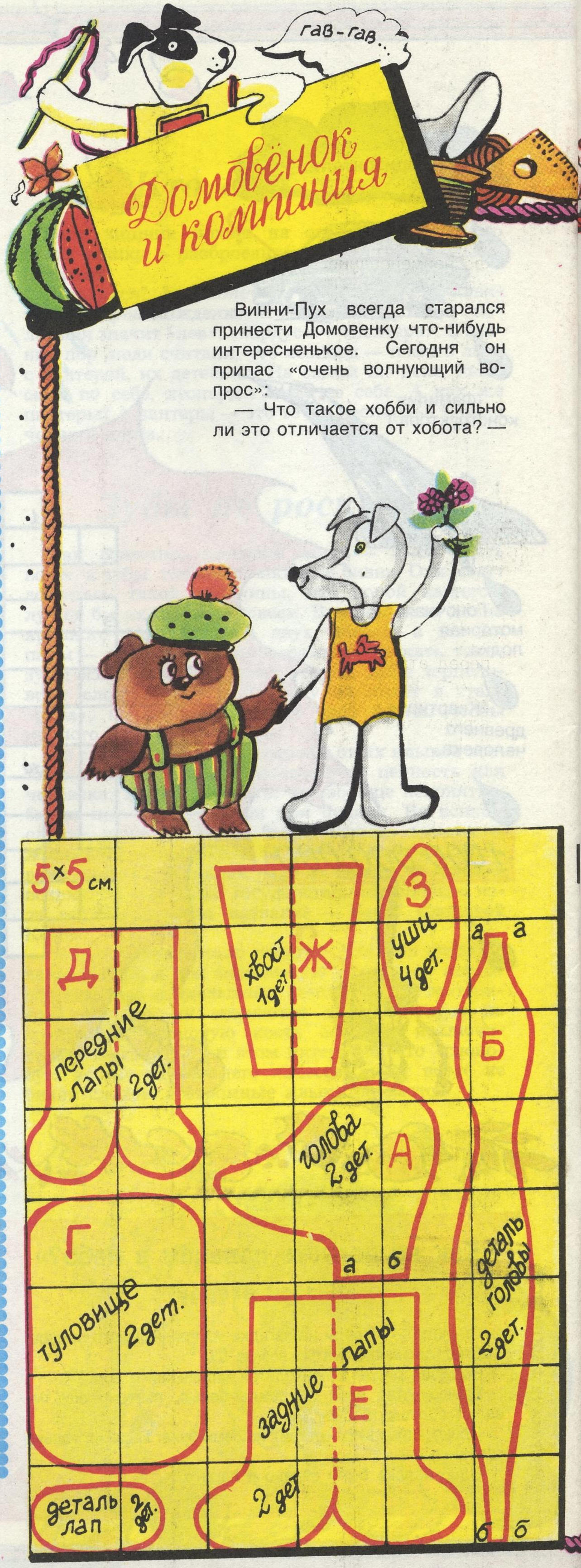
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1987.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.07.87.
Подписано к печати 20.07.87. А 05109. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 2114. Заказ № 954.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Винни-Пух всегда старался принести Домовенку что-нибудь интересненькое. Сегодня он припас «очень волнующий вопрос»:

— Что такое хобби и сильно ли это отличается от хобота? —

Не дождавшись ответа, Винни-Пух выложил вторую часть этого же вопроса: — Есть ли оно у Слонопотама?

Всем известно, как Винни-Пух опасается Слонопотама...

Но Домовенок успокоил медвежонка:

— У Слонопотама наверняка нет хобби. Оно не у каждого есть!

— А если оно есть, можно ли его есть? — спросил Винни.

— Это смотря какое хобби. Вот, например, папа Карло раньше увлекался разными поделками из дерева. А Белоснежка шьет...

— Это очень полезное хобби,— заметил франтоватый медведь.— Может она мне брюки в клеточку сшить? Говорят, модно.

— М-м, насчет брюк в клеточку не знаю,— задумался Домовенок,— а вот я сам видел у нее собаку в клеточку.

— Собака в клеточку? — переспросил Винни-Пух.— Никогда не слышал о такой породе. Надо пойти к Белоснежке посмотреть.

Белоснежка очень развеселилась, узнав о собаках в клеточку.

— Домовенок все напутал! На самом деле...

ДЛЯ ТЕХ, У КОГО НЕТ НАСТОЯЩЕЙ СОБАКИ

Возьмите белую материю — полотно, байку, фланель, а также вату или поролон. Нитки — белые и черные, чтобы вышить глаза, рот и носик.

Берете большой лист бумаги и — по клеточкам! — увеличиваете выкройку. Одна клеточка на нашем рисунке равняется квадрату 5×5 сантиметров. Детали обозначены на выкройке.

Вначале соедините детали *А* и *Б*. Деталь *Б* придаст голове объемность, это полоса от затылка ко лбу. На выкройке указаны маленькие буквы *а* и *б*, приложив их друг к другу, надо сшивать ткань. Затем вышейте черными нитками глаза, рот и носик. Сшейте два уха и прикрепите к голове. Сшейте туловище, лапы — передние и задние. Выверните их. (Не забудьте пришить к лапам нижние детали —*В*.) Набейте лапы ватой или поролоном и вшейте в еще ненаполненное туловище — деталь *Г*. Затем наполните туловище. Остался хвост — его надо сложить в четыре раза в длину, чтобы он получился завитым. Пришейте хвост — и собака готова. Да, последнее,— линии сгиба (в деталях хвоста и лап) обозначены пунктиром.

Если у вас получилась симпатичная собака, то, наверное, вам не трудно будет сшить для нее костюм. Предлагаем одну модель: спортивный купальник. На выкройке (одна клетка — 5×5 см) изображена его передняя половина. Так же выглядит и задняя, поэтому ткань сложите вдвое — линия сгиба на уровне плеч. Вырезайте и сшивайте детали. Ну вот, собака и одета.

— Надо же, какое у Белоснежки хобби! — восхитился Винни-Пух.— А вот у тебя, Матроскин, есть хобби?

— А как же — корова моя, Мурка! — парировал Матроскин и добавил: — Еще экономить люблю. Можно сказать, мое второе увлечение.

— Как это тебе удается? — заинтересовался Колобок.— У меня никак не получается...

— А скажи мне, Колобок, ты, когда арбуз покупаешь, что из него выкидываешь? — спросил Матроскин.

— Ясно, что, корки, семечки,— удивился Колобок.

— А я — только семечки! — гордо сказал Матроскин.— Слушай.

ПРИМЕР ЭКОНОМНОГО ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА ПОКАЗЫВАЕТ ОЧЕНЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МАТРОСКИН

Замечательная ягода — арбуз. Очень уважаю. И к дыне неплохо отношусь, к цитрусовым...

Только меня одно огорчало: покупаешь все это с корками, а потом выкидываешь чуть ли не треть покупки...

Но голова-то на что? И я придумал: из корок цукаты делать.

Аккуратно срезаете с арбуза или дыни корки. Нарезаете на мелкие кусочки. Если вы выбрали апельсиновые цукаты, то кожуру надо вымачивать два-три дня в холодной воде, постоянно ее меняя.

Приготавливаете сироп: 1,2 кг песка на 1 литр воды. Ставите кастрюлю с сиропом на плиту и, когда он закипит, опускаете туда ломтики. Через 1—2 минуты кастрюлю снимаете и отставляете в сторону. Через восемь часов выньте кусочки в отдельную посудину, поставьте кастрюлю с сиропом на огонь и, когда он закипит, опять бросьте туда ломтики на несколько минут. Снова дайте настояться в течение восьми часов — и повторите еще раз ту же процедуру с кипячением сиропа. В последний раз не снимайте кастрюлю с плиты, а, помешивая, варите цукаты на медленном огне примерно 30—40 минут. Потом выкладывайте кусочки в миску с широким дном и, когда они подсохнут, посыпьте их сахарным песком.

Цукаты можно положить в банку и сохранить до зимы. Тогда они будут особенно сладкими! Их можно есть просто так, с мороженым или украсить ими самодельный торт.

Когда Матроскин замолчал, его слушатели от восторга даже захлопали в ладоши: вроде все так просто, а как здорово!

— У нас вообще все здорово, когда мы вместе,— сказал Домовенок.

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

...Для чего было дано Бородинское сражение? Ни для французов, ни для русских оно не имело ни малейшего смысла. Результатом ближайшим было и должно было быть — для русских то, что мы приблизились к погибели Москвы (чего мы боялись больше всего в мире), а для французов то, что они приблизились к погибели всей армии (чего они тоже боялись больше всего в мире). Результат этот был тогда же совершенно очевиден, а между тем Наполеон дал, а Кутузов принял это сражение.

...Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, погибель пятисоттысячного нашествия и погибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника.

Лев ТОЛСТОЙ. **«Война и мир».**

Цена 30 коп. Индекс 70694.